

80-летию
со дня основания академии посвящается

80-річчю
з дня заснування академії присвячується

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ
УКРАЇНИ**

**ПРИДНІПРОВСЬКА ДЕРЖАВНА
АКАДЕМІЯ БУДІВНИЦТВА ТА АРХІТЕКТУРИ**

П'ЯТНАДЦЯТИЙ

ПОВЕРХ...

**Літературні твори співробітників
ПДАБА**

Дніпропетровськ
ПДАБА
2010

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
УКРАИНЫ
ПРИДНЕПРОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ**

ПЯТНАДЦАТЫЙ

ЭТАЖ...

**Литературные произведения сотрудников
ПГАСА**

Днепропетровск
ПГАСА
2010

ББК 84 (4 Рос+4 Укр)
УДК 821.161.1+821.161.2
П 996

**Рекомендовано к печати Ученым Советом ПГАСА 07.07.2010
(протокол № 12).**

Редакционная коллегия:

В.И. Большаков,

доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и
техники Украины, ректор ПГАСА
(главный редактор)

А.П. Приходько,

доктор технических наук, профессор, проректор ПГАСА

Т.А. Шпаковская,

помощник ректора ПГАСА по связям с общественностью
(составитель)

Н.А. Дорофеева,

директор НТБ ПГАСА

С.И. Данченко,

заведующая отделом НТБ ПГАСА

Рецензенты:

Е.А. Гусева,

кандидат филологических наук, доцент,
докторант ДНУ имени О. Гончара (Днепропетровск)

Н.Н. Валуева,

кандидат филологических наук,
доцент ДГТУ (Днепродзержинск)

Сборник литературных произведений сотрудников академии собрал под своей обложкой людей, которые в наше расчетливое и очень реалистическое время живут, опираясь на душу. Авторы в своих разных по жанру, жизненному опыту, тематике творениях приглашают читателей в путешествие, воссоздающее портрет сегодняшнего дня. И одновременно с отражением бытия находят точки для нашего духовного объединения.

ISBN 978-966-323-055-9

© Большаков В.И., предисловие, 2010
© ПГАСА, 2010

В СОДРУЖЕСТВЕ С ЕВТЕРПОЙ И СЕШЕТ

На протяжении многих лет, можно сказать, большей части моей жизни я не перестаю удивляться безграничности творчества. Его многочисленные, всегда неожиданные, новые, увлекательные проявления волнуют, искренне восхищают и раскрывают нам бесконечность, казалось бы, всегда конечной, человеческой жизни. Безусловно, в первую очередь это касается шедевров классики. Не одному поколению людей дарят свои великолепные подарки, часто уводят от боли мира в свет красок коллекции музеев: Лувра, Уффици, Эрмитажа, Третьяковской галереи и многих других. В них отразился творческий опыт человечества, для которого на протяжении всей его истории был характерен, в тех или иных мере и форме, способ художественного самовыражения.

Литература и все виды искусства – это занимательная тайна сердца. И эта тайна нас будоражит, заставляет думать, анализировать, искать взаимопонимание, дает возможность обрести свою человеческую сущность.

Мои детство и юность прошли, если так можно сказать, в пограничной зоне двух семей: моей бабушки – Анны Васильевны Стародубовой, где воспитывалась моя мама – Татьяна Федоровна – и два ее брата – Кирилл Федорович и Анатолий Федорович, и нашей большой семье Большаковых, где нас, детей, у папы с мамой было четверо. После окончания занятий в школе № 23, мы с сестрой Викторией часто приходили к бабушке. Она со своими сыновьями жила рядом со школой в большом сером доме на углу проспектов К. Маркса и Ю. Гагарина. Здесь царствовал культ литературы и искусства. Бабушка прекрасно знала русскую классическую литературу и руководила нашим домашним чтением.

Я и сегодня ей бесконечно благодарен за то, что она научила нас сверять жизнь с лучшими образцами литературы. Вечером, прочитав нежнейшую лирику А. Фета, я днем, в перерыве между многочисленными неотложными делами, могу заглянуть в сборник любимого поэта Р. Козаковой и прочитать стихотворение о моей современнице, красивой девушке, идущей по главной улице Москвы. Это тихое общение с лирикой XIX и XX веков дарит не только эстетическое удовлетворение, но и реально помогает найти те или иные решения сегодняшних проблем.

Учась в металлургическом институте, я продолжал часто приходить в дом Стародубовых. И теперь уже мой дядя, Анатолий Федорович, приобщал меня к искусству театра, кино, показывал художественные открытки с изображением Екатеринослава-Днепропетровска, изданные в разные годы в разных странах. Часто эти беседы заканчивались тем, что мне доверялась ответственная миссия: отвезти статьи, написанные Анатолием Федоровичем, в редакции газет «Днепр вечерний» и «Днепровская правда». А затем, когда они были опубликованы, мы их дома читали вслух, радовались и восхищались.

Эти творческие уроки помогают мне и сегодня. Поэтому я с большой радостью воспринял в прошлом году идею выпуска сборника литературных произведений наших студентов и аспирантов, а сегодня от всей души приветствую издание второго выпуска, теперь уже произведений сотрудников академии. Символическое название «Пятнадцатый этаж...» говорит о том, что многообразная жизнь академии все время стремится подняться выше и выше. Ее волны уже переросли четырнадцать этажей самого высокого из наших корпусов, освоили пятнадцатый, а дальше, надеюсь, будут шестнадцатый, семнадцатый и т. д.

Что сегодня волнует наших авторов «Пятнадцатого этажа...»? Если обратиться к их произведениям, то можно сказать, что предмет изучения остался вечным: насыщенный разными мотивами жизни Человек. И в поэтических, и в прозаических произведениях наблюдается

переплетение разнородных сюжетных элементов. При всем их разнообразии есть объединяющие сквозные темы: человек и природа, человек и война, человек и любовь, человек и родная земля, человек и смысл его жизни.

Прочитав вариант сборника, готовящегося к печати, я явственно увидел культурный срез всей академии. В числе авторов: профессора, доценты, старшие преподаватели, ассистенты, аспиранты, заведующие лабораториями, кабинетами, учебный мастер. Этим очень разных людей, кроме работы в ПГАСА, объединяет тяга к творчеству, тяга к самовоспитанию и духовному самовращиванию. Они поверяют бумаге свои заветные чувства и мысли, а мы, читая их, интеллектуально и душевно обогащаемся.

Потому что нельзя не согласиться с Максимом Бородиным, который считает, что «на небо можно смотреть часами, на зеленой траве можно лежать днями, дышать запахом цветущих садов можно неделями». И все это восхищение природой поэт предлагает нам разделить вместе с ним без каких-либо заглавных букв и знаков препинания, на одном дыхании.

Незабвенный, ироничный Вячеслав Внуков, исполняя свои сатирические куплеты в 1990-х годах, писал:

«Вдруг квартплата возросла.
Денег нет. А чем платить?
Власть опять нас так прижала,
Что не знаем, как и быть?»

Написано в XX веке, а как актуально сегодня!

А вот Иван Гаврилов объясняет свое увлечение поэзией тем, что

«Мне лунный свет нашел бумагу.
И ручку дал, лучом светил,
Подняв меня, как на отвагу,
Чтоб я писал, чтоб не забыл».

Не могут не писать люди разных поколений. Виктор Харченко, Владимир Гилев, Виктор Колохов, Марина Недогибченко – о такой

волнующей теме как война. Каждый из них глубоко осмысливает и приглашает нас задуматься вместе с авторами над архиважными понятиями: верность Родине, дружбе, храбрость, смелость, человечность в самом высоком смысле слова.

К еще одной вечной теме литературы и искусства обращаются Ирина Лушинская, Наталья Ротт, Марина Складановская, Владимир Шабатько, Геннадий Львов, Олег Чалый. Чудесные поэтические метафоры, яркие художественные образы у них рождаются, когда пишут о любви, воспевая ее силу, нежность и беспредельную высоту.

Читая второй раздел книги, посвященный публицистике и мемуарам, где Виктор Харченко, Сергей Подолинный, Татьяна Шпаковская пишут о выпускниках и студентах академии, наполняешься светлым чувством гордости и благодарности красивым людям, нашим коллегам, как авторам, так и их героям. Ведь недаром существует такое выражение: «Рост человека измеряется не от макушки до пяток, а от головы до неба».

Известно, что сфера инженерных, строительных наук и сфера литературы, искусства очень разные. Но в литературных опытах наших коллег мы видим, что они – пересекающиеся сферы. Их взаимопроникновение и равновесие и есть главная тайна художника. И я желаю всем: и читателям, и авторам постоянно стремиться разгадывать эту тайну, привести в ее раскрытие свои чувства и понимания. И пусть нас всех в этой высокой душевной работе охраняют и помогают богиня строительства, письменности и геометрии Сешет и муза лирической поэзии Евтерпа.

В.И. Большаков,
*ректор ПГАСА,
доктор технических наук, профессор,
заслуженный деятель
науки и техники Украины,
лауреат Государственной премии Украины
в области науки и техники*

ПОЭЗИЯ

*ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОЗА*

МАКСИМ БОРОДИН

родился в Днепропетровске. Окончил ПГАСА в 1995 году по специальности – «Промышленное и гражданское строительство». Защитил диссертацию в 2002 году. Кандидат технических наук. Работаю доцентом на кафедре учета, экономики и управления персоналом предприятия.

Поэзия для меня, как для медали – вторая сторона. Реализация творческого начала, возможность понять себя, других людей, этот мир и то, что будет после.

Стихи публиковались в российских и украинских литературных журналах и альманахах. Вышло четыре поэтических сборника, в том числе один в Москве (2010, совместный проект издательств «АРГО-РИСК», «Книжное обозрение» и журнала «Воздух»). В поэзии, как и в науке, предпочитаю эксперимент с текстом, с буквами, с цифрами, с идеями, то есть поиск новых путей самовыражения.

после дождя
вода
становится глубокой и гулкой
можно долго
слушать
как
к реке
бегут последние капли
и
оттолкнувшись от листьев и трав
прыгают в омут
нашей жизни

от грибного дождя
вырастают крылья
и
ты превращаешься
в плетеное кресло
которое срочно
заносят
под навес веранды
чтоб не намокло

на небо можно смотреть часами
на зеленой траве можно лежать днями
дышать запахом цветущих садов
можно неделями
а жить
можно
всю жизнь
и
ничего из этого
не испробовать

наконец-то пошел дождь
еще вчера было душно и жарко
а сегодня
по жестяной крыше нашей веранды
ходят мокрые и смешливые ангелы
они маленькими шагами
измеряют нашу жизнь
заставляя радоваться
мелочам
мокрым журналам
оставленным на улице с вечера
серому лоскутному небу
и
холодным зеленым листьям
неизвестно как попавшим
в резиновые сапоги
стоящие
на крыльце
когда надеваешь их
откуда-то сверху
раздается
детский смех
и
музыка

возле церкви
сидели на земле
две
потерянные кем-то женщины
инвалид
в скрипучей словно
колесо обозрения
коляске все смотрел куда-то в сторону
не попадая в глаза
проходящих мимо
белый джип
с госномерами
«душе моей страшно»

стоял у самой ограды
и
все равно
так сладко пахло
цветущей акацией
падающей откуда-то сверху
на наши грешные головы

кажется
что дождь никогда не закончится
будет идти и идти
идти и идти
идти и идти
в общем одни «и»
и никаких других букв
кроме «и»

ЛЕТЯЩИЕ КУЛЁЧКИ

Иду по земле.
Вдруг тень по земле,
как будто летит
птица.
Смотрю –
ветер несет
какой-то кулёк,
прозрачный кулёк,
золотистый кулёк.
Наверно, кто-то
нес в нем апельсины
(прекрасен кулёк, если в нем апельсины),
съел все апельсины
и бросил кулёк
под ноги,
а он
вдохнул полной грудью
и
в даль полетел,
далеко полетел.

Но тут
я подумал
о сути земной
и
чуткий кулёк
увязался
за мной.

Барбовалу

БЕССОННИЦА

Я сплю иногда
на краю.
Иногда
я сплю у стены
и смотрю
сквозь ресницы
на линии серых обоев.
Не спится.
Наверное,
надо подумать о сне,
чтоб он
появился на серой стене
и дал
мне заснуть.
Я смотрю сквозь ресницы.
Не спится,
не спится,
не спится,
не спится.
Мне завтра вставать
ровно в пять,
а у сна
все та же стена,
все та же стена.

Лежу на спине удивительно прямо.
Вдыхаю
холодный растительный воздух.
Я только что умер.
Я только что понял,
что все происходит,
что все происходит...
и это уже ничего не решает
и это уже ничего не решает.
Я глупо вдыхаю
и глупо вдыхаю.
Я только что знал
что-то очень большое
большое
большое
большое
большое
как шорох в траве,
пробегающий мимо
в траве
пробегающий.
Я выдыхаю.
Я только что стал
удивительно тонко
в себе
удивительно тонко в себе
и все поменялось
и все поменялось
и все поменялось
и все поменялось
вдыхаю
вдыхаю
вдыхаю
вдыхаю.
Лежу на спине
на спине
удивленно
мне тайны открыты
лежу на спине я
лежу на спине я

все так
и бывает
хватает
хватает
хватает
хватает
хватает
воздух.

ВЕСНА

Она ездит в маршрутном такси по городу.
Она притворяется поэтом средних лет в очках
и с рукописью во внутреннем кармане пальто.
Она смотрит в окно.
Она жмурится,
когда такси поворачивает к солнцу.
Она ждет своей остановки.
«Остановите у банка».
Нет-нет.
Это сказал не я.
Это какой-то человек с дипломатом
и мобильным телефоном.
Я выхожу на следующей.
Весна выходит со мной.
Мы идём по улице
и нам кажется,
что мы опять перепутали остановки.
Нам надо было выйти у рая,
а нас опять высадили
у ДК машиностроителей.

Скомканный лист черновика,
брошенный под стол,
ещё долго шевелится,
пытаясь расправить
смятые в неравной борьбе крылья.
Так и я
Стараюсь всегда верить людям,
бросившим меня.

В солнце,
которое садится за крыши домов,
есть что-то необъяснимое.
Даже если ты знаешь из курса астрономии
основные законы движения планет,
всё равно остается ощущение
выпадения из реальности.
Кажется,
что за линией горизонта
мир обрывается в пропасть
и все троллейбусы, люди и птицы
вместе с огромным жарким солнцем
пережидают на его дне
каждую ночь, чтобы утром появиться,
как ни в чём не бывало,
с другой стороны нашей жизни.
Реальность – это красочно
обоснованная фантазия.
Чем изысканнее воображение,
тем интереснее проводят время
на дне пропасти
троллейбусы и птицы.

До моего окна
достают ярко-жёлтые цветы.
На длинных-длинных ножках,
они каждое утро
кладут на подоконник свои зеленые лапы
и преданно смотрят мне в глаза.
Апорт.
Лежать.
Голос.
Чужой.
Я готов сделать всё, что угодно.

ВЯЧЕСЛАВ ВНУКОВ

родился в городе Новосибирске. До школы мечтал стать художником, в младших классах – музыкантом, в старших – писателем, а будучи выпускником средней школы, грезил о профессии актера. Но судьба распорядилась иначе: он стал архитектором.

Закончив архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института, он несколько лет работал в проектных организациях Сибири, а затем в Сочи. Там проработал двадцать три года, из которых последние восемнадцать – главным архитектором города. Лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный архитектор РСФСР, обладатель золотой и серебряной медалей ВДНХ СССР, член Союзов архитекторов СССР, Союза архитекторов России, Союза архитекторов Украины.

В 1985 году В.С. Внуков переехал в Днепропетровск. Около шести лет работал главным архитектором города. Затем стал преподавателем Приднепровской государственной академии строительства и архитектуры и ... членом Национального союза журналистов Украины. Тяга к перу и бумаге не оставляла его все время. Как архитектор он опубликовал в различных журналах и газетах страны свыше трехсот статей по архитектуре и строительству. Многие годы был связан с редакцией газеты «Днепр вечерний», где часто публиковал статьи по профессиональной тематике. Однажды показал редактору иронические стихи, тот сразу же распорядился поставить их в номер.

С тех пор ироничный В.С. Внуков постоянно печатал свои произведения на страницах этой газеты. В.С. Внуков являлся одним из инициаторов появления в газете раздела «Прикол», публикаций «Иронические новости», «Иронические стихи»... Ирония была у него не творческим приемом, скорее, сутью, характером, образом мыслей...

Совсем недавно Вячеслав Сергеевич Внуков ушел из жизни...

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

Суровая комиссия ходила по студенческому общежитию с очередной проверкой. Заглянула и в комнату чернокожих девушек из далекой знойной Африки.

– Как живем? – улыбаясь, спросил председатель комиссии.

– Хо-ро-шо! – дружно ответили африканочки.

– Вопросы, просьбы есть?

– Мне бы еще одно одеяло. Если можно, конечно. А то я очень мерзну, – попросила самая худенькая.

– Что за вопрос?! Конечно, можно! – уверенно ответил председатель. – Завтра же подпишу заявку у проректора, если он не очень занят, потом получу визу у начальника хозяйственного отдела, если застану на месте, затем завизирую в бухгалтерии, если на счету есть деньги, и сразу же к кладовщику, если не уехал за инвентарем... Одним словом, недельки через две одеяло будет! А пока придется потерпеть.

– Ну что вы! – ответила девушка. – Если это так сложно, то не следует и беспокоиться. Я сейчас же по Интернету дам заявку в Международный фонд гуманитарной помощи, и одеяло у меня будет завтра же. Так что, спасибо!

ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА ДЯДИ ВАСИ

Скоро выборы. Все прямо с ума посходили! Особенно политики. Каждый норовит свою партию создать. И на выборах – обязательно победить! Хотя, конечно, лучше всего – в президенты. Ведь у нас все знают, как управлять государством.

Насколько я спокойный человек, но и у меня терпение кончилось. Вчера вечером, как обычно, посидели мы с друзьями и решили: пора и нам! Все! Создаем свою партию – и берем власть! Конечно, без насилия. А чисто, как говорят, парламентским путем. А что? Чем мы хуже других?! Даже название партии придумали. На наш взгляд, очень да-

же удачное: «ЖЭК». То есть, «Желательно эксперименты кончать!». Хватит этих бесконечных перестроек. Пора жить по-людски.

В нашей программе – все гениально просто. Без всяких политических выкрутасов. Как будущий президент, я тут же набросал состав «теневого кабинета». Там все – наши! Все, кто у меня летом под грушей в тенечке по вечерам собираются. И главное – чтобы у нас была единая команда. Чтобы все – из одного города или села. Премьер-министром, скажем, обязательно должен быть самый лучший и преданный друг. У меня им будет, конечно же, мой сосед Григорий. Башковитый! Работящий! Но главное – молчаливый. И это даже хорошо: говорить буду я, а работать – он. Все путем!

Министром экономики и финансов я, конечно же, назначу свою жену. А что? И под боком, и экономнее ее нигде не найдешь. Настоящий жмот! У нее зимой снега не выпросишь, не то, что на кружку пива! Но это – дома. А в государственном масштабе бюджет будет защищен, как неприступная крепость.

Главным сборщиком налогов я обязательно определю свою тещу. С голого сорочку стащит! От нее никто ничего не утаит. По себе знаю. Все мои заначки она находит. Любому таможеннику – сто очков вперед даст!

Должность министра обороны я сокращу. Одним махом! Вместе с армией. Ведь содержать всех рядовых и генералов – это пустая трата денег. Ну, кто на нас нападать собирается? Кому мы нужны? У нас же нечего взять! А для обеспечения безопасности президента и правительства достаточно президентской гвардии.

Министерство внутренних дел, куда в обязательном порядке войдут и пограничные войска, я, наоборот, буду укреплять и расширять. Чтобы оставшиеся не разбежались по границам. Министром думаю поставить нашего участкового Акимыча. Мужик он самостоятельный, крепкий, мне преданный. Иногда умные мысли высказывает. Когда мой первач пьет.

Министерство сельского хозяйства, думаю, тоже ни к чему. Хозяин земли сам знает, когда и как ему сеять, убирать, распоряжаться собранным урожаем. И вообще: на хрена нам столько министерств? Сколько можно дармоедов плодить? Все вопросы должны решаться, как и сегодня, на местах. А я – только спрашивать буду!

В общем, кабинет министров я уже сформировал. Вошли туда люди толковые, проверенные. И главное – все из народа. Не какие-нибудь интеллигентки, прости Господи! Ведь программу писать – только бумагу переводить. А жизнь – она, как норовистая лошадь. Неизвестно, когда, куда и как занесет. Тут, брат, вожжи крепко надо держать. И не заснуть во время езды!

Одним словом, счастливую жизнь наша партия обеспечит. Не знаю, как всем, но нашей команде – точно. Вот только бы на выборах победить...

ОБЯЗАЛИ ДОЛГО ЖИТЬ (Монолог оптимиста)

Я буду жить долго. Просто обязан. В условиях рынка иначе никак нельзя. Подумайте сами. Холодильник купить нужно? Нужно. Только хороший – двухкамерный, с гарантией. Плохие вещи сейчас себе дороже. А он стоит 126 тысяч. Давайте прикинем. Если я получаю в месяц 4 тысячи и хотя бы половину из них буду откладывать на покупки, то мне он обойдется почти в 5 лет жизни. Дальше. Кухонный гарнитур. Даже если наш, но хороший. И то – 96 тысяч. Значит еще 4 года трудовых подвигов. Для покупки остальной мебели на обычную трехкомнатную квартиру в общей сложности нужно еще где-то тысяч 500. А это плюс еще 20 лет вкалывать. Я уж не говорю о машине, гараже, даче... Ясно, что покупку их можно планировать только в загробной жизни. Я ее пока не планировал. С этой бы разобраться...

Чтобы не утомлять вас подробными расчетами, скажу просто итог: чтобы купить для жизни, как минимум, самое необходимое, мне нужно проработать аж 167 лет! Прибавим годика три, чтобы хоть

сполна попользоваться всем этим благополучием. А если учесть, что мне уже тридцать, то это счастье мне привалит аж к двухсотлетнему возрасту. И помирать будет неохота. Ведь ворон живет триста лет. А чем я хуже?! Да мы все скоро будем долгожителями. А как же иначе?! Уж не знаю, как там биологически это получится, но морально нужно готовиться. Зарядочка по утрам, пробежечка, обтираньице. Хотя у меня пока не только душа, но и жилья-то своего нет. Только койка в общежитии. Но готовиться и тренироваться надо! Ежедневно! Это точно! Мы же оптимисты.

Вот ведь как интересно получается. Я очень долго смеялся, когда однажды прочел в газете о том, как где-то там, «за бугром», одного заключенного гангстера по совокупности преступлений приговорили к 124-м годам тюрьмы. А ему самому тогда было уже 52 года. Вот, думаю, здорово! Теперь хочешь – не хочешь, а обязан прожить до 176 лет. Даже больше. Не помирать же сразу на радостях по выходе из тюрьмы! А теперь меня самого эти рыночные отношения приговорили жить, как минимум, 200 лет! И это уже не смешно. Ибо я не представляю себе, как смогу плодотворно трудиться после своего столетнего юбилея, или откладывать на покупки задуманного с обычной пенсии после своих шестидесяти. Но – ничего! Мы же оптимисты!

Я буду жить долго. Просто обязан. Если доживу до очередной полочки, выплату которой почему-то задерживают уже пятый месяц.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В информации «Свобода слова под угрозой», опубликованной в предыдущем номере «Иронических новостей», допущен ряд неточностей. Директор школы, проведя расследование, установил, что шестиклассник Тарас Г. действительно расквасил нос пятикласснику Андрею П., но не за критическую заметку о нем в стенгазете, а за то, что тот «начал первым». К тому же Тарас Г. никогда не читал стенгазет, а Андрей П. не помещал там своих заметок, так как пишет с ошибками.

Поэтому данный конфликт не имеет никакого отношения к «преследованию свободы слова».

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В последнее время фракция коммунистов Верховной Рады стала часто покидать сессионный зал, отказываясь от голосования, то есть от выполнения своей работы. В то же время не зафиксировано ни одного случая отказа членов фракции от получения зарплаты. Получается, что впервые на государственном уровне ставится показательный эксперимент: как можно получать деньги, не работая!

ДЕЛО ЗА МАЛЫМ

Наконец-то принят новый Закон о земле. Если раньше раскулачивали крестьян, отдавая их земли колхозам и совхозам, то теперь крестьяне получили право вновь владеть землей. Осталось только раскулачить отдельных чиновников, отобрав у них право куражиться над фермерами и мешать им работать на земле.

МГНОВЕННАЯ РЕАКЦИЯ

Фирма «ГАЛА» первой перешла на выпуск стирального порошка ЖЕЛТОГО цвета, так как БЕЛЫЙ ПОРОШОК стал непопулярным.

НОВИНКА ОТОПИТЕЛЬНОГО СЕЗОНА

С осени этого года «Днепротеплоэнерго» повело решительную борьбу со злостными должниками. Отключаются не только отдельные дома, но и целые кварталы. Только обязанности по выбиванию долгов оно ловко переложило на плечи исправных плательщиков, которые по-соседски, сидя тоже в холоде, должны почему-то перевоспитывать неплательщиков. Здорово придумано! Зачем самим-то напрягаться?

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

Недавно писатель А. Мерзлый закончил уже третий роман из жизни народов Крайнего Севера. Характерно, что все три романа он написал в период, когда в доме не работало центральное отопление, что благотворно повлияло на творческий процесс.

СЧАСТЬЕ (Монолог)

Что такое счастье? Это – когда радость переполняет душу, и тебе становится невероятно хорошо! Но это чувство не может быть постоянным, ибо тогда оно превращается в привычное мироощущение, которое может даже наскучить. Наше поколение не избаловано счастьем, поэтому его редкие проявления мы воспринимаем особенно радостно. Порой за счастье принимаем даже то, что в полном смысле этого слова им не является. Таковы результаты нашего суперспартанского воспитания и бытия.

Допустим, вы стоите на остановке в ожидании городского транспорта, а его все нет и нет. Вы нервничаете, мерзнете, переживаете. И вдруг – он показался! Чувство облегчения и радости заполняет вас целиком. Если это не полное счастье, то мини-счастье – наверняка!

Вдруг подскочили цены на сахар или яйца. Вы, конечно же, расстроены, огорчены и в панике начинаете перекраивать свой нехитрый семейный бюджет. И, о радость! Цены чуть снизились. Пусть даже меньше, чем возросли. Но это – тоже радость, где-то граничащая со счастьем!

Нам пообещали повысить размер пенсий. Еще не повысили, а только намекнули, а нас уже охватило радостное чувство ожидания. Несмотря на то, что эта прибавка вместе с получаемой пенсией так далека от той суммы, которая могла бы действительно обеспечить нам если не счастливую, то хотя бы достойную жизнь на склоне лет.

А о наших коммунальных услугах можно писать целые поэмы. Это – постоянный источник огромного счастья после моря невзгод.

Отключили отопление – беда, муки, терзания, отчаяние. Появились первые признаки тепла в батареях – уже радость попеременно с надеждой. Стало еще теплее – уже восторг. В квартире установилась нормальная температура – это счастье! Или вдруг отключили воду. Горячую, холодную – какая разница! Сбиты все планы, неудобство, расстройство, испорченное настроение. А чуть заурчало в кране, появилась тонкая струйка воды (пусть даже пока желтая), и это – уже радость, бурно перерастающая в счастье.

Теперь я понимаю: чтобы мы полнее ощутили и прочувствовали понятие счастья, нас все время держат в стрессовом состоянии. И это не зря! Мы же постоянно испытываем массу счастья, естественно, после ежедневной массы невзгод. Оказывается – мы самые счастливые люди в мире! У нас и поговорка есть: «Не было бы счастья, да несчастье помогло...»

МЫ – «НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»!

Надоело жить в обычности,
Прозябая по привычности.
Мы ведь где-то все же личности!
Правда, только без наличности...

ДРУЖБА ПО-СОВРЕМЕННОМУ

Чтоб загрести успех горстями
(непонимающий, пойми!).
Он дружит только с должностями
И очень нужными людьми.
К тому, кто с должности исчез,
Теряет всякий интерес.

С ВЕТЕРКОМ!..

Как-то мы пошли на пляж –
Комсомольский остров,
Видим: сказочный мираж –
Белой яхты остов.
В гордой стойке короля

(Главной мачты выше)
Наш знакомый у руля...
Крик он мой услышал.
Благосклонно завернул,
Всем помог подняться.
Ветер весело подул,
И – пошли кататься!
От восторга мы кричим.
Просто ошалели.
По воде так быстро мчим,
Огибая мели.
И подумал я тогда,
Ощувив отраду:
«Остальное ерунда.
Лучшего не надо!..»
Можно многое хотеть...
Проще нет задачи:
Яхту с парусом иметь –
Лучше всякой дачи!

САТИРИЧЕСКИЕ КУПЛЕТЫ

Дайте в руки мне гармошку!
Я сейчас спою куплет:
Нынче ем одну картошку,
Не видал давно котлет...
Наша радость вся в труде!
Труд-то есть. А деньги где?
В этом нашей нет вины...
Только б не было войны!

Вдруг квартплата вздорожала.
Денег нет. А чем платить?
Власть опять нас так прижала.
Что не знаем, как и быть.
Эх, прощай квартира наша!
Поселятся в ней паны.
Мы ж найдем себе шалашик...
Только б не было войны!

Видал конкурс красоты:
Девки жуткой высоты
И ужасной худобы...

Ни одну не выбрал бы!
До купальников раздеты.
Стыд! А им-то хоть бы хны...
Я готов смотреть и это,
Только б не было войны!

Наши горе-депутаты
Лишь способны на дебаты!
И сидим мы, бедолаги,
Месяцами без зарплаты...
Когда в доме денег нет,
Ходим в гости на обед.
Ездим к теще на блины...
Только б не было войны!

Мы с женою чуть не плачем:
Нет тепла, воды горячей,
А холодная вода
Подается иногда...
И хоть платим мы исправно,
Порешили так недавно:
Обойдемся без воды...
Только б не было войны!

Вывод делаем такой:
В экономике – застой,
И при нашей-то сноровке
Перспективы никакой...
Мы ресурсами богаты,
Правда, малость вороваты.
Неужели мы больны?!
Только б не было войны!

ИВАН ГАВРИЛОВ

родился в поселке Васильевский Мох Калининской (ныне Тверской) области (Россия). Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры в 1966 году. Архитектор, художник, эксперт. Кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Украинской академии Архитектуры, академик академии Строительства Украины. Заслуженный архитектор Украины.

Работал заместителем главного архитектора и главным архитектором Кривого Рога (1970–1982), главным архитектором Днепропетровской области (1982–1992), руководителем Днепропетровского регионального центра лицензирования, аттестации и стандартизации в строительстве (1992–2008). С 1990 года тружусь в ДИСИ (теперь в ПГАСА). С 2003 года заведую кафедрой дизайна архитектурной среды.

Кроме профессиональной деятельности, занимаюсь поэзией и рисованием. Являюсь автором сборника «Мгновения лет» (1999), в котором собрал свои самые любимые стихотворения и рисунки. Более двадцати стихотворений опубликовал в журнале «Крылья». Поэзия, как и живопись, помогает мне лучше понимать окружающий мир и выражать мое представление о Человеке в нем.

МИГ ВДОХНОВЕНЬЯ

Бывает, вдохновенный стих,
Как дар возникнет ненароком,
Когда я бодрствую иль стих
Во сне, таинственном, глубоком.
В тени лесной иль на миру
Навеют мысли луг красивый,
Иль парус блудный на юру,
Корявый дуб, камыш шумливый.
То чудной майскою порой,
Иль бабьим летом наслаждаясь,
Влекомый тонкою игрой,
Я с рифмой тет-а-тет встречаюсь.
Бывает, в зале у окна,
На сборе, вовсе бестолковом,
Возникнет мысль, и не одна,
Увы, не та, что у Талькова.
Крылатый стих – не пули свист,
Беспечным соколом летает,
Не впишешь строчками на лист
И он в забвенье пропадает.
Потом хоть бейся ночь и день,
Слова душевные умчались,
Средь леса слов сидишь, как пень,
Лишь грусть и помыслы остались.
Вот так-то, милый, не ленись,
Коль рифмы роем возникают,
Хватай перо, поторопись,
Пока они в душе витают.

Так было с формулой расчета –
Сбивалась мысль неверно в ней,
В потемках неба звездочетом
Искал решенье много дней.
Однажды ночью полнолунной
Явилась строчками сама,
Чиста, как звук гитары струнной,
Проста, совсем без лжи она.
Мне лунный свет нашел бумагу
И ручку дал, лучом светил,
Подняв меня, как на отвагу,

Чтоб я писал, чтоб не забыл.
Возможно, было тут виденье,
Волшебный мне являлся дух,
Сознанию пробуждал прозренья,
Чтоб мыслей пламень не потух?
Понятно стало, вне сомнений, –
Великий Пушкин почему
Перо с чернильницей без лени
С собою брал, идя ко сну.
Теперь ловлю я те мгновенья,
Хватаюсь сразу за перо,
Пишу все строчки вдохновенья,
Чем вдруг одарено чело.

ПЕТРИКОВСКИЕ УЗОРЫ

Ах, узоры – запах лета
И природы сочной спор,
Ярким кружевом соцветий
Щеголяют на подбор.
Словно солнышки сияют
Под затейливый повтор,
Источая брызги света
Флоры радужной собор.
Ах, узоры Петриковки
Без конца ласкают взор,
Ах, узоры – запах лета,
Задушевный разговор...
Ах, узоры – буйство цвета,
Словно радуги убор,
Точно песенки напеты
Сквозь блистательный декор.
Их живительные звуки,
Ритм сюжетов, звонкий хор
Воплотили ловко руки,
Исполняя на «мажор».
Ах, узоры Петриковки
Без конца ласкают взор,
Ах, узоры – буйство цвета,
Колоритный разговор...
Ах, узоры – гибкость линий
И кокетство лепестков,

И соцветий алых, синих,
Утонченный край листков.
В них упругие движенья
Флоры с фауной земной,
Жизнелюбые стремленья
К свету страсти молодой.
Ах, узоры Петриковки
Без конца ласкают взор,
Ах, узоры – гибкость линий,
Сокровенный разговор...

ВАРВАРИН ДЕНЬ

Декабрьский день святой Варвары
Морозом крепким жмет с утра,
Дороги, речки, тротуары
Скользят коварной коркой льда.
Еще вчера крутил снегами
И ветром северным гулял
Поземкой снежной под ногами,
А нынче солнцем заиграл.
Ландшафты свежестью зарделись,
Накрылись белой фатой,
В прозрачном воздухе запелись
Мотивы звуков с мерзлотой.
Людей морозец прижимает,
За ворот лезет без стыда,
Краснеть лицом их заставляет,
Бросая в краску иногда.
Вот так сурово поступает
Варварин столь короткий день.
Кому каприз предназначает:
Николе, Савве, для людей?
К чему жестокие угрозы
В студёной каверзной игре?
Зачем Николу на морозе
Всегда встречает в декабре?

СОБАЧИЙ ГОД

В пространство времени бесславно
Ушёл Собаки чёрный год.

Что в нём отметить можно главным?
Какой Всевышним задан код?
Быть может, верно наблюденье,
Что год похож на образ свой?
Насколько близко совпадение?
Так кто ж собака предо мной?
В ее повадках – зверь домашний,
Отчётлив общий силуэт,
Оскал зубов порою страшный,
А в шерсти вязнет белый свет.
Известно, хищное семейство:
Шакал с лисицею и волк –
Родня собаке по свирепству,
Однако – в преданности толк.
Черешней угольной сверкают
Глаза упрямые в упор,
Не видно в них, что понимают
Людской, обычный разговор.
Домашний сторож и охранник,
Пастух надёжный для овец,
Помощник в деле и напарник,
Ищейка ловкая и спец.
Да, год суровый нам явился,
Как пёс дворовый и слуга,
В бегах и поисках раскрылся,
Как зверь, свирепый на врага.

Война в Чечне.
Война в России
Под видом цельности её
Страшной болотистой трясины,
Где вязнет жизни, бытиё.
Какая в Боснии предвзятость?
Война известных мусульман,
Что с православием за святость
Идет за земли, как гурман.
В Крыму – российском? украинском? –
Поди теперь уж разбери?
С кем жить в семье татарам крымским,
И чей тут флот среди родни?

Инфляций грозное движенье,
Налогов яростный напор,
Бюджетом жёсткое давление,
Разгул, разруха и позор.
Умчался чёрный год системы
Под лай собачий при луне,
Оставив жуткие проблемы,
Тем, кто остался на земле.

ГОД КРЫСЫ

Итак, год Крысы миновал.
Коварный был и суетливый:
Дела, делишки, как обвал,
Затмили мир вольнолюбивый.
Была, как роскошь, тишина.
Куда б ни бросил взгляд пытливый,
Повсюду драка иль война
За власть, границы, вздор сварливый.
В горах, воде и облаках
Пронес изгоем лиходейство,
В сурово сжатых кулаках
Оставив зримое злодейство.
Трусцой крысиною во мгле
Промчался дерзкой високосной
Повадкой скверной по земле,
Походом жутким, крестоносным.
И лишь огонь, что всем пылал
На пользу игр по доброй воле,
Один утешил и обнял
Людей цветных и разной доли.
В кромешной прожит суете.
Хотя, нельзя сказать: напрасно.
Теперь в наивной простоте
Встречаем год Быка.
Он красный.

НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ

Нельзя увидеть дня рассвет
Без женщин, девушек, девчонок,
Кто греет нас уже с пелёнок,

По воле неба дав нам свет.
Нельзя представить жизни мир
Без женщин, девушек, девчонок, —
Они пленяют нас, мальчонок,
Как вечный зов, любви кумир.
Нельзя создать семейный дом
Без женщин, девушек, девчонок, —
Они, как ласковый ребёнок,
Приносят радость жизни в нём.
Нельзя искусства мир творить
Без женщин, девушек, девчонок, —
Едва ль отважится орлёнок
С вершин без крыльев в небо взмыть.
Нельзя иметь семейный кров,
Ни жизнь, ни радость, ни любовь
Без женщин, девушек, девчонок
И жен, сестричек и сестрёнок.

ОЧИ ГОЛУБЫЕ

Сестричка, милая, скажи:
Ты помнишь игры удалые,
Когда мы в детстве, как стрижи,
В лугах носились молодые?
К чему, сестрёнка, что во ржи
Мне снятся очи голубые?
Хоть много лет прошло тому,
Забудешь разве, как сверлили
Глаза девчонки южной тьму,
Когда обнял её впервые?
Ответь, подружка, почему
Мне снятся очи голубые?
Подруга брачных уз, чего
Ты ждёшь все годы прожитые?
Ведь, сероглазая, давно
Мечты свершились золотые.
Скажи, родная, отчего
Мне снятся очи голубые?
Я помню мамины глаза,
Привычно карие, живые,
Была в них радость и гроза.
Не стало их, увы, родные...

Зачем, родимая, в слезах
Мне снятся очи голубые?

БЛАГОДАРЕНИЕ

Уж целый год, увы, прошёл,
Стихи в котором не творил:
Не спад подействовал – раскол
Возник моих душевных сил.
Стихи являлись повсеместно
В пути, за дружеским столом,
Но зря на лист их рифмы тесной
Вписать надеялся потом.
Они порхали мотыльками
В цветном наряде на свету,
Кружились возле и мелькали
В моем сознание на лету.
Меня ж научные идеи
Пленили вдоль и поперёк.
Гераклом бился.
Слабый телом,
Я с ними справиться не смог.
И, словно, распрекрасной девой –
Русалкой в омут увлечён,
Предавшись прозаичным делом,
От рифм крылатых отречён,
Навстречу истине далёкой.
Теснились цифры вразнобой
Не плотным рядом, но глубоким,
За ними строчки чередой.
Прибоем факты наплывали
Из жизни, опыта, трудов
И мной, рабом, повелевали
И днём, и ночью среди снов.
Рисунки, графики и схемы
Легли свидетельством немым
И средством выразить проблемы,
Что лезут в очи, словно дым.
Желанье множить превосходно,
Добром на ценности влиять
Для всех в период переходный,
В котором принцип – изымать.

Увы, труды моих познаний
Утешить могут, но не всех.
А есть ли смысл таких стараний,
Где дерзко царствует успех?
И вот, блуждая произвольно,
Возникли распри через край
В душе моей от мыслей вздорных:
Стихи иль прозу выбирай.
Но жалко бросить труд безмерный,
Он, как сундук, кряхтит добром,
Храня в себе достаток верный,
Пока не грянет вдруг погром.
Как тщетны глупые терзанья!
Как можно что-то отвергать?
Блаженный стих иль мир познания?
То – божий дар, их надо брать.
И брать достойно, благодарно,
С почтеньем ночью или днём,
Пока витают мысли даром
В душе блистательным огнём.
Прервалась проза с полуслова,
Что думал сам – не досказал,
Но я к стихам вернулся снова,
В родной таинственный причал.

О ГОРОДАХ

Много разных городов
По размерам и по взглядам,
Отношениям миров,
Что соседствуют в них рядом.
Это сложный организм,
Где земля, вода и воздух
Не приемлют урбанизм
Концентрации заводов.
Это множество ресурсов
И земельных, и людских,
И финансовых тех курсов,
Что исходят и без них.
Город – гавань или порт –
Моряков и корабелов,
Санаторий иль курорт, –

Вряд ли для медведей белых.
Город – спальня или спутник
Для учёных иль невест,
Иль ружейных дел искусник
И музеев, что окрест.
Где страной руководят,
Там, понятно, и столица.
А где фабрики дымят,
Там – рабочих вереница.
Город шахт, и терриконов,
И отвалов, пыльных бурь,
Колокольных перезвонов
Потрясающих – лазурь.
Город воинов отважных,
Потому он и герой, –
В бескозырках, очень важных,
Моряков – береговой.
Энергетиков плотинных
Или атомных расчёт,
То ли пахарей целинных
Да геологов оплот.
И, конечно, пограничный, –
Для таможи, пропусков.
Он и должен быть отличным
От других всех городов.

О ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ

Днепропетровск – то город славы
Екатерины, не Петра.
Основан был в ту пору главным,
Столичным, видимо, не зря.
Он, словно камень на распутье,
На транспортных путях стоит,
Чтоб добрый молодец не спутал,
Куда направить свой визит.
Течёт водою Днепр-Славутич,
Волной играя в берегах,
Порогах каменных ревучих,
Речные балуя суда.
Бегут мостами через реки
Бетонной лентою дорог

Пути маршрутные и «в греки»,
В район, столицу, городок.
Стальной лестницей гремучей
Легла «железки» колея
Екатерининской кипучей,
Что два бассейна обняла.
Руду в Кривбассе добывая,
Везли вагонами в Донбасс,
Где в шахтах уголь вырубали,
Взамен руды грузя в Кривбасс.
А город славной Катерины,
На перекрестке трёх путей,
Недаром выбран посредине –
Мужай на этом, богатей.
Так флагман Приднепровья веский
Себе индустрию развил,
Имея уголь из Донецка,
Руду – с Кривбасса завозил.
Чтоб всё работало исправно,
Служило долго – на века,
Велись и стройки полноправно:
Заводы, фабрики, цеха.

Увы, промышленность – обуза
Без кадров. Нужно их учить,
Лицеи строить им и ВУЗы,
Чтоб в люди кадры выводить.
А без жилья какой работник?
Одни проблемы без него.
И зодчий, каменщик и плотник
В дома вложили мастерство.
Из жизни следует поверье:
Народ бесчинствовать начнет,
Коль нет в нём хоть какой-то веры,
В гульне свихнётся иль запьёт...
Но, слава Богу, христианство
Не пало духом, и церковей,
Соборов создано гражданством
Не так уж мало для людей.
Прогресс степенно, понемногу
На крыльях, ясно, прилетел,
Открыв воздушную дорогу,

Придав еще немало дел.
Всего лишь два прошло столетья
И с ними войны, как всегда,
С годами мора, лихолетья
Да горы адского труда.
Поднялся город исполином,
Трудом умелым создаёт
Станки, комбайны и машины,
Ракеты в космос сам куёт.
В нём цирк, театры и музеи,
Метро подземного уют,
Вокзалы, порты, галереи,
Тут академий счёт ведут.
Прошли столетия, и славный
Днепропетровск великим стал
Числом людей, а также главным
Державным кадровым постам.

ПАМЯТИ О.Б. ПЕТРОВА

В России, может, каждый пятый
Живёт с фамилией Петров.
Среди них зодчих маловато
В полках строителей домов.
Но был на землях Приднепровья
Олег Борисович Петров,
Как воин, не щадя здоровья,
Отчизну защищал и кров.
За Днепр сражался он пристойно
В аду жестоких переправ,
Погибшим памятник достойный
Там, сорок лет спустя, создав.
Как все, тех старших поколений,
Он вдохновением пылал
Поднять из пепла поселенья,
Творил, как зодчий, возрождал.
Профессор строгий, академик
С небес не видывал даров,
Увы, сиятельной богемы
Олег Борисович Петров.

КО ДНЮ ЗОДЧИХ

Сегодня первое июля –
Международный зодчих день.
Ура! Ура! Архитектуре,

В которой мир, и свет, и тень!
Мы рады тем, что приобщились
К мышленью мира и труда.
Ура! Ура! Что не забылись
Идеи строек на века.
Мы здесь собрались, где недавно,
Пытаясь творчеством обнять
Людей простых на ниве славной,
Чтоб вместе с ними просиять.
Как хорошо, что память наша
Способна многое вмещать:
И труд безмерный, ради каши,
И слов погибельных печать...
Увы, нам к зодчеству немало
Идти сквозь грёзы предстоит,
Поскольку жить не легче стало –
Держава нищенство влачит.
Но верю, всё же одолеем
Мы кризис мысли, нищеты,
Архитектуру облелеяв,
Добьёмся царства красоты.
Сегодня первое июля –
Международный зодчих день.
Ура! Ура! Архитектуре,
В которой мир, и свет, и тень!

НАМ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

Судьба давно нас в юности свела
И рядом мы в училище учились,
Пока с дипломами не вывели дела,
Один к другому бережно стремились.

Тебя, увы, направили в Смоленск
И там распределили в город Вязьму,
А у меня взлетел удачи всплеск –
Опущен в Питер, словно в неоплазму.

Мы разлетелись в разные края,
Но, слава Богу, вовсе не надолго,
И вновь сошлись вдвоем, и ты, и я;
Нас Питер обнимал, Нева и Волга.

Нас ждали там открытые всегда
Театры и музеи, как акрополь,
Проспекты, парки, людные места
И памятный для всех некрополь.

Тебе в Бернгардовке пришлось одной
Трудиться в школе, как в слободке.
Мы вместе были каждый выходной,
Ведь приезжал к тебе я, как на сходку.

Живя студентом в «общаге совка»,
Я стойко в Академии учился
Упорно от звонка и до звонка,
Диплома архитектора добился.

Когда наш сын родился на Неве,
В больнице Отто все врачи спасали,
И этот фактор дорог нам вдвойне:
Медаль «Родился в Ленинграде» дали.

На средневолжских славных берегах
Раскинулась Чувашия привольно,
Она к себе трудиться нас звала,
Поддержку обещала нам невольно.

Край песенный встречал нас, как родных,
Вручил жильё, прибрежные красоты,
Корзинами грибы во мхах лесных
Дарил всю осень щедро, как по льготам.

Тебе достался «крест» – учить детей,
А я творил и создавал проекты
Жилых районов, улиц, площадей,
Дворца, музея и других объектов.

В Чувашии работа – не борьба,
Мы ждали пополнение – дочку Валю,
Но, как всегда, решила все судьба:
Родился сын – его так и назвали.

Случилось так, что мог все потерять,
Увы, злодейский глаз и бронь пронзает,
Тогда пришлось от смерти вас спасать,
Ведь жизнь от хвори тело покидает.

И мне с детьми досталось выживать,
Когда под скальпелем хирурга ты лежала,
Соседи научили пеленать
Малютку, что не ела, но пицала.

Но друга потеряли своего,
Пока за жизнь боролися под небом,
Проблемы наши не нашли его,
Он жил делами, не единым хлебом.

Пришлось тогда нам климат поменять,
К тому ж в Кривбасс работать приглашали,
В отдел архитектуры, чтоб влиять
На качество застройки искушали.

Там сразу нам представили жилье,
Детей устроили и фронт трудиться,
А мы несли умение свое
Всем разумом на крыльях, словно птица.

Кривбасс рудою и людьми велик,
Просторами дорог и разных строек,
Умом его не схватишь в тот же миг,
Он к жизни цепок и надежно стоек.

Его никак экспромтом не понять,
Пожить в нем надо, крепко потрудиться,
Легенды и обычаи принять,
Унять поспешность и не торопиться.

Для строек города, великих дел
На много лет вперед нашел работы,
Без дела сам тогда же не сидел
И жизнь кипела, полная в заботах.

Вот где растили мы своих детей,
И дочку взяли, знания давали,
Нашли и старых, верных нам друзей,
«Худграф» совместно с ними создавали.

Промчались десять лет моих трудов,
Большим начальством верный труд замечен,
И был я в список кадровых «штыков»
Для продвижения вперед занесен.

Да и стабильней стала жизнь семьи,
Учились дети и росли неспешно,
Рисунки с музой жаждали они
И к спорту рвались, и порой успешно.

И вот удар: в структуре областной
Внезапно я назначен главным зодчим.
Светил нам новый год, переездной,
Не рада тем семья, не спала ночи...

С тех пор в Днепре чуть меньше тридцати
Упорных, беспросветных лет работы
И, как при шторме, вынужден грести,
И вновь, и вновь житейские заботы...

Ты смотришь по привычке свысока,
Когда с утра на службу провожаешь,
Рукою жестом говоря: «Пока», —
И вслед благословения желаешь.

Прически мне наводишь, как портрет,
Желая мужу выглядеть красивым
Среди людей, иметь авторитет,
Опрятным быть и вовсе не спесивым.

Тебе известно: в женских коллективах
Пришлось трудиться мне десятки лет
Среди красивых, умных и активных,
Но поводов для ревности ведь нет.

Ты веришь мне, что я люблю тебя,
И в этом, правда, не было сомнений,
Взаимность в нас присутствует всегда
И лишних не приносит огорчений.

**ВЛАДИМИР
ГИЛЕВ**

родился в Днепропетровске, закончил в 1995 году архитектурный факультет ПГАСА (диплом с отличием), поступил в аспирантуру. С 1998 года работаю на кафедре экологии и охраны окружающей среды, с 2003 года – заместитель декана факультета экологии и безопасности жизнедеятельности.

Люблю жизнь во всех ее проявлениях. Радуюсь, когда иду на работу и когда иду домой. Наверное, я – счастливый человек. Это и служит для меня источником поэтического вдохновения.

ВЕРШИНА ДЕМЕРДЖИ

Там впереди видна вершина,
Но до вершины – сто шагов,
Идти осталось меньше мили,
Конечно, меньше – сто шагов.

И вот уже я на вершине,
И вот стою над миром я.
Внизу меня бегут машины,
А рядом горы, облака.

Уже осталось мало времени,
Уже пора идти назад,
А я стою, стою над миром,
И перед трудностью преград.

Теперь стою я у подножия,
Нелёгко путь назад с горы.
Но мы спустились, это точно,
Мы покорили Демерджи.

**ЗАБЕГ НА «ПОЛТОРАШКУ»
(1500 метров)**

Сегодня хмурый день, но мне не хмуро,
Нам старт на «полторашку» дать должны сейчас.
«На старт» – и выстрел, побежали дружно
Все вместе на «поднятых парусах».

Рывок, я вырвался вперёд и предо мною,
Пустое поле – на дорожке пустота,
И все бегут лишь за моей спиной,
Никто не хочет обгонять меня.

«Нормально», – слышу голос тренера с трибун,
Он там сидит возле судейского стола,
Он видит, как в шиповках я бегу,
И как бежит секундная стрела.

Три круга напряжения и воли
Мы пробежали, «триста» оставалось,
Мы ускоряем бег рывками,
И финишное ускорение началось.

Я слышу шумное дыхание за спиной,
Я вижу искоса соперника уже,
И вот он поравнялся уж со мной,
Мы вместе на последнем вираже.

Бежим мы вместе, грудь на грудь, в ногу нога,
Кто первым будет, неизвестно нам,
И всё решит последняя прямая,
Мы выбегаем на неё уже вон там.

И вот она, последняя прямая,
На финиш я давно уж начал набегать,
Но как длинна последняя прямая,
А мне её ведь надо добежать.

Ах, как обидно проиграть сегодня,
Всё время ведь лидировал здесь я.
Я всех «тащил» их за своей спиной,
Затем, чтоб победил лишь только я.

Последний раз я делаю рывок,
До финиша осталось метров пять.
И что же, мой соперник отстаёт,
Я первый прибегаю вновь опять.

Вот так закончился мой этот бег.
Удачен был он для меня.
Но были ведь и радости побед,
И горечь поражений у меня.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Жаркое лето, войне – второй год,
Патрульную службу авиаполк наш несёт.
Взлетела ракета, ожил мотор,
И два самолёта ушли в небесный дозор.

Мы с ведомым вместе идём над рекой,
Оберегая в округе покой.
И мы набираем с ним высоту,
Вверх пробивая облаков пелену.

Высокое синее небо кругом,
Облака позолочены солнца лучом.

Тут мир и спокойствие, войны словно нет,
Как всё же прекрасен он, наш белый свет.

Вдруг у горизонта возникло пятно,
Оно разрастается, всё больше оно.
И крылья самолётов уже чётко видны,
Несущих груз смерти для нас с высоты.

А выше и сзади прикрытие их,
Пока что мы ниже, нас не видно двоих.
И мы в облаках скрытно к ним подойдём,
Свой первый удар снизу мы нанесём.

В перекрестье прицела возник самолёт,
И трассой снарядов был прерван полёт.
И тот, что с ним рядом летел, – задымил,
И по спирали к земле заскользил.

С задачей своей – сбить с курса врага –
Мы справились, у страха – большие глаза.
И груз смертоносный бросают они,
Куда попадёт, чтоб быстрее уйти.

Пока их прикрытие к нам подойдёт,
Ещё двух отправим в последний полёт.
А дальше, как белка крутись в колесе,
Их шесть единиц, у нас только две.

Бой жесткий, опасный пилоты ведут,
Не оглянёшься, тебя быстро собьют.
Но скоро к нам помощь уже подойдёт,
Ещё одна пара выходит на взлёт.

Ведомый, как ангел, меня охранял,
И в трудный момент на пути врага встал.
И порцию стали мою на себя
Он принял сейчас, защищая меня.

Он в воздухе замер всего лишь на миг,
И его самолёт вдруг заштопорил вниз.
Но куполом белым расцвёл парашют,
На землю надежда, её добрый приют.

Вдруг тенью над ним промелькнул «мессершмитт»
Нацелился в купол, друг будет убит,

Расстрелян, ещё не долетев до земли,
Если его я не успею спасти.

Я в пике вошёл, словно сокол с небес,
И содрогнулся от грохота лес.
Паутиной пуль я опутал врага,
Машина отдала мне всё, что могла.

Как быстро растаял боезапас,
Попал во врага я несколько раз.
И выстрелить он уже не успел,
Чёрной кометой к земле полетел.

А остальные только и ждут,
Как выйду из пике, они тут как тут,
Они разошлись, словно ставят капкан.
Теперь или пропал ты, или же пан.

В ситуации этой нет другого пути,
Я бой принимаю против пяти,
Пять истребителей, каждый как ас,
А я расстрелял весь боезапас.

Я вышел из пике, удар прозвучал,
И мой самолёт, самолёт задрожал.
Налево, направо, всюду кресты,
Они окружили, не дают мне уйти.

Самолёт загорелся, за ним чёрный дым.
Ещё протянуть, не расстанусь я с ним.
И с каждого бока «мессершмитта» по два,
Эскортом к земле провожают меня.

А пятый, он главный, меня хочет сбить,
Ещё один крест для себя заслужить.
Он в лоб атакует, добивая меня,
Он знает, ему не отвечу уж я.

Холодным огнём пулемёт засверкал,
И с острую болью в тело впился металл.
А в сетку прицела я видел его,
С довольной ухмылкой врага моего.

Рванулся он вверх, чтоб меня проскочить,
Но я не позволю с собой так шутить,

Не будет спасения ни мне, ни ему,
И на себя я штурвал свой тяну.

Расцвёл в синем небе ярко-красный цветок,
Крыло закружилось, как осенний листок.
И страшный удар, словно гром, прозвучал,
Когда самолёт самолёта достал.

Рванулся с испугом эскорт от меня,
От груды обломков, металла, огня.
Из этого хаоса, полуживой,
Отправился я на встречу с землёй.

После тарана остаться в живых –
Один шанс из сотни быть счастливей других.
Сознание уходит, всё ближе земля,
И скоро её обниму уже я.

Последние силы и волю собрав,
Рванув за кольцо, я не чувствовал страх.
И перед тем, как уйти в темноту,
Услышал, как шёлк шелестит на ветру.

Я снова отправлюсь назад в небеса,
Где так хорошо, где такая краса.
Я ангелом буду для тех, кто внизу
Себя защищает и землю свою.

Моей любимой

ВЕСНА

Свет солнца весеннего холод зимы победил,
В долины, в ущелья лучами он проникает.
Еще на вершинах снег белый лежит, но ... тает,
Теряя под солнцем свою белизну, быстро тает.

Лесные поляны и склоны оделись в цветы,
Ароматом весны они лес наполняют.
На горных террасах зеленеет побег сон-травы,
А выше пионы и крокусы бутоны свои распускают.

Талые воды, журча, собираются в горную реку,
Аллегро звучит, когда к морю стремится она,
Туда, где Медведь-Аюдаг уже многие годы пьёт воду,
А рядом, из моря поднялся мыс Плака – Сова.

Раз в горы сходя, ты вернешься сюда снова и снова,
Чтоб увидеть опять красоту этих сказочных мест.
Услышать прекрасную песню природы весною,
Которая будет звучать и в твоей душе множество лет.

КАПИТАН

На острове диком стою одиноко,
Я выброшен бурей сюда.
Давно уж утоп пароход издалёка,
Остался в живых только я.

Кругом лишь вода да песок раскалённый,
Два дерева в центре стоят.
Не видно отсюда дымка парохода,
Никто не узнает, где я.

Зачем же судьба наказала так строго,
За что, за какие грехи?
Засушит меня здесь горячее солнце,
Ведь жарко тут даже в тени.

Уж лучше бы я вместе с тем пароходом
На дно бы морское ушёл,
И там бы, среди камней и утёсов,
Нашёл долгожданный покой.

Но нет, капитан, не спускай свои флаги,
И взором своим горизонт осмотри.
Ещё ты увидишь победные стяги
И парус надежды вдали.

Как чайка, он будет лететь над волною,
И ветер подхватит тебя.
На милую родину, к краю родному,
Доставит он весть от меня.

И в этой надежде, день ночью сменяя,
Прошёл первый год и второй,
Надежда угасла, но вера осталась –
Увидеть свой берег родной.

И вот, когда утро встречается с ночью,
Луч солнца вдали паруса осветил.

По морю корабль шёл, волну разрезая,
След пенный струился за ним.

Высокие мачты, стремительный корпус,
Всё есть, только что-то не то.
Нет капитана, и где же команда?
«Летучий голландец» у острова встал моего.

Что делать? На берегу остаться иль на
борт подняться.

«Летучий голландец» – скиталец морей.
И если поднимешься, можно остаться
На нём до конца своих дней.

У капитана сердце сильно забилося,
Любовь потянула к родной стороне,
Рука его медленно к земле прикоснулась,
Оставив прощальный свой след на песке.

Шагнул он вперёд, на борт поднимаясь,
И руки его крепко сжали штурвал.
Ветер надежды и ветер удачи
Его паруса наполнял, наполнял.

Исчез за кормой берег песчаный,
О борт корабля тихо плещет вода.
С тех пор не ступала нога капитана
На твёрдую землю уже никогда.

Глаза капитана тихо открылись,
Синее небо, песок под рукой,
Как хорошо, что всё это приснилось,
И солнце, как прежде, идёт над водой.

Уж если, когда этот сон станет явью,
На пустой тот корабль не поднимусь никогда,
На берегу песчаном я лучше останусь,
И, может, дождусь «своего» корабля.

Полгода прошло и однажды случилось
Всё то, чего он, может быть, хотел избежать,
На отмель у острова яхта прибилась,
Прекрасна, как небо, светла и чиста.

И яхта его за собой поманила,
Забыл он свой сон, поднимая её паруса.
И счастья мгновенье ему подарили
Душа этой яхты и небеса.

То счастья мгновенье, когда он увидел
Пред часом заката свои берега.
И яхта была ему словно родная,
С тех пор не расставались они никогда.

ЯКОРЬ

На постаменте, у синего моря
Якорь старинный лежит,
И если прислушаться, можно услышать,
О чём он тебе говорит.

Я был изготовлен для службы на флоте,
И принял меня быстроходный фрегат.
Мы долгое время с ним были в походах,
Корабль для меня стал, как друг и как брат.

И в странах Востока, и в странах Европы –
Везде я с фрегатом моим побывал.
Лазурное море и сильные штормы,
Всё это я часто видал.

И каждый раз, на борт поднимаясь,
Корабль я свой видел и был ему рад.
Не раз в разных бухтах я на дно опускался,
Всегда возвращаясь назад.

У каждого якоря есть опасение –
Остаться на дне навсегда.
Там, если зацепишься, не сможешь подняться,
Увидишь, как падает цепь на тебя.

Однажды, в далёком и важном походе,
Нас буря застала, поднялась волна.
На клотиках мачт огни Эльма сверкали,
Предзнаменование плохое неся.

И молния светом тьму ночи взорвала,
И ветер срывал и срывал паруса,

И буря корабль наш на берег погнала,
Туда, где виднелась большая скала.

Я тут же под воду на дно опустился,
Чтобы корабль свой от смерти спасти.
Я очень старался остановиться,
Но пройдена уж половина пути.

По дну я тащился, песок поднимая,
Но буря сильнее меня.
И я попросил, пожелал зацепиться,
Чтоб намертво встать навсегда.

Спасти, сохранить и не дать им погибнуть,
В забвенье и мрак обрекая себя.
Но лучше уж солнца мне не увидеть,
Чем гибель команды и корабля.

И тут же железные лапы в кораллы вцепились,
И цепь натянулась, словно струна.
До скал побережья всего оставалось
Каких-то полкабельтова.

Целую ночь море страшно штормило,
С волн пену срывало, на берег неся.
Мой славный корабль не приблизился к скалам,
Лишь крепче в кораллы вонзал лапы я.

К утру эта страшная буря утихла,
Из моря вот-вот красно солнце взойдёт.
Фрегату пора снова в путь собираться,
Закончить свой дальний и важный поход.

Скрипел кабестан, надрывались матросы,
Из моря на борт поднимая меня.
Но тщетны усилия, я не увижу
Расцвет наступившего дня.

Что дальше, я видел, корабль уплывает
И пожелал ему в след
Ветра попутного, ветра удачи,
И чтоб избежать разных бед.

Век с лишним лежал я на дне океана,
Но мои моряки не забыли меня,

И правнуки тех, кто служил на фрегате,
Подняли из моря меня.

На постаменте гранитном у моря
Якорь старинный лежит.
Люди, услышьте его и поймите,
О чём он для вас говорит.

ПЕСЧАНАЯ КРЕПОСТЬ

Построив песчаную крепость на берегу,
Уселась смотреть на неё малышня.
Есть стены, есть башни у крепости этой,
Есть домик внутри городка.

Но вечером туча большая пришла,
Как войско татарского хана Батыя,
И утром от этого городка
Осталось пустое лишь место – равнина.

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Стою я у берега моря,
Почти что у самой воды.
«Пришёл я с тобой попрощаться», –
Прочли мои мысли волны.

«Неужто пора уже ехать», –
Печальное море шумит.
«Совсем ведь недавно приехал», –
Затихший прибой говорит.

«А может, останешься с нами», –
Шепнув, набежала вода.
«Ты вспомни, как весело было», –
Ей вторит другая волна.

«Я рад бы остаться, но время,
Оно ведь не ждёт никого».
«Ну что ж, приезжай тогда снова», –
И море тихонько ушло.

Прощайте, море и прибой,
И волны тёмно-синие.

Не скоро я теперь опять
Увижу вас, любимые.

ШАРАДА

На тихой лесной поляне стоит лавка, на прилавке которой находится слово из шести различных букв. В лавке продаются различные вещи: 1) овощи; 2) кроссовки; 3) кувалда; 4) журналы; 5) шишка; 6) кресло. Из леса приходят звери и разбирают вещи и буквы. И вот...

Первым к нам медведь идет:
«Мне нужно что-то для ворот.
Ага, вот это подойдет».
И букв осталось ровно пять,
Что ж, будем дальше продолжать.

После обеда, просто так,
К нам заглянул кабанчик.
Сказал: «Да, это точно так»,
С собой взял букву и диванчик.

Вот на поляне серый заяц, он все кричит:
«Беда, беда, за мной гоняется лиса».
И за собою на восток
Он третью букву уволок.

А с запада – голодный лис,
Увидел слово, облизнулся,
И говорит: «Теперь я сыт».
С четвертой буквой он вернулся.

Пришел баран с крученым рогом
И молвил: «Говорят, я глуп. Ах, да».
Разгон, удар и тишина, и только буковка одна
Стоять осталась на прилавке.

Последней белка прибежала,
«Она ведь первая», – сказала,
И забрала ее с собой
На дуб, высокий и густой.

*Итак, все буквы разобраны, разобраны и вещи. Какое было слово
(в тексте постоянно встречаются подсказки).*

*Кто хозяин в лавке (все вещи расположены в определенном порядке,
сопоставьте номер вещи с ее буквами и порядком прихода зверей).*

ВИКТОР КОЛОХОВ

родился в 1960 году в Днепропетровске. С 1982 (после окончания факультета ПГС) работаю в ПГАСА. Вначале стажер-исследователь, затем аспирант, младший научный сотрудник, ассистент, доцент, докторант и вновь доцент. Работал на кафедре железобетонных и каменных конструкций, на кафедре технологии бетонов и вяжущих, сейчас – на кафедре технологии строительных материалов, изделий и конструкций.

Впервые строчки срифмовались лет двадцать пять назад. Никогда раньше ничего не публиковал, кое-что показывал друзьям. Почему пишу – не знаю, пусть это объяснят те стихотворения, которые я решился вынести на суд читателей.

В начале мира будто было Слово,
И мир творением обязан был ему.
Невидимо и просто невесомо
Оно создало свет и растопило тьму.
От первого, чредою бесконечной,
Пошли слова творить добро и зло.
И в плоть, и в дух, в материю, навечно,
Вошли они, кому как повезло.
Материализованное чудо
Несло прозрение, несло и слепоту,
Несло любовь и ненависть со злобой,
Могло создать и погубить мечту...
Случалось быть ему и робкой недотрогой,
И девкой уличной слоняться по Земле.
Служило человеку, черту, Богу,
Вгоняло в прах или вело к мечте.
И все ж в начале мира было Слово,
Но мир сегодня – не одни слова,
Их воплощенья стали всем знакомы.
У каждого из них своя судьба.

Не пройдя через мрак –
Не увидишь ты свет.
Коль не будешь в боях –
Не одержишь побед.
А, не сеявши злак –
Ты не вырастишь хлеб.
Что-то в жизни не так –
Если в ней тебя нет.

Не поставив вопрос –
Не получишь ответ.
А не сделаешь шаг –
Так пути тебе нет.
Без колючек нет роз.
Но открой мне секрет:
Как ты жил без любви?
Расскажи! Столько лет!

Ограничения перемещений,
Ограничения встречных движений,
Ограничения времени суток,
Ограничения в деланье шуток,
Ограниченья на нежность и ласку,
Ограниченья на радость и сказку,
Ограниченья на острое слово,
Ограничения снова и снова...

Жизнь есть стремление к перемещенью.
Жизнь проявляется встречным движением.
Жизнь отмеряется временем суток.
Жизнь отмечается деланьем шуток.
Жизнь нам дается на нежность и ласку.
Жизнь возвращает нам радость и сказку!
Жизнь, как мгновенье, как острое слово!
Жизнь начинается снова и снова!

Если потеряны нежность и ласка,
Если осталась лишь небыли маска –
Жизнь превращается в ограниченья,
В море усилий без перемещенья,
В мрачные мысли и темные краски,
В ужас и страшные, страшные сказки,
В сутки без шуток, без острого слова,
Но победит она снова и снова!!!

У осени осталось две недели,
Уже зима стучится в дверь –
И значит – власть возьмут метели.
В замерзшем городе людей
Засыплет белая пороша.
В дождях – размытые поля.
Весна и лето где-то в прошлом.
Нас ждет зима, придет зима.
Придет зима печалью белой,
Морозом выстудит сердца.
И сердце, бившееся смело,
Замрет тогда и навсегда...

Детские игры милы и наивны.
Если проказники будут взаимны,
То и игра принесет им, конечно, успех.
Если в проказах их нет оскорблений,
Если игра их лишит огорчений,
Может, любовь им подарит и радость, и смех.
Детские игры – забавы и ласки,
Часто в них многое кажется сказкой.
Только та сказка вдруг станет кому-то судьбой,
Мы забываем, что все это игры.
В страсти котенок становится тигром.
Но пред тобою тигр станет домашним котом.
Детские игры – минуты забвения,
Праздник, ушедший, как все воскресенья.
В памяти след он навеки оставит прямой,
В будни закружат нас дом и работа,
Но будем помнить прекрасное что-то.
Детскими играми это мы звали с тобой.

Я сижу до полуночи, рифмы сторожу.
Снова рядом ходит осень в городском саду.
Осень, осень, день печальный, желтая листва...
Осень, осень, не желаю я терять тебя...
Листопад давно закончил убирать листву.
Снег растаял, снова осень принесла мечту.
Снова оттепель, но вскоре ляжет новый снег.
Счастья мне дарила осень солнечного свет...
Осень, осень, нам приносит добрые мечты...
Осень, осень, их мы носим в глубине души...
Мы у жизни счастья просим каждый день себе.
Что же натворила, осень, ты в моей судьбе?
Ни о чем я не жалею, не устану ждать.
Я не знаю только, осень, счастье как догнать?
Осень, осень, для мечтаний время без конца.
Осень, осень, для кого-то, для меня – весна...
Вновь вернулась в город осень, моросит вновь
дождь.
Карандаш мой точит осень – я забыл про сон...

Ожиданием укутана осень,
Как любовью и счастьем весна.
Листьев желтых метелью заносит
Осень, осень – печали пора.
В час рассвета, в минуты заката,
В полдень или в полуночи миг
Осень, осень, лишь ты виновата,
Что так сердце тревожно стучит.
Вспоминая о прошлом, о лете,
Осень зиму торопит и ждет,
Кто поверит судьбе? Кто посмеет?
Кто себя в эту осень найдет?
Листопадом засыпанный город
Тихо дремлет над древним Днепром.
В серых тучах дождей – тихий шорох,
А вдали – отблеск молний и гром.
Унесут ветры серость ненастья,
Звездной шалью укроется ночь,
И сейчас об одном лишь мечтаю,
Чтоб печаль унесла осень прочь.

Лазурное небо, и вздыблены горы,
В ущелье здесь речка бежит.
Но поднята рота сигналом тревоги,
И нами покой вмиг забыт.
На грудь – автомат, и рюкзак за плечами,
Мы вверх продираемся вновь.
Весь мир под ногами, орлы рядом с нами,
И ждет, вероятно, нас бой...
И вот перевал, он огнем нас встречает
И, кажется, камни нам дарят свинец,
И мы отвечаем, но все же мечтаем,
Когда же, когда же, когда же конец?!
Разрыв. На мгновение я Солнце теряю,
Осколки и пламя во мгле,
Сознание теряю и я ... просыпаюсь –
Войну я увидел во сне.

Афганистан, Афганистан,
Зелень равнин и холодные горы.
Слишком для нас близким ты стал,
Афганистан, за прошедшие годы.
Афганистан, Афганистан, –
Время тиранов и время героев,
Больно земле твоей древней от ран,
Но и другой ты немало стоил...
Афганистан, Афганистан,
Тысячи жизней за призрак свободы,
Может быть, лучше сегодня ты стал,
Политый кровью солдатской и потом.
Афганистан, Афганистан,
У матерей всех народов России
Жизнь сыновей ты зачем-то отнял,
В память оставив лишь холмик могилы...
Афганистан, Афганистан,
Серый гранит и звезда на вершине.
Болью и памятью нашей ты стал,
Афганистан, быть тебе ей отныне.

Кружится голова
вместе с листвою желтой,
Ты еще жив, пока
сердце стучит, не смолкло.
Осень всегда права.
Под хороводом листьев
Может прийти судьба
Шагом, едва лишь слышным.
Спрячет в заботы день
к счастью души стремленье,
И непогоды тень
солнце смахнет небрежно.
Осени желтой грусть
душу мне растревожит,
Но обрести мечту
осень мне вновь поможет.

В движениях им легкость как будто дана,
Но все-таки марионетки лишь куклы,
А у кукловодов иная судьба,
И линия жизни им видится смутно.
В ней меньше улыбок, но больше забот,
Проблем, навсегда компромиссом забытых,
Им часто встречается рядом не тот,
Их светлые души корежатся бытом.

Кураж. Гротеск и пыль улыбок,
Застывших масок суета.
На свете жизнь полна ошибок,
У кукол сложная судьба...

И руки, и ноги опутали нити
Ста тысяч насущных и срочных проблем,
Они невесомы, прочны, очень гибки,
Но страшен и тягостен легкий их плен.
Невидимых пут невесомое бремя
Давно уж на каждом из нас.
Что сможем узнать? Что мы сделать сумеем?
Пока не пришел судный час...

Кураж. Гротеск и пыль улыбок,
Застывших масок суета.
На свете жизнь полна ошибок,
У кукол сложная судьба...

МЕЛАНХОЛИЯ?

Вам интересно знать, когда
Мое закончится безумье,
И повернется как судьба,
Чтоб превратить мечту в раздумье...
Вам интересно знать? Ну что ж,
Спешу ответить Вам на это.
Я не боец, но буду все ж
С собой бороться я с успехом.
Вам интересно? Я готов
Загнуть иголкой под ногти
Свою мечту, свою...

Мы мчались на запад, коней подгоняя,
И ветер смешил нас в лицо.
Мы мчались на запад, преграды ломая,
Друг к другу прижавшись плечом.
А где-то вдали, за темнеющим лесом,
Восход поднимал Солнца свет,
И Солнце вставало, и радостным эхом
Земля принимала рассвет.
Нас кони несли всё быстрее и быстрее,
Нас Солнца преследовал свет,
Мы мчались на запад, коней не жалея,
Пытаясь укрыться от бед.

Желтые листья и дождь,
Осень. Запомнилась грусть...
Белой зимы колдовство
Было... Прошло... Ну и пусть!
Шумный загадочный март
Столько вокруг натворил,
Милый и ласковый взгляд
Счастье мне вновь подарил.
Теплый апрель, жаркий май,
Лето спешит на порог.
То, что имел, не теряй,
Не становись одинок.
Лето мелькнет, и опять
Желтые листья и дождь.
Не повернуть время вспять –
Каждому в жизни свой срок.
Осень неслышно войдет
В мир, затаившийся вмиг,
Счастье не каждый найдет,
Счастье – лишь сказочный миф.
Дождь, снег и солнечный свет,
Мир – он один и на всех,
Но он у каждого свой,
Каждому снится успех.

Мороз выстуживает осень,
И солнцу больше не согреть
Те листья, что, сорвав, уносит
Холодный ветер с тополей.
А поутру застынет в лужах
Последний дождь. И вот тогда
Метелью белой нас закружит –
Пришла зима. Пришла зима.
Мороз выстуживает осень,
И сердце медленней стучит,
И почему-то тихо просит
Забыть печаль былых обид.
Казалось, рядом было счастье,
Была мечта, но вдруг ушла
С осенним сумраком в ненастье,
Пришла зима. Пришла зима.
Мороз выстуживает осень,
И непонятно, почему
Уж нет мечты, но сердце помнит
Другим забытую весну.
Ее забыть, быть может, надо,
Чтоб боль утихла и прошла,
Чтоб за последним листопадом
Пришла зима. Пришла зима.

Она всегда над головой,
Ты только подними глаза,
Во тьме ночи голубизной
Сияет яркая звезда.
И даже если тучи вдруг
Ее закрыли свет,
Она живет, твой добрый друг,
И не погасла, нет.
Но, видно, век сейчас такой –
Нет времени наверх взглянуть,
И забываешь ты порой
Свой с нею сверить путь.
Ты подними скорей глаза,

Все отложив дела,
Пока в душе еще жива
Заветная мечта.

Медвежонок-торопыга,
Заблудившийся в лесу,
Не смотри ты так сердито,
Я тебя не укушу.
Расскажу тебе я сказку,
Угощу тебя медком
И твою поглажу лапку,
Когда будем мы вдвоем.

И, укутанный любовью,
Вновь ты весело вздохнешь,
И проторенной дорожкой
Вновь ты по лесу пойдешь
Собирать в корзинку шишки,
Зайцам шустрым помогать
И читать смешные книжки,
И мечтать! Мечтать! Мечтать...

Медвежонок-торопыга,
Я скучаю по тебе.
В детстве вместе мы играли,
Было весело в игре.
Знаю, ты ушел из леса
И подался на простор,
И прекрасную принцессу
Где-то ищешь до сих пор.

Но пройдет совсем немного –
Не сдавайся, не грусти:
Верю – ты найдешь принцессу,
А обидчиков – прости.
А когда ты возвратишься
В свой родной сосновый лес,
То знакомым ты расскажешь,
Где и как нашел успех.

Сердце остыло, страсть умерла.
Что это было? Любовь иль мечта?
Праздники кончились – будни скучны,
А под ногами – руины мечты.

Из целого букета лепесток
Остался на полу от алой розы.
Небрежность эту вынести не смог,
Как тот поэт, что отравился прозой.
Веселье унеслось, он одинок,
Пятном кровавым на снегу морозном
Лежит он, будто пролитая кровь
На поле брани мучеником алым,
И воспарить пытается он вновь:
Надеется, что дело лишь за малым...
Но ветер уж сорвался с дальних гор.
Он унесет своею стылой дланью,
Увидит, может, чей-то праздный взор,
Частицу крови, мчащуюся ланью.

Эксперимент поставить на судьбе,
Эксперимент на выживание вида.
Решил какой-то умник в пустоте
И за работу взялся деловито.
Создал за шесть рабочих дней всего,
Что пригодится в будущем. Конечно,
Ему хотелось что-нибудь еще, но
Устал и отдохнуть решил беспечно.
А в это время мимо проходил
Шалун и весельчак, поэт-безбожник,
К чужому делу руку приложил
И сделал это очень осторожно.
Чуть-чуть добавил, вроде бы пустяк,
К сухому, очень скучному творенью,
И не заметит посторонний взгляд,
Когда в душе рождается сомнение,
Когда теперь томленье бьет ключом –

Его талантом кличут, божьим даром.
Но здесь творец, поверьте, ни при чем:
У «праведников» нет в груди пожара.
Скорее, виноват во всем чудак,
Шалун и весельчак, поэт-безбожник,
Который может свет вогнать во мрак.
Ведь это для него совсем не сложно.
А может сделать вмиг наоборот
И ветром штормовым разгонит тучи.
Да с ним всегда хлопот невпроворот,
Но с ним решать проблемы все же лучше.
Эксперимент поставили давно,
И будто был простой он с виду,
Но лишь сейчас понятно нам одно,
Что смысла жизни нам пока не видно.

СОН

Ночь разрывает звук мотора,
И заливает свет асфальт,
Огнем сияя светофора,
Луна как будто манит вдаль.
Не слышен больше звон бокалов,
Пустых речей уж минул час,
И будто ночь заколдовала
Знакомый мир покинул нас.

Кружится в вихре танцовщица,
Увлечь пытаясь за собой,
Быть может, это мне все снится?
И то, что рядом я с тобой?
Боюсь, что в это я поверю,
Не удержусь и захочу,
И не удержат больше двери
Безумную мою мечту.

Паутиной иней на деревья лег.
Все вокруг засыпав, зиму снег принес.
Лед сковал озера, реки и моря.
Осень отступила, в прошлое ушла.
Под глубоким снегом замерла земля,

Птиц метелью белой унесла зима.
На стекле оконном – дивные сады,
Здесь мороз-садовник вырастил цветы.
Им тепла не надо, лучше холода,
Им не надо лета, им нужна зима,
Им одни морозы продлевают век,
Но совсем другое любит человек...
Приложу ладонь я к стылому стеклу
И теплом раздвину льдистую листву,
Я весну устрою в зимнем том саду.
Может быть, увижу то, чего я жду...
За окном – холодный свет далеких звезд,
Под луною – сонный мир замерзших грез.
Я борюсь с зимою, рву ее цветы,
Но все холоднее у меня мечты...
И мороз лукавый мне не превозмочь,
И стекло в узоры он оденет в ночь.
Новые деревья вырастут во тьме.
Ничего не видно вновь в моем окне.
Снова я ладонью утром свет впущу,
Чтобы он увидел, как я здесь грущу.
Помоги мне, свет мой, до весны дожить,
Чтоб зимою снежной жизнь не разлюбить.
Скоро стихнут вьюги, побегут ручьи,
Из-под снега прянут первые цветы.
Солнце всех разбудит и напомним вновь:
«Люди, не забудьте – В мире есть Любовь!»

О будущем пытаемся мы помнить,
И прошлое хотим мы угадать.
О настоящем любим мы поспорить.
О том, что знаем – лучше нам молчать...

ИЛЛЮЗИЯ

Иллюзия – распахнутая дверь
В мир, полный красок, запахов, желаний...
Иллюзия – а ты возьми, поверь,
Не испугайся разочарований.

Не бойся, что создашь всего мираж:
В пустыне и мираж порой подспорье.
А вдруг возьмешь судьбу на абордаж?
А нет, тогда опять сбежишь в подполье.

Иллюзия – всегда полет мечты.
Полет прекрасен, тяжело приземляться,
Но если ощущаешь что-то ты –
То значит, час пришел тебе влюбляться.

Не бойся, что в любви не повезет.
Она одна тебя лишь жить научит.
Но если повстречается не тот –
Прости его, вас жизнь тогда рассудит.

Иллюзия – надежда и обман,
В оковах суеты – глоток свободы.
И пусть она порою лишь дурман.
Пройдет дурман – понять сумеешь, кто ты.

Не бойся, не проси, но верь в себя.
Тогда ты сможешь многого добиться.
Иллюзия, быть может, лишь мечта,
Но нет мечты, и жизнь не сможет сбыться.

В лесу, среди коряг и пней,
Вдруг встретишь ты цветник,
Какой его в тени ветвей
Разбить сумел лесник?
Собрал он розу и пион,
Фиалку, львиный зев,
Ромашку, крокус, гиацинт,
Но это не предел.
Там вместе с кактусом порой
Встречается бурьян,
Растет могучий баобаб
С охапкою лиан.
Страшись зайти ты в тот цветник,
Ведь жизнь одна дана.
Качнешься к одному цветку –
Тебя ужалят два.

ИРИНА ЛУШИНСКАЯ

родилась в Днепропетровске. В 1996 году окончила обучение в ПГАСА, получила диплом архитектора. Осталась работать в академии. С 1997 года до настоящего времени – заведующая методическим кабинетом кафедры украиноведения.

Став сотрудником академии, активно участвовала в создании выпусков газеты «Молодий будівельник», на протяжении многих лет наряду с основной работой выполняла обязанности внештатного корреспондента. Здесь опубликовала свои первые стихотворения.

С 2008 года мои литературные интересы сосредоточились в области стихосложения и участия в работе клуба «Родник». В настоящее время есть несколько подборок стихотворений различной тематики: философской, о жизни в Украине, родном крае, природе и ее шедеврах, поздравления, посвящения, сказки для взрослых. Особое место в моем творчестве занимает тематика Крыма.

МОЄ НАТХНЕННЯ

Моє натхнення – з кримської землі,
З дитячого очікування дива,
Як з велетенських сосен – кораблі,
Як радість – із миттєвостей щасливих.

Захоплення – з мелодії душі,
Як милозвучність – з м'якості у слові,
Як спокій серця – чистих дум рушій,
Як дар життя – з великої любові.

Піднесення – з південної землі,
Де схожі на казок героїв скелі
У мандри проводжають кораблі,
Де милі з черепашнику оселі.

Мій захват – із космічної зорі,
Як з першого промінчика – світанок.
Над морем – неземний затишний ранок,
Як дар безцінний літньої пори.

Моє натхнення – з полум'я зірниць,
Як сяюча зірками моря просинь,
Як смак води гірських живих криниць,
Як з грона винограду – диво-осінь.

В ГАРМОНИИ СТИХИЙ

Рассеет легкий бриз сплошной туман
И облаков проявит караван;
И озарят всю местность, все пределы
Златого ока радостные стрелы.

Морской пейзаж избавит от преград.
В сознании наступят мир и лад,
И жизни восприятие иное
Откроется в безбрежности покоя.

Насколько камень меньше, чем скала,
Настолько повседневные дела
Мельчают здесь в сравнении с твореньем
Стихий в живых и ярких проявлениях.

Вглядитесь в аметистовую даль,
На горизонте легкую вуаль.
Движение огромных водных масс
Воздействует магически на вас.

Стихии нас вольнее во сто крат.
Свободе и простору ветер рад:
Над водными зеркальными степями
Проносится, играя парусами.

Разносит ветер легкий запах йодный,
И дышит воздух свежестью природной.
Как свеж и легкий бриз погожим днем,
Так пусть успех сопутствует во всем.

Как лебедь белоснежный – теплоход
Появится в тумане синих вод,
Так в жизни вашей помощь и надежда
Появятся нежданно. И, как прежде,
Сопроводят. Всевышний вас хранит,
От непосильной ноши оградит.

Питает виноградную лозу
Вода, и силы жизни ей несут
Стихии солнца, ветра и земли,
Когда они в гармонию пришли.

Здоровье, сил душевных обновленье
Дает стихий созвучье проявленья.
Так пусть же быстротечные мгновенья
Подарят радость жизнью наслажденья!

ЗОРЯНА МАГІЯ

Зоряного неба чиста магія,
Подив і захоплення – в очах,
Чарівних сузір'їв астрографія –
Як розмова серця при свічах.

Тут порядок свій, закономірності –
Стільки дивовижних таємниць!
Молоко, розлите в серці вічності,
З невідомих зоряних криниць...

ЛАДЬЯ

Летний вечер, утомленный зноем,
Остывает в сумрачной тиши.
Ветра нет, и над речным покоем
В забыты застыли камыши.

В тусклых, напоенных солнцем водах
Утопает сонная усталость дня,
И в ветвях склоненных, словно сводах,
Дремлет ночи надвигающейся тьма.

И в реке, и в зарослях прибрежных
Лунный жемчуг дивный мир творит.
Звездный млечный сок безмолвный, безмятежный
Здесь волшебным образом разлит.

Тихи, редки всплески дружных весел;
Легкая и быстрая ладья
Проскользнула мимо и уносит
Мысли за собой, зовет меня.

И река подлунная, земная
Там вдали, с небесною рекой
Дивным образом слилась, играя
В танце бликов ткани дорогой.

Ту ладью из мыслей и мечтаний,
Из раздумий с грустью пополам,
Подняло потоком из желаний,
Унесло к небесным воротам.

В ЛЕСУ

В лес войду, как в гости к доброй сказке.
Все вокруг живое, лес – живой.
Слушаю души своей подсказки
И ветвей напев над головой.

Бор сосновый – тонкий запах хвойный
И стволы, как мачты корабля.
Летний день – погожий и спокойный:
Легкий ветер, небо и земля.

Тот корабль в пространстве поднебесном
На волнах лазурной вышины
Пробуждает мысли о чудесном,
О душе природной тишины,

И ее энергии целебной:
О защите, мудрости, любви,
О красе ее великолепной,
И притоке радости в крови.

Это – храм природный, где колонны –
В небеса проросшие стволы.
Своды – это трепетные кроны,
К Солнцу руки их обращены.

Неживой природы не бывает,
Все есть символ творческих идей,
В единеньи с миром пребывает
Воплощенье Автора затей.

Я в гостях у старой доброй сказки,
Постою, на небо посмотрю,
Слушаю души своей подсказки
И с природой тихо говорю.

ЗОЛОТА РИБКА

Уявляєш?
Літня пора,
Сон глибоководдя – блиск нерівний.
Промінців на просторі то гра,
Танець тисяч сонечок предивний.

Скрізь – морська солоная вода,
Плеск лускоподібної стихії.
Де ж ти, зоре, рибко золота,
Із мого дитинства казки-мрії?

У стихії-таїнстві життя
Я твій настрої гостро відчуваю.
Символ ти надії та буття.
Виникни! На тебе я чекаю.

Не бажаєш? Що ж, прийму і це.
Чую я в житті твою присутність.

Бачила я в снах твоє лице,
Відчувала в долі диво-сутність.

Уявляєш?
Дзеркало-вода,
Милий серцю затишний світанок.
Казка тут в життя перероста,
Інший смак буття дарує ранок.

ВОЛШЕБНОЕ ЦАРСТВО

Кто в Крыму никогда не бывал –
Карадаг никогда не видал,
Где над гривой седой облака,
Где сознание пьянеет слегка.

Здесь вершин острозубых не счесть,
Их число превеликое есть.
Перед взором – безмолвие гор,
Как готический стройный собор.

И в скопление базальтовых скал
Вид волшебный собор обретал.
Прихожане застыли окрест,
Наблюдая величие мест.

Царству каменных пиков и стен
Каждый год не сулит перемен.
Как минуты, столетия бегут,
Первозданный покой берегут.

Воздух свеж, и прозрачен, и чист.
Дух полынный и море, как лист,
Развернувшись, трепещет слегка,
Моет вечности тут берега.

Груды скал над сплошной синевою
И молчанье над гладью морской,
Башни, гроты, в пещерах ходы –
Буду помнить я лик красоты.

Кто в Крыму никогда не бывал –
Опьяненья природой не знал.
От души пожелаю тому
Путешествий чудесных в Крыму.

МОРСКИЕ СОНЕТЫ

I

С небес спустилась в море бирюза,
Жемчужинами бликов скрыла камни.
Загадки из иного мира, тайны –
Лазурные русалочьи глаза.

Медуз движенья медленны и плавны.
Вдали слышны дельфинов голоса.
Вода легка, прозрачна, как слеза,
Пока открыты Солнцем в небе ставни.

В душе играет сказочный кларнет.
Я слышу nereid протяжный зов.
Смотрю, как глубины приятен цвет.

Прекрасен хоровод морских коньков –
Они встречают танцами рассвет
В мерцании затопленных хребтов.

II

В мерцании затопленных хребтов
Привиделось сияние созвездий.
Что может быть познания интересней
Галактики подводных городов?

Дыханье моря музыки прелестней.
Живут в стране Нерея – сладких снов
Созвездья устриц, мидий, гребешков,
Разнежены русалочьею песней.

Моллюсков поселения – кварталы
Расцвечены чешуйчатой зарей,
А водоросли сплошь укрыли скалы.

Смешалась сказка здесь с морской водой.
Пещер открылись чудные порталы –
Проявленный космический покой.

III

Проявленный космический покой
Неведомый скрывает здесь секрет,
И ощущение времени тут нет.
Пространство дышит зеленью морской.

Вплывают рыбки смыслов в мой сонет.
Страна Неря – это мир живой,
Заманивает тайной глубиной,
И водоросли здесь меняют цвет.

К поверхности чем ближе, тем светлей
Подводные раскинулись леса
В игре хрустальных бликов и теней.

Расплетена русалочья коса,
Жемчужное сияет утро в ней.
С небес спустилась в море бирюза.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА (изложение легенды)

В давний час по морю греки плыли долго из Царьграда.
Плыли долго так, как будто край земли должны увидеть.
Но зигзагами дорога шла неверно в Черном море;
Море то бесилось часто, для гостей недобрым было.

Выло море, злилось страшно, по волнам суда бросая,
И, борясь со злой стихией, греки сил своих лишались.
И в свинцовых бурных водах – знали люди: их погибель.
Вдруг внезапно стихла буря, но не стало грекам легче.

Вмиг туман густой спустился, он закрыл собою небо.
Плыть куда? Блуждали люди по бескрайней глади моря.
Скоро пищи им не стало, и от жажды гибель ждали.
Много дней сплошным туманом и отчаяньем объаты,
Веру люди потеряли в жизни встретиться с землею.

Но однажды утром ранним ветерок подул с зарею.
Он рассеял тьму – и скоро солнце вышло, тьма пропала.
Край земли на горизонте взору дал большую радость.
– Ялос! Ялос! Берег! Берег! – громко люди так кричали.

Жизнь вернулась к грекам сразу, втрое силы их умножив.
Все на берег вышли скоро, «Ялос» край земли назвали.
Так селение возникло в том краю земли волшебном.
Ялты – города легенды это было изложение.

КАНАТНАЯ ДОРОГА

Скользит по канату вагончиков стайка.
Ты хочешь кататься? В кабинку влезай-ка!
К нагорьям Ай-Петри безлесным, пологим
Летим по волшебной канатной дороге.

Мы – вольные птицы, летим в небеса,
И зорче от радости стали глаза.
Как будто бы выросли крылья у нас,
И сердце усиленно бьется сейчас.

Ведь чувство полета прекрасно, поверьте!
А кто не поверил – взлетайте, проверьте!
И легкость свободы, и плавность движенья
Лучистого Солнца дают настроенье.

Как будет возможность – в Крыму побывайте,
По горной канатной дороге взлетайте!
То чувство волшебное, то восхищенье
Запомните вы, как полет настроенья!

КРЫМ

Лист виноградный на поверхности морской,
Живой, питаемый энергией земной,
Изящный видом, очертанием своим,
На карте нашей путеводной – это Крым.

Согласно переменам времен года
Окрашивает щедрая природа
Его пейзажи, нам восторг даря,
Игрой оттенков дивных говоря.

Крым северный – округлые холмы,
В степи – курганы, тайнами полны,
Открыты их пространства всем ветрам,
Цвета земли преобладают там.

Крым южный – красота волшебных гор.
Здесь северным ветрам – крутой отпор.
А с юга – ласковый морской прибой,
Пространство дышит легкой синевой.

Гуляет южный ветер-озорник,
Своей игрой преображает лик
Цветущих у подножий гор долин.
Он знает много сказок и былин.

Мне кажется порою, что сокрыт
Волшебный и таинственный магнит
В земле той дивной – сказочном Крыму:
Туда влечет, не знаю, почему.

ЯЛТИНСКИЙ ВЕЧЕР

Ялтинский чудесный летний вечер
В радужных повсюду огоньках.
С набережной яркой радость встречи,
Двадцать два – на парковых часах.

Бархатной накидкой южной ночи
Скрыты в сонной дали берега.
Море засыпать совсем не хочет,
Под луной волнуется слегка.

Око над иссиня-черной гладью
Направляет в море корабли;
И «Руно» особенной печатью
Отмечает край родной земли.

На бульварах – буйные фонтаны,
Струи разноцветные летят.
Для влюбленных встречи здесь желанны,
Чувств сердечных яркий водопад.

В королевстве радостных мечтаний –
Пристань для чувствительной души.
Здесь источник творческих исканий.
Никуда сегодня не спеши!

Ялтинский прекрасный летний вечер
Щедро окаймили огоньки.
Помню детство, с Ялтой-сказкой встречи,
И журчанье Времени-реки.

Памяти моего Учителя

В.И. ВАСИЛЬКОВСКОМУ

В листках, исписанных пестро,
Летящих букв знакомый почерк.
В минуты эти нелегко,
И рифма бросить скорбь не хочет.

Влачится день, играет ветер
Безмолвия страницей пожелтевшею.
Газетной строчки гласа нет.
В редакции – пространстве опустевшем,
И тихом шелесте листаемых страниц, –
Иная речь – отсветы дел, и встреч, и лиц.

В статьях, в которых все слова важны,
«Подогнаны» и сплавлены умом и знаньем,
В любви *до мови рідной* рождены –
Терпения и опыта слиянья;
В стихах и репортажах, в интервью
Служенье с верой нашей alma-mater.

Я кладезь мудрых наставлений отворю:
В лампадах ровного сиянья пламень.
И тихий шепот: *«Тут повинно бути так...»*
В напеве фраз, оттенках интонаций;
Здесь искренность и доброта – души маяк
В контексте самых разных ситуаций.

Тут пунктуальность, практическая сметка,
И чувство долга здесь – служенья камертон.
Мерцанье пламени свечи – ни явь, ни сон.
С портрета взгляд – и мысль плывет нечетко.

Как в отпуск отправляясь, устав от мук,
Ушел он в вечность, словно жизни звенья
Злой рок порвал; в страну успокоенья
Ушел, как путник, завершивший жизни круг.

Приходит час, когда увидишь вдруг
В событий мрачных роковом сплетеньи
Извечно повторяющийся круг,
В котором смерть предшествует рождению...

Главный в коллективе. Без сомненья,
Есть у нас достойный образец.
Наш руководитель – Вы. С терпеньем
Нам заданий преподнесите ларец.
Актуальность дел насущных раскрывая,
Добросовестность работников ценя
И характеров различья уважая,
Юмор понимаете, любя.

К нам не безразличны, хоть и скрыто,
Редко бурных чувств являете фонтан.
И всегда с вниманьем и открыто
Вы решенье посоветуете нам.
Что же пожелать Вам в юбилейный
И чудесный, светлый, райский час?
К месту проявить дар несомненный,
Удивлять талантами всех нас.

В.А. Бабенко

В личной жизни – мира, вдохновенья,
А в работе – лада и терпенья;
Лет без счета в здравии живите,
Если счастья-радости хотите!
Настроенья бодрого желаю,
Трепетно, сердечно поздравляю!
Исполнения желаю Вам мечты.
Наш наставник и затейник старший – Вы.
Если Вы довольны – рады мы!

ЯНВАРСКИМ ИМЕНИННИКАМ

Сколько человек различных судеб
В январе открыли жизни путь!
Пусть счастливой ваша доля будет,
Сказочной, красивой жизни суть!

Пусть среди любой житейской вьюги
Вас окутает участья теплота,
Белой и пушистой радость будет,
Пусть исполнится заветная мечта!
Как на окнах, инеем укрытых,
Распускаются волшебные цветы,
Так в сердцах, для радости открытых,
Ощущали бы созвучье с миром вы!
С днем рожденья вас мы поздравляем!
Оптимизма вам, любви и красоты!
Крепкого здоровья пожелаем!
Очень рады, что сегодня с нами – вы!

25-летию клуба «Родник»

Поет «Родник» пленительный
Живительной водой.
С упорством восхитительным
Стремится стать рекой.
В сердцах слова касаются
Невидимых ключей.
Звеня, ключи сливаются
В стремительный ручей.

Свежа водица быстрая
Из чудо-родника.
Прозрачная и чистая
Рождается река.
Ее предназначение –
Раскрыть сердца людей
Для высшего стремления –
Для творческих идей.

В экстазе поэтическом
Кто был – меня поймет.
В течении лирическом
Он силы обретет.
Чудесными затеями
Играет наш «Родник».
Он добрыми идеями
В сердца людей проник.

Я мощного течения
Желаю «Роднику»,
Под Солнышком свечения
На длительном веку.
Пусть мысли интересные
В рассказах и стихах
И замыслы чудесные
Останутся в веках!

Сил подъема, прыти молодой
В юбилей желаю золотой;
Ежедневно, с утренней зарей,
Творческой энергии живой!
Лепестками розы осыпаю –
Алыми цветами поздравляю.
Настроенье Ваше – майский мед.
Если радость есть, душа поет.

И «Родник» прекраснейший течет,
Вам живую воду он дает.
А в беседах ценен Ваш совет –
Негасимый Вы несете свет.
Оптимизма, с юностью дружить,
Вам желаю сотню лет прожить.
Неприменно поздравления примите,
Если счастья – радости хотите.

Дарованьями сверкает водопад,
А «Родник» – блистающий каскад.
Наши юные поэты очень рады,
Что вниманье есть и «Лира» – им награда.
Если мир, покой в душе и лад,
Настроенье – словно майский сад.
Как в прекрасной сказке, сбудутся мечты.
Очень рада – благодарна, что есть Вы!

ГЕННАДИЙ ЛЬВОВ

родился в Днепропетровске. Окончил ДИСИ в 1974 году, специальность – инженер-механик. Свою дипломную работу (на спор) написал и защищал в стихах, чем немало удивил экзаменационную комиссию. Затем уехал по распределению и работал инженером-строителем в России, Казахстане, Белоруссии. Активно занимался спортом (вольная борьба), мастер спорта СССР.

Стихи начал писать в двенадцать лет, их опубликовала «Пионерская правда». Творчество юного земляка заметил и оценил Олесь Гончар. С 1991 года стал членом Союза писателей, полностью перешел на литературное поприще. На сегодняшний день – автор более 25 сборников стихов. Не порываю связей со своей Alma Mater, руковожу студией «Лира», объединяющей молодых сочинителей – студентов ПГАСА.

В поэтическом открытии образа мысли кроется тайна самовыражения Поэта, который находится в постоянном поиске Человека. Поэт как бы открывает мир заново. Впервые всматривается в звезды и цветы, в глаза людей и зверей. Замечает то, что другие не видят. В нём – жизнеутверждающий, мудрый оптимизм, прошедший через горнило страданий и закалившийся, окрепший.

Представленные здесь стихотворения – из нового, готовящегося к печати сборника «Скалы и море».

НАКАНУНЕ

Берегом шли облака,
Пеной омыв его мыльной,
Глядя на мир свысока –
Галька блистала умывшись.

Море шлифует камни,
Как скорбь земная людей.
В пучину однажды канет
Жажда степных дождей.

СУРЬ – ХАЧ

Цветущий крест среди лесов,
Обитель древняя монахов.
Молитва слышится стволов –
Я в таинстве Господних знаков.

В умолкшей келье – Голоса,
Иконы в нише свет суровый...
Вокруг ремонтные леса,
Армянок сросшиеся брови...

И лики тех, уснувших здесь,
Оживших в лицах вновь идущих.
Мирская с них слетела спесь –
Среди свечей зажглися души.

Мазками тихой акварели
Господь устроил колыбель.
Так ангел спит порой в метели,
Запятав в облако свирель.

День угасал,
Рождалась тайна –
Луна из моря поднималась.
И парусник, словно случайность, –
Величье и такая малость.
Карнавал в Гель-гью

В свой город сказочный
Он поселил поэтов,

Художников, и бардов,
И принцесс...
Они бредут в обнимку
С ним по свету.
Блится масок разноцветный лес...

Из мрака душ
Сверкают фейерверки –
На Галерейной, в домике чудес,
Чуть приоткрыл свои писатель дверки,
Впуская алый парусник с небес.

Вокруг толкаются, смеются, корчат рожи...
Все забываются – лишь праздник на устах.
Гель-Гью – он вылез весь из кожи –
Грин улыбается – цветы в его руках.

ВЕРБЛЮД

Корабль пустыни шел по Галерейной,
Плескало море за его спиной.
Горбы качались, и ковры гарема
Бросали тень на жаркой мостовой.

Слюна скупая с губ его летела,
Над суетой он голову поднял
И корабля раздувшееся тело
Плыло в кругу торговок и менял.

Собаки лаяли – глаза зияли бездной...
Он изредка облизывал губу,
Но шторм гудел и брызгал жаркой пеной –
Он чувствовал убогую судьбу.

Корабль пустыни шел по Галерейной,
Плескало время за его спиной,
А впереди – просоленные реи –
Фонарь надеждою над рыжей головой.

ОСЛИК

Стоит безропотный, на все готовый –
Глаза уткнул в заплыванный асфальт,
А рядом – люди – совы

Кричат, рождая в душах фальшь.
Но ослик это все не замечает –
Погонщицу он чувствует всем телом.
И, кажется, уснуло в нем отчаяние,
Если б не стать его так ярко пела...
В полнолуние.

Сестра моя,
Ночных раздумий друг...
Ты – образ Женщины –
Мне даришь вдохновенье,
В сиянии хранишь
Неведомый испуг –
На небе жду
Всегда твое рожденье.

Сестра моя,
Чаруешь и зовешь
В миры иные –
Там, за синей далью.
Струится на волне
Лучей искристых дрожь –
Любовью я охвачен
И печалью...

Сестра моя,
Ты страдаешь всем –
Весь род людской
Постичь тебя не может...
Твой свет –
Божественный посев.
Целую лик,
На Женщину похожий.

Сестра моя...

Счастье всегда истекает,
Но если жизнь – навсегда –
Любовь к Всевышнему...

Каюсь –
Иллюзия – наши года.

И. Дерполову

ПОГРАНИЧНИКИ

Нас однажды убили с тобой на войне.
Наконечники злобы вонзились в тела.
Это было, напарник, будто во сне –
Грудь пробила вражья стрела.

Не услышал ты писка полевки в траве,
Видно, время пришло нам покинуть века.
Мы легли – голова к голове –
Мышью мать прилегла у виска.

Мы не кланялись ветру, мы шли напролом,
Караваны вели сквозь пески.
Две кибитки – нехитрый наш дом –
Побелели от пепла виски.

Пограничники – шли мы всегда в голове.
Меч, и стрелы, и знаки вокруг...
На засаду наткнулись в траве –
Так замкнулся жизненный круг.

Но мы встретились – тысячи лет позади.
Долог был изнуряющий сон.
Вырвал ангел стрелу из груди –
Вновь вести караван за кордон...

Друг другом пользуемся мы.
Не дружим, нет – мечтаем всеу.
И мысли тайные темны,
Химеры жалкие рисуем.

Не дружим, пользуемся мы
Друг другом, в тайне изошренной.
О, как желания чумны
Под вечною Господней кроной.

СТАС, 39

Над площадью смеются птицы.
Не души наши – Ангелы летают.
Здесь вижу Спаса, Николая лица...
И облаков мятущуюся стаю.

Ручьями руки – в Коктебельской бухте.
На глади лик – взывает к пониманью.
Вечерний звон рассеивает слухи,
Юродивый приковует вниманье.

Откуда он пришел и где жилище,
О чем Слова, клокочущие в горле?
В толпе гудящей он – безмолвный, лишний.
В глазах его счастливых видят горе.

А он поет молитву тем, кто жаждет.
Зрачки его горят, как вишни.
Не чувства добрые срываются, а жала,
Которые пока отвел Всевышний.

ЛАМА

Беременная лама на панели –
И не спросили, и не дали есть –
Она присела в каменной постели...
Со стороны – и гордость в ней, и спесь.

Глаза печальные полужакрыты,
В них небеса отражены.
Вокруг спешат, скребутся в норках крысы...
Совсем не ведая ни страсти, ни вины...

В ней бег застыл и жизнь остановилась,
Страна далекая ей снится по ночам.
И что ей эта каменная вилла –
Пыль городская льется по губам.

P.S. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ К...

Последний день или конец Началу –
Цветущая, зеленая долина.
Вдруг черный Ангел, слово замолчало –
Все проглотила жаркая лавина...

Э. А.

НА НАБЕРЕЖНОЙ ФЕОДОСИИ

Стоит на паперти поэт,
Торгует книгами своими –
Смеется кто-то, судит свет...
Лишь Солнце равнодушно в Крыме.

Все также свет на гребне волн,
Огромных чаек рой веселый.
Вдали песчинкой чей-то челн
И люд, наполовину голый.

Губами чмокает студент,
Пенсионер лоснится жиром...
Творит порядок юркий мент,
И лишь поэт парит над миром.

Порой немного под хмельком
Слагает гимн Красе на воле.
Его душа – Вселенной дом –
О нем прочтут в толпе и в школе.

Стоит на паперти поэт,
В потоке дня неразличимый.
Звучат вокруг и да, и нет...
Без громких званий он и чина.

Как птица певчая в саду,
Встречает утро в свете розы –
Стоял так Данте в том аду –
Ему мигали в небе звезды.

Золотые персики на ветках
Улыбаются мне пухлыми щеками.
Паучка блестит на ветке сетка,
Соткана Господними руками.

Ткутся жизни, как и судьбы мира.
Все переплетаются творенья.
И звенит Божественная лира,
В ритме космоса, рождая вдохновенье.

В этот город заглянул на день –
Вот живу уже который год.
На пороге вижу Грина тень.
Пламенеет над заливом свод.

Колокольный распевает звон –
У Казанского собора люд.
Возле стен генуэзских стон –
В череде веков – ждут...

У креста Андрей стоит,
В камень весь одет на века...
Здесь бывал не один поэт,
Золотится на ветру строка.

ВОЗЛЕ МЫСА ИЛЬИ

Еще недавно здесь кипел народ –
Сегодня ветер заметает листья.
Висит, дождем набухший небосвод.
Среди волны зеленой – поступь лисья...

Плеснуло солнце в рыжие сады,
Как из бокала, красного вина,
А на песке, в дожде, твои следы
И кажется, что все-таки весна.

Хожу по городу с каштанами в руке,
Слегка прохладны, как твои ладошки.
Морская соль осела на виске...
От лета чайкам остаются крошки.

На Галерейной вижу Грина тень,
А ближе к морю – Айвазовский с кистью.
Не вспомню год, какой сегодня день –
В песке следы, и солнечные листья.

**МАРИНА
НЕДОГИБЧЕНКО
(ЯЛАНСЬКА)**

народилася у Дніпропетровську, у восьмирічному віці переїхала разом з родиною до села Миколаївка Новомосковського району, де провела дитинство і юність, закінчила середню школу. Випускниця філологічного факультету Дніпропетровського національного університету. З 2004 року безперервно працює у Придніпровській державній академії будівництва та архітектури: спочатку як викладач мов в Інституті безперервної фахової освіти ПДАБА, з 2007 – редактором багатотиражної газети «Молодий будівельник» та за сумісництвом асистентом кафедри українознавства. З 2008 року – викладач кафедри інтенсивного навчання іноземним мовам при міжнародному відділі ПДАБА.

Творчий шлях розпочала зі шкільних років. Постійно друкувалась в обласній та всеукраїнській періодичній пресі та літературно-мистецьких збірниках, у тому числі – «Крила», «Свічадо». Лауреат різноманітних поетичних та творчих конкурсів, фестивалів обласного і всеукраїнського рівнів. Автор двох збірок поезії та прози «Симфонія душі» (2004) та «Дума про війну» (2005), які вийшли друком у видавництві «Гамалія».

Тематика моїх творів досить розмаїта, хоча особливе місце вже багато років посідають теми родинного щастя та любові до батьків, любові до Батьківщини та краси природи, з народженням доньки – тема дитинства та батьківства. Окремою сторінкою у творчий доробок вписано тему Великої Вітчизняної війни, що хвилює мене ще з дитячих років у зв'язку з родинними спогадами: цій темі присвячено всю другу збірку, головний лейтмотив якої – вдячність воїнам за мир та заклик до майбутніх поколінь ревно берегти його.

Я маю мрію народити сина,
Що мав би душу, мов Дніпро, могутню,
Що мав би гордість за свою країну
І вмів не забувати незабутнє.

Я маю мрію народити доню,
Мов пісню, сильну, ніжну, неповторну,
Що власноруч собі обрала б долю,
Що не ділила б світ на біле й чорне.

Я маю мрію народити вірші,
Тривожні й чулі, чесні і відверті, –
Хтось, може, стане хоч на мить щирішим
В сучасності химерній круговерті.

Я маю мрію народити людство,
Яке себе уміло б поважати,
Що прагло б миру, а не душогубства,
Народжувати, а не убивати.

Я маю мрію народити Всесвіт –
Пробачте, люди, за таку глобальність! –
Щоб кожна зірка мала шанс воскреснуть
І в людях відшукати досконалість.

Подаруй мені, Боже, кохання,
Щоб не жевріло серце – палало,
Щоб солодкої муки пізнання
Завжди трішечки не вистачало.

Подаруй мені, Боже, смирення –
Не втопити в амбіціях душу,
Цінувать поцілунки натхнення
І на світ не дивитись байдужо.

Подаруй мені, Боже, терпіння
Не розмінювать мрій на дрібниці.
Подаруй мені, Боже, уміння
Бути в горі твердою, мов криця.

Подаруй мені, Господи, сили
У буденності не здичавіти,
Рятувати від життєвого пилу
Всі, наповнені радістю миті.

Подаруй мені, Господи, слово,
Щоб за ним піднімалися люди,
Щоб моя запечалена мова
Гордо й впевнено мовила: «Буду!»

Подаруй мені, Боже, любові,
Щоб від неї весь світ подобришав.
Збережи мене, Боже, у слові.
Подаруй недописаних віршів.

ДУМА ПРО МАТІР

Садовила Мати чорнобривці,
Поливала мальви вечорові,
Набирались пахоців і міці
Пагони любистку і красолі.
Колисала піснею дитинство
Сивочола ясноока Мати,
Що вже звикла, мов якесь намисто,
Спогади свої перебирати.
Хоч одна – а все ж не в самотині,
Незборима силою чекання.
Світом всім розсипалась родина,
Та Матуся – всіх дітей єднання...
Хвіртка зарипіла. До порогу
Йде жебрачка в чорному лахмітті:
Чи води попросить у дорогу,
Чи спочине під грушеvim віттям.
Та жебрачці не того потрібно –
Підніма на Матір дикі очі:
«Драстуй! Щось синів твоїх не видно.
Я напиться їх крові хочу.
Що здригнулась? Я – Війна. Загибель
Під крилом ношу для людства всього.
Плач дітей для мене замість гімну,
Смерть і біль для мене замість Бога.
Я об ваші вмивані світання
Витру ноги, розірву їх в шмаття,

Запроваджу тут нове братання,
Коли зброя здійметься на брата...».
«Війно, Війно! Та чи ж ти не мати?
Не чіпай дітей, не рухай миру,
Бо ж не маєш права ти ламати
Те, що будувать не мала сили».
«Так, і в мене діти є. Ой, леле!
Чом вони недолюдками стали?
Чом же ви їм не закрили пельки,
Крижані серця їх не скували?
Ні, не вберегли. Вони жорстокі,
І мене б, якби могли, убили –
Як навчили матір пити крові,
Так тепер не можу припинити.
Та прийшла до тебе даремно –
Знаю, в тебе серце незбориме,
У своїй любові сильна й певна,
Зможеш кожна врятувать дитину».
Засміялась божевільно. Мати
Зупинила дикий сміх рішуче:
«Годі тут ці приспівки співати,
Мов до діла, хоч і любиш мучить».
Уп'яла Війна у Матір погляд:
«Є один лиш засіб рятівничий,
Що розтопить в моїм серці холод,
Що загасить спрагу войовничу.
Віддаси – не стане брат на брата,
Предковичний ліс не збагряніє,
І піду я від цієї хати,
Не вернусь у світ ваш, доки жию».
Посміхнулась: «Що ти хочеш, жінко?
Все віддам – на те ж бо я і мати –
Щоб сміялись мої діти дзвінко,
Пустували в квітах онучата».
«Хочу серце. Серце материнське,
Сповнене живлющої любові,
Сповнене нездоланої пісні, –
Я навік нап'юся з нього крові.
Подаруй мені своє серденько,
Викупи у мене мир для діток.
А вони в подяку тобі, ненько,

На могилі понасадять квіток».
У Війни жорстоко-дикі очі,
Та у материнських більше сили:
Розрива мережану сорочку,
Розриває груди лебедині.
Їй боятися немає часу,
Їй вагатися немає сили:
Поспішає врятувати вчасно
Викоханих, виплеканих, милих.
Простягає на долоні долю –
Серце, що життя дарує дітям.
Подивись-но! Не дрижить долоня
З тягаря лічити людству миті.
Материнські очі наймудріші
Пропікають жаром кожную думку;
Простягає: ну ж бо, сміливіше,
Йди, напившись бажаного трунку.
Йди назавжди, не вертай до хати,
До землі золотокоших ранків.
Геть, не руш дітей! Стояла Мати,
Рятівниця мирного світанку.
Відсахнулась, знітилась жебрачка,
Не схотіла й крові куштувати –
Зрозуміла раптом, необачна,
Що цієї сили не здолати.
Опустила очі безсоромні,
Опустила плечі від знемоги.
Обернула в крила одяг чорний
І проклала в інший світ дорогу.
І в цю мить священним боєм Мама
Заколело в грудях, зацеміло
Її дітям – і за океаном,
В морі, в небі, в цегляних будівлях.
Та тривога їм зростила крила
І в єдину згуртувала зграю,
Що єдиним співом лебеділа,
Летючи до маминого краю.
Впали гуртом біля хати. Мамо?!
Чи стомилась? Чом лежиш у квітах?
Боже милий! Та ж у грудях – рана!
На вустах – незмовлена молитва.

Прихилились, плакали, просили,
Чорнобривці сипали у ноги,
Прагли їй свої віддати сили
Біля кров'ю вмитого порогу.
Затуляли, закривали рану,
Цілували зморшкуваті руки.
Світ, здавалось, плакав: Мамо! Мамо!
Не знести одвічної розлуки!
І від щиросердних сліз гарячих
Враз... розкрилась зсушена долоня,
І під тягарем долонь дитячих
В грудях тихо стукіт вчувся знову.
Материнське серце – невмируще,
Доки маму пам'ятають діти,
Доки у єднанні їхні душі,
Ним нікому не заволодіти.
Мамина рука здолає горе,
Приголубить у тяжку хвилину.
Доки мама до грудей пригорне,
Кожен – хай і в п'ятдесят – дитина!
І війна не прийде вже до хати,
Злине в небо міць новітніх терцій.
Хто врятує людство? Сива мати,
Що тримає на долоні серце.

РОЗДУМ

Іде людина. Змучена. Пітьма.
Іде вперед, уперто і невпинно.
Знесилена, скажена, навісна –
Лише вперед. Тому вона – Людина.
Життя своє доводить раз у раз,
А сходинки його слизькі й вузькі.
Тягар чекань, обов'язків, образ –
Для нього плечі у людей блаженські.
А все ж ідуть. Несуть свої хрести:
Яка різниця, хто несе, хто тягне?
Людина має привілей. Іти.
На двох. Вперед, залізуючи рани.
Упала – встане. Встане знов і знов.
Підводиться, допоки стане сили.
Ніхто до неї сонця не дійшов.

А все ж іде. Тому вона – Людина.
Обернеться. Згадає кожну мить:
Яка розбита, а яка – крилата.
Людина має привілей – любити,
Якщо вона любов'ю не розп'ята.
Дай Бог, щоб кожен, обернувшись, мав
Про що сказати: я оцим пишаюсь.
Дай Бог, щоб кожен, хто упав, вставав:
Я – Є. Я – Сильний. Я іще тримаюсь.
Життя – велика пастка на слабких,
На тих, хто швидко опускає руки,
На тих, хто каже: я не зміг. Не встиг.
Хоча ще й ніг не відірвав від бруку.
Ой, люди, люди! Як я вас люблю!
Як вас споїти сил хоча б із віршів?!
Як в душі перелить снаги й жалю,
Щоб жоден з вас дороги на залишив?
Яким ще словом, люди, докричати,
Щоб ви почули, щоб усе згадали,
Щоб ви життям уміли керувати,
А не життя щоб вами керувало!
...За кроком крок. Щоб голос не зачах.
Життя – не свято, а великий будень.
Ходімо, рідні. Нас чекає шлях.
Йдемо лише вперед. Тому ми – Люди.

ВЕЛИКИМ

Великим людям – висота небес.
Великим людям – таинство свершений.
И кто велик, тот сотню раз воскрес
И после смерти в сотне поколений.

Великим людям тяжело подчас:
Держать лицо – задача не из легких,
Умея оглянуться каждый раз,
Когда стоишь на новом повороте.

Великими рождаются не дано:
Великие себя творили сами...
За шагом шаг шли, веруя в добро,
Но не руководились чудесами.

Великим людям – вдохновенный труд,
Приправленный усталостью разлуки.
Они и нынче за собой ведут,
Хотя уже нельзя пожать их руки.

Великие! У вас учусь любить
Работу, солнце и свое призванье.
Спасибо вам, что так умели жить,
Летать, свершать, искать и находить,
Чтоб мы сегодня восхищались Вами!

Цокає годинник на стіні в дитячій.
У колиску щастя впали пелюстки.
Вдвох стоять – щасливі й невловимо вдячні
Доні за дарунок – посмішку у сні.

Цокає годинник – відбиває миті,
Заплітає хитрий візерунок днів.
І, здається, більш нема нічого в світі –
Тільки перший усміх її перших снів.

В неї сині очі (згодом карі стануть...)
В неї рученята склались в кулачки.
В неї, у манюні, вже й думки є, мабуть,
І велика сила, і рожеві сни...

Цокає годинник. Хочеться навічно
Тут стоять і слухати, як дрімає світ.
Світ – він теж дитина, спить в її колісці,
Коли треба тихо від болів спочить...

Годинник. Двадцять друга сорок п'ять.
В обіймах ночі загубилась рима.
До мене сум приходив ночувать,
А я його до хати не пустила.

Рожева тиша ніжністю рясна.
Бузкова ніч слова ковтає вміло.
По шал очей приходила весна,
Та я її до мрії не пустила.

Життя – якась надламана крива.
Рівнять її незмога і несила.
До мене біль приходив по слова,
Та я його до віршів не пустила.

Самотність – просто захист від обмов,
Від мрій, розчарувань і божевілля...
До мене ти приходив по любов,
А я тебе до серця не пустила.

Я народжу тебе під шепіт трав,
Хай навіть за вікном лютує січень,
І світ замріє сотнями заграв,
А я дрібниці тої не помічу.

Я народжу тебе під шум дощу –
Так романтично вмінуть плакати зорі.
І дивні вірші у душі зрощу,
І розчиню печалі неозорі.

Я народжу тебе з останніх сил,
Тому що ти – усіх гріхів спокута.
В світ принести дитя – найлегший біль,
Найвище щастя й найсолодша мука...

Людина, яка працює, здолає усі висоти,
Підкорить собі майбутнє, напившись туману мрій.
Людина, яка працює, уміє журбу збороти,
Уміє забути болі і шлях торувати свій.

Людина, яка працює, втомитися не боїться,
Бо знає: той, хто втомився, солодше і краще спить.
Людина, яка працює, і сива – невтомно вчиться,
Бо крила з небес не кинуть – їх треба в собі зростити.

Людина, яка працює, собі не шукає слави,
Бо слава – лише цукерка, солодка, терпка й п'янка,
Сьогодні вона ще вабить, а завтра – уже розтала
Й тебе обернула легко із пана на жебрака.

Людина, яка працює, у зоряний пил не пада,
Не губить своє сумління й натхнення не продає,

Не квапиться осудити, бо слабкість людська – не вада,
Людина, яка працює, месій з себе не вдає.

Людина, яка працює, лише уперед крокує,
Бо знає – як обернешся, минуле засмокче вмить.
Хвала вам і вічна шана, всі Люди, які працюють:
Тому, що ви є у світі, цей світ взагалі стоїть.

ДНІПРОПЕТРОВСЬКУ

Є на схилах Дніпра молоде і закохане місто,
Що стрічає весну вже не сотню замріяних літ,
Що синів народило величних, натхненних, незлісних,
Що навчилось і лити метали, і вірші творить.

Хай воно молоде – не рахує літа тисячами,
А проте вже в історії впевнено й міцно стоїть,
І будує дороги нові, аби тими шляхами
Було дітям його так окрилено в світі ходити.

Воно може навчити усьому і все розказати,
Воно голосно всюди про себе заявить щодня,
Аби ми, надихнувшись здобутками, вчились літати,
Щоб нових сторінок додавали до книги буття.

Воно вічне й величне, зродило людей незбагненних,
Що не тільки країну – весь світ здивувати змогли.
І щодня воно будить нас променем мрій нездійснених,
Аби ми наші злети, йому присвятивши, несли.

Є на схилах Дніпра місто молодості і любові,
Здавна споєне мудрістю й чистими водами рос.
Де б не був, щоб не бачив – до нього вертаєшся знову.
Бо це твій світлий дім, що ім'я йому – Дніпропетровськ.

МАМІ

Мамо, ніколи – чуєш! – ніколи не смій хворіти.
Плакати – не дозволю. Суму – закрию шлях.
Ти – моє сонце світле. Ти – мої мрії світлі.
Ти – моя вічна свічка, що не гасне в ночах.

Мамо, ніколи – чуєш! – ніколи не смій боятись.
Я подолаю весь світ, я перетну світи –

Тільки б тобі, рідненька, стало сил посміхатись,
Посмішка твоя завжди вкаже шлях до мети.

Мамо, не смій – ти чуєш?! – сумнівам дати волю.
Ми із тобою – сила, ми ж бо – єдина кров.
Ти – моя вірна муза, ти – моїх прагнень море,
Я тобі, наче квіти, нині несу Любов.

Коловорот історій – їх не збагнеш, не втямиш.
Все повторилось вкотре, вічність назвалась «діти»...
Вчора мені вже доня, міцно обнявши на ніч,
Прошепотіла: «Мамо! Ніколи не смій хворіти!»

ВЕТЕРНАМ

Небо, сиве і горде, всміхається знов ветеранам.
Небо мирне у вічній подяці схилило уклін.
Ми співаємо гімн Вашим подвигам, жертвам і ранам,
Ми Вам дякуємо щиро по-людськи від всіх поколінь.

Хтось із Вас втратив рідних, а хтось не зустрівся з коханням,
А у когось летіло життя крізь війну шкереберть.
Може, ми – та мета, для якої всі мрії й бажання
Ви покинули в ноги війні, як найбільшу із жертв.

Ми Вам вдячні за те, що ми можемо мріяти й жити,
Що не рветься на шмаття життя молодих і старих,
І за те, що ми можемо творити, літати, любити,
Як із Вас хтось, на жаль, через смерть долюбити не встиг.

Хай Вам ходиться легко, здоров'я не зраджує вірно,
Доброти Вам, достатку, любові, поваги й тепла.
Обіцяємо Вам, що ми житимем чесно і гідно,
Аби Ваша ота Перемога не марна була!

НАВІЩО НАМ ВІЙНА?

У середній школі № 26 свято Перемоги дуже любили. Якимось так повелося, що це було чи не найголовніше свято року. Школа розквітала. Вчителі з учнями починали підготовку за місяць, а то й півтора. Малювалися якісь неймовірні стінгазети (щоразу нові та оригінальні), виготовлялися листівки для ветеранів, організовувалися вистави і

концерти. Школа сяяла, діти хвилювались, вчителі заклопотано бігали з одного приміщення в інше. Святом навіть пахло у повітрі...

Цей рік не був винятком. 8 травня школа розквітла білими бантами і різнобарвними квітами. Приготування закінчилися ще вчора. Останні репетиції закінчувалися зараз, майже на ходу: хтось повторював вірші, хтось розспівувався в сусідньому класі, хтось «генерально» проганяв танок, хтось в останню мить прасував костюми. І усі з хвилюванням і нетерпінням чекали гостей.

Ветерани приходили до двадцять шостої школи на концерти і зустрічі зі школярами з превеликим задоволенням. Якась особлива тут була атмосфера: вчителям вдалося прищепити дітям велику повагу до людей, які в роки Великої Вітчизняної виборювали для них мирне небо. Їх завжди гостинно і шанобливо зустрічали. Власне, саме для них і готувалося щороку це грандіозне дійство.

Після концертів, привітань, знайомства з черговими дитячими художніми шедеврами, ветерани розійшлися по класах. Так було щороку, і ці зустрічі «у тісному колі» діти любили найбільше. Бо старенькі дідусі і бабусі, які так гордо несли свої заслужені нагороди на грудях, розповідали багато такого цікавого про далеке від них і відоме їм лише з телебачення й книжок життя, що називається війною. Як відомо, дітям цікаве все, що є для них незвичним і новим. Тож вони з великим захопленням слухали спогади і враження ветеранів, задавали купу запитань, розповідали натомість про своє, не менш цікаве і повне вражень, життя.

7-й «Б» вже сидів у повному складі в чистісінькому класі і сяяв білизнаю бантиків, сорочечок і блузочок, коли класний керівник, Тетяна Олександрівна, завела до кімнати біловолосу невеличку бабусю з орденами на елегантному жакеті. Вона трохи втомлено сіла на запропоноване вчителькою місце.

– Діти, знайомтесь, це – Варвара Тимофіївна. Вона прийшла до вас поділитись спогадами і відповісти на ваші питання. Сподіваюсь, ви зустрінете її чемно і будете добре поводитися.

Відомий на всю школу крутійко і базікало 7-го «Б» Дениско Коваленко звичайно ніяк не зміг втриматись, щоб бодай щось не бовкнути, аби усі помітили його дорогоцінну персону, і одразу ж з відвертим інтересом в голосі попросив довгождану гостю:

– Будь ласка, розкажіть нам про війну!

На деякий час у класі стало тихо. Діти чекали, що відповідь їм людина, яка бачила оту страшну далеку війну на власні очі, про що розкаже, якими враженнями поділиться. А вона просто мовчки уважно вдивлялася в дитячі обличчя, неначе намагалася щось на них прочитати. Нарешті набрала повітря в легені і, дивлячись на малого сміливця, який щойно до неї звернувся, сказала, чітко і повільно вимовляючи кожне слово:

– Навіщо? Навіщо вам, дітки, та війна?

Оте просте розмовне «дітки» вийшло якесь таке добре і турботливе, неначе то бабуся зверталась до рідного коханого онука. Діти були абсолютно приголомшені, бо такого повороту подій не чекав ніхто. Невгамовний Коваленко знову взяв ініціативу у свої руки:

– Як то, навіщо? Цікаво ж. Ми ж її не бачили, хіба що з телевізора, а Ви ж тоді жили. Ви ж про неї усе знаєте, а ми тільки так – трішечки.

– Так то ж і добре, що трішечки, а ще краще, аби зовсім нічого не знали. Нащо вам оте все? Ми так довго боролися, так багато бачили смерті, так мало знали спокою, щоб ви, мої хороші, не знали, що то є війна. Бо в ній немає нічого цікавого, повірте. Вона брудна, жорстока, кривава і нещадна. Вона випалює все на своєму шляху, вона вбиває на ваших очах найрідніших вам людей, вона відбирає у вас все найдорожче. Вона змушує людей переступати через власні принципи і зневірюватися в ідеалах. Вона зіштовхує один на один з убивцями і робить вас ними ж, бо вибору нема: або ти, або тебе. Війна приносить постійний страх, від якого ніяк не можна позбавитись, і чим старша людина, чим більше ниточок її в'яже до цього світу, тим більший і тривожніший той страх. Війна відбирає в людини віру в майбутнє, бо вона ні-

коли не знає напевне, чи житиме хоча б завтра. Війна – це не романтика і пригоди. Війна – це біль, кров, жорстокість. Це велике горе. І ми пережили все те, щоб ви, наші діти і онуки, нічого про той жах не знали. І я, мабуть, прийшла сюди не для того, аби згадати свої воєнні роки, бо цього я, на превеликий жаль, ніколи не забувала й не забуду, а для того, щоб побачити вас, веселих, мрійливих, ширих дітей миру, за який ми усі так вперто боролись і який берегли для вас. От і подумайте, чи потрібна вам ТАКА війна. Навіщо вам вона, дітки, навіщо вам війна?

Вона замовкла, і в класі стало зовсім тихо. Діти притихли, щирі у своєму великому здивуванні, і навіть Дениско не знайшовся, що сказати у відповідь на ці слова. Вони усі насправді ніколи не замислювались про війну отак, як розповіла їм оця незнайома бабуся. Відчували, що почули щойно щось дуже важливе для себе. Семикласники дивились на неї в очікуванні, що вона скаже ще щось. А вона з легкою доброю посмішкою на старечих, побитих роками зморшкуватих вустах дивилася на них, неначе на живе підтвердження того, що пройшла через усе те даремно, бо ці діти тепер запитують, що таке війна, а не бачать її навколо себе. І їй хотілося вірити, що ці русяві, біляві й чорняві шматочки людського щастя так само ревно берегтимуть той мир, за який вона принесла в жертву власну родину, власну дитину і власну любов. З маленькою непомітною сльозинкою – не знала, чи щасливою, чи гіркою – змахнула страшні спогади. Посміхаючись, тихо промовила:

– Прощайте, дітки, хай щастить. Миру вам і злагоди.

Після цих слів повільно піднялася і пішла з класу. І ще довго по тому незримо літатиме тут це відверте віковичне запитання: **НАВІЩО ВАМ ВІЙНА?**

НАТАЛЬЯ

РОТТ

родилась в Днепропетровске. В 2007 году окончила обучение в ПГАСА, получила диплом магистра с отличием по специальности «Прикладное материаловедение». Закончила аспирантуру. Осталась работать в академии, сейчас тружусь в отделе докторантуры, аспирантуры и магистратуры.

Говорят, душа человека имеет много граней... Грани моей души звучат в сердце различными нотками... А от того, с какой силой звучат эти мелодии, и зависит рождение того или иного произведения! Стихи, они, как птицы счастья, радости, любви, а порою и грусти, порхают по белым листам бумаги... А еще они приходят вместе с воспоминаниями и мечтами о будущем...

Карпаты... Солнце...
Ветер... Снег...
Лечу к обрыву чувств.
Хочу кричать...
Хочу к тебе,
Мой добрый нежный друг...
Все мысли спутали слова,
Играют чувства вальс.
Гитара где-то у костра
И снег в душе у нас...
Зачем мы были,
Что до нас,
Что будет впереди?..
Вопрос останется в слезах,
Застывших на пути.
Карпаты... Солнце...
Ветер... Снег...
Душа забыла вас...
Но в сердце будет навсегда
Гореть огонь для нас.

Гусиним пером я маляю життя...
Мрії спливають, як хмари пізнання.
Я в своїм серці кохання знайшла,
Те, що цвіло восени на світанні.
Подих зими розтопив почуття...
В кавовій димці гортаю цілунки...
В сні чарівнім я маляю життя,
Де тільки ти і мої подарунки.
В силі дощу я плекаю любов,
Ту, що тобі я дарую ночами.
Добре, що ти мене знову знайшов –
Я тебе ніжно, так ніжно кохаю...
Хочу в обіймах губити себе,
У своїх очах себе малювати...
Твій поцілунок в душі збережу.
Свій подарую назавжди, жаданий.
Я намалюю наш світ по весні,

Ти повернись на світанку зорями...
В місті, де я залишилась твоя,
Свічкою серце моє палає...

Слезы разлуки в снег превратились.
Снежинку в ладони сожми.
И поцелуем клубнично-ванильным
Сердце мое растопи.
Крепко прижмись и с неистовой силой
Крикни: «Тебя я люблю!»
И в шоколадно-медовых объятьях
Я сердце тебе подарю...

И снова вокзал, и снова прощанья.
Слезы разлук на ресницах моих.
И поцелуй сквозь пургу расстоянья
Шепчет мне тихо слова о любви!

Лишь несколько часов –
А для влюбленных вечность!
Лишь несколько минут –
А это жизнь!
Лишь несколько секунд –
И будет встреча,
Которая сердца соединит!..

Киев-Днепр, Днепр-Киев.
Мчит мой поезд на свиданье.
И в разлуке, в расставанье
Собираю свои мысли...
Вспоминаю голос нежный,
Взгляд лукавый и улыбку,
Собираю словно пазл
Я судьбы нашей открытку.
В Интернете, в SMSках,

В телефонных разговорах...
Наша жизнь сегодня стала
Почему-то электронной!

Ожидаю встречи...
И мечтаю...
Пролетают в небе облака...
И в букет весенний
Чувства собираю,
Чтоб при встрече, милый,
Одарить тебя...
Жаркими объятьями
Распахнется встреча,
Страстным поцелуем
Вечность наградив.
И за чашкой кофе
Будет долгий вечер...
Даже звезды в небе
Будут нам двоим...
И в мерцанье свечек
Огненной лампадой
Догорит разлука,
Души исцелив...
Мы при встрече будем
Лишь слегка лукавы –
Чашу опустевшую
Нежностью долив...
Даже на рассвете
Солнце, всем на зависть,
Вновь напишет вместе
Наши имена!
Будет долгожданной
Наша, милый, встреча...
Будут снова биться
В унисон сердца...

Скучаю без тебя...
Хочу в твои объятья...

И поцелуем нежным
Застыть в твоей судьбе...
Ты очень дорог мне...
И даже в расставанье
Все мысли, мой хороший,
Лишь только о тебе...

ДРУГАЯ

Я не умею лгать тебе,
Я разучилась быть лукавой.
И та, что любишь ты во мне,
В стократ прекрасней... Да, немало
Мужских разбила я сердец.
Порой была жестокой, дерзкой.
Но, повстречав тебя, мой свет,
Я стала хрупкой...

НАГРАДА

Я не устану целовать твои уста
На звездном небе...
 В отблеске заката
Я нарисую наши полюса
В созвездье Ориона.
 У раската,
В дожде, что сыплет всеобъемлющую страсть,
Я напишу судьбу
 Свечи огарком
И мириадой ласк к тебе стремясь,
Я подарю себя украдкой...
Пронзив сердца стрелою,
 Купидон
Притих на ветке, как дрянной мальчишка...
Ты будешь звать меня женой,
Мой сладкий плюшевый зайчишка?
Я ж назову тебя Судьбой,
Своей Любовью и Отрадой...
Коль сердце ты забрал мое –
Пусть поцелуй будет наградой!

Посміхнулось сонце долі
І в долоні дощовій
Запалило серце волі
Наше небо на двоїх.
Ми по райдузі гуляли,
Цілувались під луною
І в ромашках загубились
В щасті долі дощової...
Милувалися зірками,
Розпаливши почуття,
Ми в країні мрій
Плекали необізнане життя...
А над вечір сльози щастя
Полетіли над рікою.
І зірвалось з вуст кохання,
Що я зву лише тобою...
Старе місто розпалило
У душі вогонь пізнання,
І летіло над рікою
Наше лебедем кохання.

Намалюй мені ранок
У барвах осінніх,
Розмалюй почуття
У калиновий цвіт.
Зачаруй, зацілуй
І на хмарках блакитних
У ромашках даруй дивоцвіт...

Увозит поезд прочь,
Манящая дорога...
Вокзала шум,
Прощальный поцелуй...
И на губах моих
Еще совсем немного
Застынет сладость...

Кавовий ранок,
Кавовий настрій...
В кавовій димці
Спливають роки.
І в поцілунку
Кавові мрії
Ніжно шепочуть мені.
В кавових днях
І в ночах незабутніх
Кавові сни
Намалюють життя.
В кавовій річці
Гортаю цілунки...
Ти – моє щастя,
Ти – доля моя...

Жёлтый лист надежды
Прилип к окошку.
На душе спокойно,
Мурлычет кошка...
Новости в газете
Неинтересны,
А мои соседи
Сегодня пресны.
Чай с лимоном в чашке
И бутерброды...
За моим окошком
Вновь непогода...
Книга о разлуке
Стоит на полке,
А судьба-подруга
Опять замолкла...
Я возьму палитру
И жизнь раскрашу,
А потом над книгой
Чуть-чуть поплачу...
Позвонят подруги
Назначить встречу...
Я запру все двери

И не отвечу...
Я теперь другая...
Чуть-чуть жестока...
Просто надоело
Быть одинокой...

ОБРЫВКИ СНОВ

Обрывки снов...
Светило ярко солнце,
По радуге гуляла детвора.
И теплый летний дождь
Стучал по стеклам.
В душе цвела,
В душе жила весна!..

Обрывки снов...
Сквозь травы луговые
Нес ветер на руках
Свою любовь...

Обрывки снов...
Многоголосьем птицы
В саду вели неспешный разговор...

Обрывки снов...
Цветным калейдоскопом
Порхали бабочки,
В душе жила мечта...

Обрывки снов...
Моя мечта, как птица,
На звездном небе
Розой зацвела...

Сердце разбилось...
Осколки разлетелись...
Их разнес ветер...
Я не сумела их склеить...
Ты не позвал за собой...
И я понимаю, что – не любовь!

ТЫ

Ты – муза,
Мною недопитая до дна...
Ты – муза,
Что ночами вдохновляет.
Ты – муза,
Ты – моя судьба...
Ты – солнца свет,
Что снится мне ночами!
ТЫ – МОЯ МУЗА...

Осень листьями звенела,
На душе цвела весна.
Я любимой быть хотела,
Но вчера ушла сама!
Я боялась быть твоею –
Крылья счастья обломить.
Только вот скажи: зачем я
Начала тебя любить?!

ВОКЗАЛ

Вокзал...
Летят поезда в неизвестность,
Перрон провожает мечты.
Встречаются вечность,
Любовь и беспечность...
На крышах шалют воробьи.
В глазах отражается небо,
Фонарь улыбается мне,
Часы отбивают бремя,
Воздух в осенней мгле...

Вокзал...
Снова смешаны чувства,
Застыл поцелуй на устах...
Медленно тают искусство
И слезы в застывших глазах.
По шпалам шагает беспечность,
Рельсы замедлили ход...

Разлука, надежда и встреча
Вновь завели хоровод...

Вокзал...
Здесь любовь как тигрица,
Таится за серым углом.
В сердце летят вереницей
Мысли о вечном, живом...
Строки ложатся на камень
Белым стихом о любви...

Вокзал...
Здесь никто не лукавит...
Вокзал...
В нем – осколки судьбы...

Я ЛЮБЛЮ...

Весна в душе...
Цветы и птичьи трели...
Вся нежность первых трав...
И утра аромат...
Восход светил ночных на небе,
А в сердце – счастья звездопад.
Сегодня я проснулась по-другому
И по-иному я на мир смотрю.
Я стала старше?!
Нет, ну что вы!
Люблю я просто! Я ЛЮБЛЮ!
И мир у ног...
И замерли тревоги...
И городская суета молчит...
А я ступаю по лесной дороге,
А мысли плавно улетают ввысь.
Весна в душе...
Цветы и птичьи трели...
Вся нежность первых трав...
И утра аромат...
Восход светил ночных на небе,
А в сердце – счастья звездопад!

МАРИНА СКЛАДАНОВСКАЯ

родилась в Днепропетровске. За плечами у меня – два высших образования – «Прикладная математика» (ДИИТ) и «Психология и педагогика» (ДНУ) – и многие годы педагогической работы, которую я очень люблю и считаю своим призванием.

В нашей семье поэзия, музыка, литература были естественной частью нашей жизни, общения с друзьями, коллегами. Поэтому писать стихи я начала рано, печаталась в периодических изданиях. Хотя всегда считала, что это еще не поэзия, а попытки самовыражения. Домашняя библиотека была главным богатством семьи, а творчество – привычной средой, в которой я росла, училась, дружила, любила, а затем рос мой сын.

Сейчас я – доцент кафедры философии и политологии ПГАСА. Сфера моих научных интересов – психология творчества и экологическая психология. Это сочетание не случайно. Источник вдохновения для большинства поэтов, музыкантов, ученых – природа, ждущая нашей заботы и помощи. А еще – встречи с интересными людьми. Всю жизнь везло на хороших людей: умные, добрые и талантливые часто встречались мне на жизненном пути. Спасибо судьбе за это!

А ты зажги свечу и жди,
Жди человека или чуда...
Пусть говорят – каприз, причуда,
Пусть тьма и холод впереди.

А ты раздвинешь эту тьму
Тем слабым лучиком надежды,
Что будет все светлей, чем прежде,
Что, наконец, тебя поймут.

Что нужен он кому-то, где-то –
Тот малый свет во тьме ночной,
Тому, кто не обрел покой,
Устал в пути и ждет рассвета...

Что доброта опять в цене
И правит миром – вот уж чудо!
И что Любовь везде, повсюду,
В тебе и в нем, в ней и во мне.

Чем тьму ругать – зажги свечу.
Сквозь эти шорохи и звуки
Я протяну навстречу руки,
Я звездный свет достать хочу...

Пусть сомневаются невежды,
А ты опять, опять, как прежде,
Свечу зажги, зажги и жди –
Увидишь, что там впереди.

Дни в суете летят неумолимо,
Но я остановлю мгновение рукой,
Чтоб вспомнить все, что прожито и мимо
Промчалось нас, приятель дорогой.
Все лучшее возьму из канувшего в Лету
И погружу в свой будущий багаж:
Мечты, успех, надежды и обеты
(Ох, как распух от них мой саквояж).
Нам многое обещано, и сами
Мы обещали многое не раз.

И под распахнутыми к звездам небесами
Мы просим, чтобы свет наш не угас.
Чтоб обошли нас стороною лихолетья,
Чтобы любили мы, любили нас,
И чтобы новый год тысячелетья
Нас одарил дарами в этот час.
Чтоб красоту мы видели и знали,
Что и она – творенье наших рук,
Что ничего в этом подлунном мире
Нам не дается без труда, без мук.
Коллеги по труду и вдохновенью!
Прекрасны вы, ваш благороден труд.
Быть Педагогом – Божие веленье,
Так пусть же нас и дальше так зовут.

Повисли над реями звезды,
Вода тихо плещет у ног.
И кажется – есть только вечер,
И нет ни забот, ни тревог.
А есть только тихие волны
И ласковый ветер ночной,
И кажется, что Афродита
Явилась из пены морской.
Темным по синему тени
И бакенов теплых свечение,
И тихо к причалу прижалось
Твое дорогое творение...
Но радостно вдруг и дрожаще
Затрепетал на ветру
Чей-то неубранный парус.
С первым лучом поутру
Откуда-то морем запахло,
И снова куда-то зовет,
И вновь Агасфер заклеянный
Свой крест непосильный несет...
И снова ты молод и весел,
И снова ты бодр и любим.
О Господи, Jesus Maria,
Не ведаем, что мы творим.

А за окном – снега косые,
Мои холодные края,
Равнины белые, пустые –
Россия, родина моя.

Раздольные, как наши песни,
Синеют в сумерках поля.
Лесов твоих в уборе снежном
Прекрасней нет, моя земля!

Что ни скажи – как будто мало,
Простор раскроешь ты большой.
Богатырей всегда рождала
Ты с сильной, доброю душой.

Из древности к Яриле-Солнцу
Тянулись руки и сердца.
Не оттого ль мы светлокосы,
С душою настезь до конца?

Не от ручья ли озорного,
От ясных вод голубизны
Глаза, как синие озера,
Что небом до краев полны?

Пусть где-то ярче, где-то жарче...
Судить я строго не берусь.
Чисты славянские истоки,
И изначально наша Русь.

Для Водолеев музыка, искусство –
Приятная привычная среда.
Огонь души и обостренность чувства,
И молодость на долгие года.
Вас любят дети вовсе не случайно
За теплоту, терпенье и талант,
За доброту и ум необычайные,
Учитель наш, маэстро, музыкант.
Вы нам открыли, как рождается искусство:
Как сплав любви, таланта и труда.

Мы любим вас – поймите наше чувство
И оставайтесь с нами навсегда.

Мерцает теплым светом уголек,
И угасают искры, догорая.
А мы сидим тихонько и поем,
Все горячимся, спорим и мечтаем...
Мы можем разругаться в пух и прах
И целый день не замечать друг друга,
Но лишь в разлуке понимаем мы,
Как друг без друга нам бывает туго.
И что нам все же крупно повезло,
Что есть с кем петь, смеяться, спорить, дуться,
И что в любую вьюгу за окном
Сердца друзей с тобою рядом бьются.

Я не знаю, какой у тебя юбилей,
Откровенно тебе говорю.
Как и много нормальных и честных людей,
В паспорта никогда не смотрю.
Молодая, красивая, умная –
Ты всегда в окруженье друзей,
Потому что душа твоя юная,
Потому что с тобою теплой.
Ты была с нами в будни и в праздники,
В дни тяжелые рядом была.
И опять стучу в стенку, как в Палдиски,
Чтобы ты тут же в гости пришла.
Но приходят другие. Не верится
В то, что ты далеко-далеко.
Как хочу я опять с тобой встретиться,
Но теперь это, ох, нелегко!
Между нами – кордоны, таможни,
Визы, вызовы – замкнутый круг.
Но желанное все же возможно –
Я услышу тебя, милый друг.
Я прорвусь сквозь гудки и помехи.
И, хотя до тебя не дойти,

Наши встречи и дружба, как вехи,
На моем бесконечном пути.

СЫНУ

Морозной зимней ночью
Явился ты на свет,
Чтоб посмотреть воочью:
Он стоит или нет?
Ты многое увидеть
Успел и полюбить,
Чтобы решить, что стоит
Любить, бороться, жить.
Творить добро и счастье,
Любимых защищать,
Гармонию слышать
И тайны познавать,
И красоту увидеть,
И сотворить ее.
Мой звездный Водолейчик,
Ты – счастье мое.

Нам на пороге, как всегда, тревожно.
Под звук салютов в сей полночный час
К нам новый век заходит осторожно,
Как будто не совсем уверен в нас:
Достаточно ли мы умны, чтоб его встретить?
И в самом деле, вправду ли мудры,
Чтоб все понять, на многое ответить?
И главное – мы вправду ли добры?

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН, ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН... КАК МНОГО ДУМ НАВОДИТ ОН...

День выдался облачный. Солнце, как будто нехотя, вставало из-за горизонта, по-утреннему сонное и по-зимнему неяркое. А людской ручеек уже устремился заснеженными дорожками сквера к храму. Будто покрытый изморозью и серебряной вязью, стоял у входа в Спасо-Преображенский собор Колокол. Даже рука не поднимается на-

звать его колоколом с маленькой буквы: настолько он величествен, огромен, несет на себе отпечаток мастерства художника и Божьей благодати. Этот изумительный по красоте шеститонный колокол отлили мастера из Воронежа. Торжественную службу возглавил сам митрополит Владимир – глава Украинской православной церкви. В золотистом облачении священство выходит во двор храма, где колокол с помощью мощного крана приподнимается над землей...

И вот раздается первый звук: сначала глуховатый, утробный, он все глубже проникает в сознание людей и все шире и шире расходится волнами в пространстве. Как будто лучшие басы церковного хора разом взяли аккорд невысказанной красоты. Как будто поток животворящей воды омывает всех присутствующих, даруя им веру, надежду и силу...

Колокольный звон собирал наших предков на Вече в дни тревог и серьезных испытаний. Колокольным звоном славяне испокон веков спасались от эпидемии: когда звонницы всех церквей и монастырей звонили непрерывно во все колокола, отступали страшные болезни. А современные ученые уже объяснили этот факт с научной точки зрения: колокольный звон структурирует пространство, особым образом оказывая благотворное влияние на человека на энергетическом уровне.

...И вдруг выглянуло из-за туч солнце, словно не могло пропустить этот важный момент. Скользнуло лучом по серебряному боку Колокола, по радостным лицам людей и заискрилось в снежном инее, в изморози... Теперь и в нашем Преображенском соборе есть полный ансамбль колоколов. Приходите, послушайте!

СКАЗКА

Жила-была на свете Звезда – голубая, красивая, юная. И был у Звезды Спутник. Он уже давно вокруг нее вращался, восхищался ею, говорил приятные слова – и Звезда вспыхивала от удовольствия...

А на Земле астрономы гадали: что за вспышка? А влюбленные говорили: «Какая яркая, красивая звезда!»

И вот однажды из далекой галактики прилетел Метеор – яркий, красивый, раскаленный до безумия. Он еще только приближался, а все уже говорили только о нем, ждали его с нетерпением. Он был необычен и увлекателен. Он многих увлек за собой. И наша Звезда не удержалась на привычной орбите и ... сорвалась. О, это был чудесный звездопад! На Земле влюбленные напевали: «Смотри, какое небо звездное, смотри – звезда летит, летит звезда!» А астрономы ничуть не удивились: ведь был август – месяц падающих звезд.

И только одинокий Спутник упавшей Звезды не представлял себе жизни без нее. Он просто не мог без нее существовать и сгорал от любви. И он решился. И... полетел вслед за ней, в безвозвратную бесконечность. Но на земле никто этого не заметил. Ведь спутник не светился сам, а лишь отражал любимый свет...

І ось, нарешті, випав сніг... Він падав тихо, майже нечутно, вкриваючи легесеньким білосніжним покривалом все сміття, весь той мотлох, який люди залишили на своїй Землі... Наче у них є ще одна – чиста. Місяць гуляв, як парубок, між зірками, які сяяли і тремтіли від чекання чогось незвичайного. Мерехтливе сяйво заповнило всю ніч: виблискували кришталеві льодовики, чорні тіні дерев на білому наметі таємниче ворухнулися, наче пройшов хтось невидимий, зачепив гілку, з якої посипалися міради сніжинок.

Все затихло, наче приготувалося до важливої таємничої події. Це зараз «відкриваються небеса», і всі твої бажання, прохання почує Він.

Я піднімаю очі догори і прошу: принеси мені омріяне, бажане, дай нам розум, щоб збагнути, як треба діяти. Дай сили винести все, що Ти посилаєш, дай щастя любити своїх найрідніших, найкращих, найближчих. Дай їм долю і довге щасливе життя...

ОЛЕГ ЧАЛЫЙ

родился в Днепропетровске. В 1959 году окончил Днепропетровский металлургический институт. С 1982 года работаю в ДИСИ, теперь – в ПГАСА, на кафедре планирования и организации производства на должности доцента, кандидат экономических наук. По совместительству тружусь в Межрегиональной академии управления персоналом на должности профессора.

Стихи, дневники, публицистику, психологические зарисовки пишу, начиная со средней школы. Всю жизнь пытаюсь постичь ее смысл. Что является главным в жизни? Этот вопрос волнует многих. Отвечают на него по-разному. «Благороден будь человек, милосерден и добр», – таким хотел видеть человека Л. Бетховен. Возвышенные чувства – вот лучшее, что может быть в человеке, в его жизни. Нежность и мягкость в отношении к женщине. Никакая страсть не может принести такой радости, как нежность.

Сила мужского духа нужна для того, чтобы женщина могла найти в ней надежную опору. Нежность, к сожалению, чаще свойственна лишь непорочной юности. Что может быть прекраснее глаз, обращенных с нежностью к любимому человеку? А готовность поступиться собой ради интересов друга, близкого человека? Это прекрасно. Но как часто вместо этого мы сталкиваемся с закоренелым эгоизмом.

Для чего человек появляется на свет? Не для того, чтобы за несколько часов или дней перед смертью остро ощутить, что жизнь его

была прожита напрасно, иллюзии разрушены, мечты не сбылись, а наследников тех добрых дел, начатых за время жизни, нет. И вот одиночество в жизни сменяется одиночеством перед смертью, когда человек выходит один на один с бездной, с мраком небытия.

Куда девалась радость пробуждения, радость открытия чего-то нового, радость поиска и обладания. Жизнь прошла, а главное осталось не разгаданным – для чего была дана нам эта жизнь: любить, страдать, искать и не находить или еще для чего-то, что понять так и не удалось. Мучительные поиски и размышления приводят к убедительному выводу, что искать смысл жизни – занятие совершенно бессмысленное. Есть в жизни только одна радость – движение к достижению цели, маленькой или большой, существенной или незначительной. И если таких целей нет, значит, жизнь кончена.

Жизнь – это борьба или сотрудничество характеров. От этого зависит многое в личной или общественной деятельности человека. Где и когда формируется характер? Везде и всегда. Сразу после рождения – в семье, позже – во дворе. Запас доброты и человечности можно получить от родителей, бабушек, дедушек, от друзей. Сейчас так складывается жизнь людей, что они разобщены, а, следовательно, и противопоставлены друг другу.

Пришел к выводу, что только добрые и справедливые дела придают смысл нашему бытию.

Я, кажется, достиг, чего хотел,
В шкафу лежит дипломов куча.
Так почему печален мой удел,
В душе – тоска и боль, сомнений – туча.

Тоска по жизни той, которой нет;
По людям добрым, сильным и открытым,
По той любви, что излучает свет,
По чести, почти всеми позабытой.

Приходит время, жизнь нам предъявляет счет:
За все «не так», за все «наоборот»,
Зря годы прожитые, вновь не проживешь,
По старой улице, как прежде, не пройдешь.

Ведь жили люди в тюрьмах, лагерях.
И шли вперед, преодолевая страх,
Чего же стоит наша жизнь, свобода –
Ведь от неё должна быть польза для народа!

У каждого есть в жизни свой предел:
Предел порядочности, храбрости, добра.
Ты жил, свершил немало всяких дел
И чашу должен всю испить до дна.

В той чаше есть и счастье, и любовь,
Отчаянья и боли след кровавый,
Есть радость, чтобы грела в жилах кровь,
Есть горечи тяжёлой привкус ржавый.

Чего ты хочешь в жизни, человек?
Красивым быть, желанным, благородным?
Или менять течение старых рек?
Иль следовать установлениям природным?

День морозный, чистый, белый,
Воздух прозрачный, голубой,
Под ногами снег обледенелый:
А я иду по улице с тобой.
Я думаю, что в жизни нет предела –
Предела мысли, чувства, красоты,
Вновь что-то за сердце меня задело,
Для счастья нужно бы немного доброты.

Предел у всех один:
У слабых, сильных, добрых,
У подлых, низких и пустых...
А как прожить и что творить –
Себе здесь каждый господин.

Всегда я жду прихода
Весны, зимы и лета.
Что будет за погода –
Всегда я жду ответа.

И снова я иду по улице знакомой,
И детства образы встают передо мной,
О, сколько долгих лет я не был дома,
И бездна вечности стояла за спиной.
Когда ж приду я к милому пределу,
Когда достигну призрачной мечты,
Когда почувствую в руках живое дело,
Когда навек со мною будешь ты?
О, эти юности прекрасные дерзання,
О, эти детства сладкие мечты,
Как это трудно – вечно жить в изгнание
Из мира сказки, счастья, красоты.

И вот пятидесятая весна.
За это время столько бурь промчалось,
Как много раз светила мне луна,
Лукаво и влюбленно улыбалась.
Я жизнь любил, сейчас люблю вдвойне
За все: за горе, счастье и потери;
За зло, людьми содеянное мне,
И за добро, что люди дать мне захотели.

Пронеслись те чистые прекрасные года,
И робко светит путеводная звезда,
Те времена я вспоминаю иногда,
Но время нас несет в забвенье, в никуда.

Я помню детства день хрустальный:
Светило солнце, снег белел.
Чего ж сегодня я печальный?
Чего мне белый свет не мил?

Смотрело небо бездной звезд бездонных.
Душа рвалась к тебе сквозь время и пространство.
Светилась вечность через переплет оконный:
Я ждал, когда придешь из дальних странствий.

Свинцово-черные тучи
Тоскливо встречают меня;
Подумал: ведь я невезучий,
Не будет со мной она.
Но вот между тучек коварных
Весеннее солнце блестит,
И с блеском в глазах лучезарных
Со мною она говорит.

Розквітла квітка у саду:
Де ж ти, моя кохана?
Я все життя до тебе йду.
Де ж ти, моя бажана?
То радість й смуток водночас
Бентежать мою душу,
Я так давно кохаю Вас –
Обожнювати мушу.

Я смеюсь над собой?
Ничего мне не жаль,
А на сердце – глубокая рана,
На душе – тишина и печаль:
Все здесь кончается...
Я жил беспечно, –
Мне так вспоминается.

В тумане пришел високосный год,
Что он хорошего нам принесет?
Обиды, страсти и ненастье
Иль, может быть, немного счастья?

Мне нужно что-то важное сказать,
Пред кем-то незнакомым раскрываться,
Хочу теперь под занавес узнать,
Зачем мне было в мире появляться?
Куда ушли те сотни долгих лет,
Предшествующих моему рождению,
И почему судьба сказала: нет,
На поиски ответа и сомненья?
Что делать: быстротечен жизни бег,
И времени осталось очень мало,
Спеши же сделать что-то, человек,
Чтоб хоть одна душа тебя не забывала.

Где вы, где вы, годы молодые?
Где былая удаль, где былая стать?
Разве только в эти годы молодые
Можно счастье, радость и любовь узнать?
Я хочу, чтоб солнце вновь в окне светилося,
Чтобы пели птицы и цвели цветы!
Я хочу, чтоб сердце снова сильно билось,
Чтобы сбылись детства сладкие мечты.

Искать, дерзать, находить и терять,
Но только главного в жизни не упускать,
Цель в жизни поставить, к ней твердо идти –
На все вопросы ответы найти.
В поиске счастья, в движении – жизнь!
На чем-то пустячном не остановись!
И здоровье, и деньги человеку нужны,
Но только души не заменят они.

За что же Господь Бог мне дал тебя?
За муки, за страданья, за грехи?
В тоске рождается любовь моя,
И на бумагу просятся стихи.

Моя любовь – не старости каприз,
И не слепое поклоненье культу тела,
Не груз она, меня влекущий вниз,
А плод мечты, манящей то и дело.

Твоя любовь не дружит с уваженьем
И не спешит ко мне с открытою душой,
Скорее в ней ко мне пренебреженье,
Но прочно и всегда она владеет мной.

Что ж, твоей власти отдаюсь я добровольно,
Хочу, чтобы счастливой ты была,
А если невзначай и сделаешь мне больно –
То значит: ты иначе не могла.

Я думал, что ты святая.
Трудно поверить, что это не так.
Я счастлив был, безумно мечтая
О той, которую не найду никак.
Казалось, до счастья рукой дотянуться,
Но вот рассеялся иллюзии дым,
Стоило вокруг себя оглянуться:
Все оказалось чужим и пустым...

Думал долго я, что люблю тебя.
В час тогда любой жил одной тобой.
Жил одной мечтой, что увижусь с той,
Для которой был и красив и мил.
Но могла ль меня ты понять, любить,
Если так легко все смогла забыть?
Сердце жаждет любви, а её уже нет:
Не поют соловьи, омрачается свет.
Тускло все вокруг, тяжело душе...
И замкнулся круг – я хочу к тебе.

Синей птицей над городом
Вечер тихо спускается,
Тоской одиночества
Сердце моё сжимается.
И пути не видно иного,
А где-то рядом жизнь
Бурлит рекою горною.
Кто-то ненавидит кого-то
Или любит любовью гордою
И не может понять чего-то.
Черной тучей ночь
На землю нашу ложится
И напоминает тебе о былом –
О том, что не повторится,
Чего возможно и не было.

Тебе нравится, что ты её любишь,
Что жизнь без неё оборвется, угаснет.
Она уйдет, а ты не забудешь
Глаз её чистых, глаз её ясных.

Но оказалось, что все, что было –
Всего лишь игра, что зовется любовью.
Что с вами не первыми это случилось
И на земле не является новью.

Зачем красота так обманчива, лжива?
Зачем на земле нет гармонии счастья?
Зачем не прекрасно все то, что красиво?
Зачем своё сердце мы делим на части?

ЮВІЛЯРА ВІТАЄМО!

Прожив ти багато бурхливих років,
Великих скарбів не нажив,
Але збереглась в тобі цінність одна:
Це добра, гуманна і щира душа!

Живи ти ще довго,
І щасливим будь,
Здоровим й потужним –
Як той міцний дуб!

Хай весело й легко
Минають роки,
І завжди з тобою
Будуть рідні твої!

ВІДЧУТТЯ ЮВІЛЯРА

Пройшов помпезно ювілей,
Досягнута мета, подолані бар'єри...
А душу мало вразив цей слей,
Хоч це – й початок нової ери.

Були проголошені теплі слова,
І промови почуті цікаві.
Та від цього не крутиться голова –
Не надаю уваги марній славі.

Чому ж так серце мліє і болить?
Чом невеселі думки мною володіють?
Тому, що не повернеться ця неповторна мить!
Та діти теплом душу зігріють.

НОВОРІЧНИЙ ГОСТ

Хай Новий рік приносить сподівання
На нову радість, на життя щасливе!
Хай не приносить нам в житті розчарування, –
Воно так складне й мінливе.

То радість перемог, то біль поразок.
Так подолаймо всі в житті загрози,
Хай світить нам зоря удачі й щастя
І збудуться усі наші бажання!

Вип'ємо за любов, за волю,
За щасливу долю!
І хай буде щасливим увесь наш народ!

Життя – це мить страждань і сподівань.
Це – час тяжкої праці й вічної любові.
Це – жорсткий вітер, що шматує душу.
Це – сонця промінь, що її рятує.
Це – вірна жінка, чоловік надійний,
Що поряд в злагоді ідуть життям.
І це кохання – тимчасова примха,
Яке примарно вабить і бентежить.
Це вічне і складне питання:
Для чого ми в цей світ з'явилися?
І пошук сенсу нашого життя...
Так поцінуємо цю неповторну мить!
І я за неї келих піднімаю,
І п'ю до дна і гірке, і солодке:
За дружбу, за любов і за весну кохання,
За всіх людей і за їх добрі справи!

ВЛАДИМИР ШАБАТЬКО

родился в Днепропетровске. До поступления в ДИСИ в 1967 году, в возрасте 18-ти лет окончил Днепропетровский автодорожный техникум и 3 года (1963–1966) служил: за рулем автомобилей, в «кирзачах», с автоматом Калашникова, в автомобильных подразделениях при ракетных войсках, сначала в снегах тайги под Тюменью, потом – в тюльпановых степях Казахстана.

Институт, вечернее отделение, по специальности инженер-электромеханик окончил в 1973 году. На получение второй специальности повлияло юношеское увлечение радиотехникой, автоматизацией и электроникой. ВУЗ, который, как и техникум, закончил с отличием, укрепил представление, что только постоянное образование и самообразование позволят стать настоящим инженером, ежедневно решающим технические вопросы на высоком профессиональном уровне.

Больше всего запомнилось то, что после трудового дня, четыре раза в неделю, нужно было добираться в институт двумя трамваями «туда» и так же «обратно». Но вечерники находили силы: с 19.05 до 23.00 учились. Хотя из поступивших 31-го человека к защите дипломного проекта в группе «дотянули» только 10. Было действительно очень трудно.

Подготовка к защите дипломного проекта, по совету преподавателей, включала запись выступления перед комиссией на магнитофон. Когда сам себя прослушал, то был неприятно поражен. Пришлось до-

учиваться самостоятельно: внятно, громко говорить, уточнять терминологию, сокращать предложения, делать паузы. Защита прошла на «отлично».

После выпуска, по полученной в ДИСИ специальности, работал с 1982 по 1992 год в должности главного механика с функциями энергетика на одной из крупнейших баз Госснаба Украины – «Днепро-электромашснабсбыт». Обеспечивал работоспособность 16-ти элетро- и 6-ти автопогрузчиков, 4-х железнодорожных КДЭ и 2-х козловых кранов, маневрового тепловоза ТГК2. За время работы подал 23 рационализаторских предложения с общим экономическим эффектом 15470 рублей СССР (это в гривневом эквиваленте около 300 тыс.), получал денежные премии, грамоты. Постановлением по Госснабу УССР Президиумом Республиканского комитета профсоюзов и президиумом Республиканского совета Всесоюзного Общества Изобретателей и Рационализаторов присвоено звание «Лучший рационализатор Госснаба УССР» (1990).

С 1998 по 2002 год работал главным энергетиком на Днепропетровской бумажной фабрике, как принято сейчас говорить, – «у хозяина». Со всеми плюсами и минусами в этой форме собственности для специалистов по найму.

С октября 2007 года работаю на кафедре эксплуатации и ремонта машин ПГАСА, два года – заведующим лабораторией, в настоящее время – учебным мастером. Студентам, бакалаврам и магистрам желаю принять на вооружение девиз моих учителей: «треба перти плуга», то есть, работать ежедневно по 12–14 часов. Тогда и только тогда придет успех.

Увлекаюсь автоделом, собирательством (афоризмы, филумения, травы), рыбалкой, игрой на гитаре, фотографией. Но самым «долгоиграющим» моим увлечением является сочинение стихотворений. Вот несколько из них.

ЮБИЛЕЙ ПГАСА (ДИСИ) – 80!
(от выпускников 1973 года)

Что в нашей жизни нам всего дороже?!
Что хочется надолго, навсегда?!
За что полезешь вон из кожи?!
На что не жаль потратить и года?!

Конечно, ДИСИ – сказка, «альма-матер»,
Твои «знай!», «успевай!», учителя!
Вечерники – двужильные ребята:
Шесть лет, ни-ни, и пары прогулять.

Потом мы – инженеры, знания в дело,
Даешь скорей: «Америку догнать!»
Вина не в нас, что все перегорело,
И надолго пришлось уже отстать.

Сегодня юные спешат студенты, –
Глобализация: «Даешь прогресс!»
Магистры, не теряйте «ленты»,
Все модули – то лучший перевес!

Совет примите, будущее наше,
По жизни много видевшего друга:
Дела все ваши станут краше,
Когда не прекратите «пэ́рты плуга!»

Суть юбилея – мощь и дух традиций,
Ведь ДИСИ – мировой теперь атлет;
И, радостью подсвеченные лица,
Вперед! У ПГАСА будет и сто лет!

Опять собрались вместе ветераны,
Но как же мало Вас уже сейчас!
Уводят годы, бедность, боль и раны
Тех, кто недавно мир от смерти спас.

Сидишь, солдат, в потрепанном костюме,
(В семидесятых, помнишь, покупал?),
И, отрешась от суеты и шума,
Ты думаешь о том, как воевал.

За Родину, за Сталина, за хату,
За сад, что у заросшего пруда,
За то, чтобы немецкого солдата
Нога здесь не ступала никогда.

В семнадцать лет попал на эту бойню,
В смертельный час для всей страны...
Да, были на Земле другие войны,
Кровавей этой не было войны.

Ты до Берлина дошагал парнишкой,
Был трижды ранен – в руку, в ногу, в грудь.
Теперь сидишь ты, старый и с одышкой,
Но и сейчас не можешь отдохнуть.

В сегодняшних призывах власть имущих
Меняется и верх, и пьедестал, –
Прервалась историческая сущность:
Эсэсовец ... уже героем стал.

Нелепо, больно, непонятно, грустно;
Что ждет тебя, обиженный солдат?
Ты только пальцы сильно сжал, до хруста,
Ведь раны старые сильнее болят.

Как можно грязь смешать с живой водой?
Защитником ничтожество назвать?

.....
Держись, солдат, мы рядом, мы с тобою,
Еще придется нам повоевать!

Опять собрались вместе ветераны...

*Я не пишу вірші, я їх складаю...
Опанас Рудь*

Я не пишу стихи, я их слагаю
Из звона в голове, из трепета души,
Из замыслов того, кто мной, шутя, играет,
Из блеска звезд и тишины глуши.

Читающие разное о них глаголят:
То – «в общем: класс», то – «голубая муть».

Конечно, им не до моих смертей и болей,
Да и не в том, что скажут, суть.

Есть вечный Бог, вселенная и ... рифма,
Есть я и дочь, сынок и кроха-внук.
Все это в радости и трепете постиг я,
Оно важней оценок и заслуг.

ТЫ КТО-ТО СВЕРХ

к Н. М. П.

Мелькнула четверть века без тебя,
Без логики холодного мышленья;
Но вот опять огнем клубят
Тобой рожденные веленья.
Опять дурман – и думать, и мечтать
О том, что было и как было...

И кем могли б мы ныне стать,
И почему Ты, вдруг, остыла.
К тебе влекут сияющие грани
Разящей правды, простоты,
И величавость обаянья,
И дар душевной чистоты.

Ты кто-то сверх...
Ты вне...
Ты не добро, не зло, –
Какая-то ты неземная.
И хочется кричать: «Зело!»,
Интуитивно древность понимая.

Я – более игра, чем страсть,
Но в мощь твою ввергаясь,
Себя в твою пускаю власть,
На милость рока полагаясь!

МОЯ КОЛЬОРОВІСТЬ

до Тетяни П***

Я віршую українською мовою,
Бо російською тебе не «дістав».
Хоч і рими мої кольорові,
Та під небом без крил я літав.

Чом ти, жіночко, ласки не хочеш?
І мовчиш, як отой партизан?
В тебе очі уже не дівочі,
Та не дуже надійний паркан.

Я ж тебе розумію, лебідонько,
Почуття і себе віддаю.
Загадай же мене, світе-сусідонько,
Не губи кольоровість мою...

ПЯТЬДЕСЯТ, ВЫ МОИ ПЯТЬДЕСЯТ!

Отшумел сединой в невозврат
Жизни сладкой, до жути, дурман.
Пятьдесят, Вы мои пятьдесят!
Знаю: это ничуть не обман.

Все в вас было: и радость, и боль,
И шальная кипящая страсть.
Было: шел, как козырный король,
И тянул очень нужную масть.

Трое деток папаней зовут,
Без конца «золотить» норовят.
Тем творя свой бесхитростный суд
И в мои пятьдесят. Пятьдесят!

А жена, как большой океан:
То прилив, то обвальный отлив,
То без водки бываю я пьян,
То, как бомж, одинок-несчастлив.

Подгоняют в Европу друзья,
Украине того же хотят,
Но порядком беднее стал я,
И купоны в карман «не летят».

Пятьдесят, Вы мои пятьдесят!
И полвека планете Земля,
Ничего не вернется назад.
Нет, седой, это – точно не я.

Пятьдесят, Вы мои пятьдесят!
Ни покоя, ни воли все нет.

Только детям по-прежнему рад,
В споре с вечностью жуткой, в ответ.

Октябрь желтый, октябрь красный
Вздыхает пылью, стучит дождем,
Вползает в сердце жгучей страстью,
И горечь мысли будит в нем.

Мелькнули дни, ушло свиданье,
Оделась в осень где-то ты,
Другому даришь пониманье
И с ним бежишь от пустоты.

А я один... Смешно березам,
Они жестоки без тебя.
И мне смешно, смешно сквозь слезы,
Сквозь удаль гордую ребят.

Я в пустоте и нет спасенья:
Мой парус горечью упруг;
Без содроганья, без волненья
Несет меня он, верный друг.

*Тоска в зените, оттуда я родом, – взгляните!
Сальвадор Дали*

ПОДРАЖАНИЕ ДАЛИ

Мой дух в чужой переогромлен, –
Случилось что-то в небесах;
Но я держусь, еще не сломлен,
Жду измененья на часах.

На три кругленная монада
Вдруг улыбнулась мне извне.
«Постой, – молю ее, – не надо,
В квадратной – смысла нет – луне».

Прозрачно стонущий асфальт
Мне засмеялся теплым снегом.
Я не искал совсем Грааль,
И не влюблялся в печенегу.

Но мокрый заскрипел огонь
И мягкой молнией забился,
И в семицветие агоний
Мой дух – монадный – возвратился.

Все кончилось, я, как и был,
Жизнь вышла на константу.
Лежат по кладбищам гробы,
И я у них гарантом.

ИЛЛЮЗИИ МОЕЙ ПОЭЗИИ

(насмешка над собой)

Ларошфуко, Шекспир –
Сиянье среди гигантов.
Константен с вами мир
В иллюзиях таланта.

И благодать, и зло,
Познание с восторгом.
Пусть даже... ремесло
Без барышей и оргий.

И в мыслях ни на что
Вы были «необменны»:
Без вас мой мир – ничто,
А с вами – он бесценен.

БАЛХАШ

Безразлично ленивый
Распластался Балхаш, –
Искушенным на диво,
Белотелым на пляж.

Замираю в восторге
И сочусь сквозь окно.
Душу вроде б исторгнул,
А ему все равно!

Ишь ты – какая чашица,
Вся в голубых отливах.
Поезд притихший тащится
Возле нее стыдливо.

Он, отстучав, разрушится,
Я к праотцам уйду.
Чаша-Балхаш не сушится,
Будет у всех на виду.

Будет в своей первозданности
Тайны веков хранить.
Нашим цивилильным странностям
Миг только возле жить.

СЕРОГЛАЗЫЙ ИДОЛ

Так приди, приди же,
Сероглазый идол,
Разве я обижу?
Ты – моя обида.
Дай мне, дай же впиться
В дорогие губы,
Я хочу забыться
С той, что дерзко любит.
Обнажи вновь тайну,
Наготой прикройся,
Пусть и злит случайность –
Ты ее не бойся.
Ты же знаешь! Знаешь!
Как я жду. И брежу!
Душу мне терзаешь
Жуткой женской нежью.
Ты – лишь ты – мне даришь
Жизнь и омут жажды.
Ты – лишь ты – взрываешь
Поцелуем каждым.
Я хочу увидеть
Все твое поближе.
Так приди, приди же,
Сероглазый идол!

К В***

Ты идешь по городу –
Модная, красивая...
Вспомнилась мне молодость,
Хоть и кудри «сивые».

Был в твоих объятиях –
Жизни смысл узнал,
Бесконечность знания
И исток начал,
И сиянье звездное
В блеске золотом...
Ничего подобного
Не было потом.
И сейчас
Чарует сласть
Сумасбродных чувств,
Но твоя осталась власть,
Хоть другой лечусь.

Ты – искринка Божия,
Будущего суть,
Чудо невозможное,
К озаренью путь.
Каждый день ты – вот она,
И я – твой слуга.
Из сравнений соткана
Жизни недолга.

Что же делать с опытом,
Данным мне тобой?
Без тебя все хлопоты
Кажутся виной!
Жаль: не ждать мне лучшего
У судьбы своей.
Так и буду мучаться
До исхода дней.

Ты идешь по городу –
Модная, красивая...
Мне немножко холодно...
Но ведь ты счастливая?!
Или?

Я жду чего-то
Вот уж много лет,

И так живу
В предвосхищенье чуда.
Но нет его,
Все нет и нет,
А, может,
Вовсе и не будет.

Долгожданному Редактору

СЧАСТЛИВ ДО УШЕЙ!!!

(шутка)

Vivat, академическая дама,
Я Вас боюсь и не боюсь;
Но сложных чувств раскрученная драма
Меня ввергает в радостную грусть.

Подвластна Вам вся алгебра поэзий,
Запростяка Вам и добро, и зло,
Чихвостите Вы рифмы через лезвия,
Мне, как пииту, очень повезло.

Но как же быть без «дивергенции» резона
Моих крестьянских, от земли корней,
Без «спина» и без «странности» мезона,
И втулок алюминиевых поршней?

Да! Можно не писать и не марать бумагу,
На горло своей песне наступив,
Но как сдержать бушующую брагу,
Зачем безглавить креатив?!

Блок познакомил нас с Прекрасной Дамой,
Зарифмовав «веницьянские прохлады»...
Созвучны им и на «японьях» амы*,
И соловьев соль-ре-диезные рулады.

Я не могу сдержать диктанты неба
Моей неотрифмованной душе,
И пусть похоже это на плацебо,
Но я ведь счастлив до ушей!!!

* Амы – профессиональные ныряльщицы за жемчугом в Японии.

*ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ПРОЗА*

МЕМОУАРЫ

СЕРГЕЙ ПОДОЛИННЫЙ

родился в Днепропетровске. С 1968 по 1972 год учился на архитектурном отделении Днепропетровского монтажного техникума. В 1973–1975 годах служил в рядах Советской Армии. С 1976 по 1981 год учился на архитектурном факультете ДИСИ, где после окончания работал в научно-исследовательской части. 1982–1987 годы – ассистент, с 2001 года – старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования ПГАСА. 1987–1991 – аспирантура МАрХИ по кафедре «Реконструкция и реставрация в архитектуре».

Основная жизненная стезя – архитектура, наука, педагогика. Журналистика и литературные студии служат, прежде всего, расширению числа каналов познания мира. Это то, что в конечном итоге призвано помочь лучше и эффективнее решать задачи основного дела жизни.

Первая публикация в городской газете «Днепровская правда» – 1986-й, в журнале «Архитектура России» – 1990-й год. Всего в местных и республиканских СМИ опубликовано около ста пятидесяти материалов по различным темам.

КРИСТАЛЛ

(Олег Борисович Петров и его время)

Эпоха великих событий и свершений породила, под стать себе, людей-атлантов. Это было время Петровых. Поколение архитекторов-победителей строили дворцы для народа-победителя. Страна, которая раздавила гидру нацизма, создавала архитектуру как памятник Великой Победы. И пусть не всегда эти чудо-здания доставались тем, кто это заслужил по праву, но каменную летопись эпохального события Петрову и его соратникам создать удалось. Как и удалось вырастить себе достойную смену. Архитектурный салют подвигу народа в нашем городе состоялся!

ИНТУИЦИЯ САПЕРА

Ранней весной 1981 года, когда наш поток с ленцой и расслабленностью только еще втягивался в завершающий этап дипломирования, в аудиторию зашел Петров. Дело было утром, в неурочное для него время. И людей было мало. Он ткнул в мою сторону пальцем и сказал:

– Надо срочно помочь в Доме архитектора.

Потом, строго взглянув на меня, спросил:

– Спортом занимаешься?

– Занимаюсь, – с готовностью ответил я.

– Ну, вот и хорошо, как раз это и надо.

Потом оценивающе посмотрел на немногочисленных дипломников, остановив взгляд на крепкой, спортивной фигуре Гриши Анастасьева и сказал:

– Анастасьев, давай и ты, в пару к Подолинному.

В отличие от меня, Гришу это неожиданное предложение настрожило. Он о чем-то стал спрашивать Петрова и объяснять, что у него дежурство в общежитии, диплом горит, консультации со смежниками. Но Петров, не очень-то вслушиваясь в Гришины аргументы,

уже направился к выходу, на ходу сказав, что ждет нас через полчаса в вестибюле института.

Когда мы пришли в Дом архитектора, и его директор объяснил нашу задачу, я с большим уважением подумал о тонкой Гришиной интуиции. Посреди большого зала, под световым фонарем стояли строительные леса. Сделаны они были наспех из каких-то подручных материалов. Оказывается, нам, на высоте где-то пяти метров, нужно было заняться обновлением обшивки нижней части фонаря.

– Ну что ж, спортсмены, давайте залезайте, – подбодрил нас Олег Борисович.

Дальнейшие три с половиной часа поставили под большой вопрос наше с Гришей успешное дипломирование в текущем году. Хлипкость конструкции, так называемых, строительных лесов на деле оказалась еще большей, чем виделось снизу. Думаю, что уже на десятой минуте наших акробатических упражнений, Петров понял всю рискованность затеи. Он ни на шаг не отходил от лесов, всячески подбадривал и оповещал нас о возникавших вверху опасностях. Конечно, он мог бы это мероприятие и отменить, но не тот человек Петров, чтобы отступать перед трудностями и риском. Что нам помогло избежать худшего, не знаю. То ли действительно спортивное прошлое, то ли эта непоколебимая вера в наши возможности стоявшего внизу человека.

Намеченная работа практически была завершена, когда снизу последовала команда Олега Борисовича:

– Слезайте. Всё!..

Мы, не мешкая, спустились, с облегчением подумав, что дипломироваться будем все-таки в этом году. А когда, отряхнувшись и поделившись впечатлениями о превратностях работы воздушных акробатов, мы направился к выходу, верхняя часть конструкции лесов так и обрушилась. Оглянувшись на все это безобразие, Олег Борисович удовлетворенно хмыкнул и, наверное, подумал: ну, вот и на этот раз интуиция сапера меня не подвела. Вовремя покинули позицию.

СЕРГЕЙ ЛАВРЕНТЬЕВ

Сергей Лаврентьев учился на потоке, который был набран в 1975 году, а я поступил в институт на год позже. Студенческая жизнь, в том числе учебная, отличалась высокой степенью коллективности. Ее центром было общежитие. Там как в котле, все смешивалось и переваривалось: группы, курсы, возраста... Все всех знали, если не лично, то уж точно в лицо. Сергей выделялся и был замечен не только среди однокурсников. Его внешность, манера поведения, а главное проекты, делали его фигуру особо заметной в аудиториях факультета. Он один из первых в графическом оформлении курсовых стал применять технику, так называемой, «задувки» с помощью аэрографа. Его работы выглядели особенно ярко, необычно, современно.

Большая часть проектирования проходила в аудиториях. Особенно на младших курсах. Такая публичность творческой деятельности порождала два важных обстоятельства. С одной стороны, студенты быстро и эффективно учились друг у друга, а с другой – такая наглядность творческого процесса стимулировала дух соперничества и соревновательность. Своеобразным локомотивом этого процесса был Лаврентьев и постепенно сложившаяся вокруг него группа студентов. Чаще всего рядом с ним можно было видеть С. Скобелева, Ю. Могилевича, В. Коренева, О. Дамрину.

Олег Борисович Петров всячески поощрял и поддерживал эти тенденции, в первую очередь тем, что готов был консультировать и помогать студенчеству буквально круглые сутки. Точно не знаю, но мне кажется, что большую часть курсовых Лаврентьев выполнял под руководством Петрова. И они почти все потом попадали на выставочные стенды. Естественно было то, что и дипломную работу Сергей делал вместе с Олегом Борисовичем. Именно «делали вместе». Никогда раньше я не видел такого рода консультаций от Петрова.

Олег Борисович ничего не показывал и не разъяснял, и уж тем более не рисовал. По-моему, он даже не присаживался, как обычно, перед подрамниками. Консультация проходила в форме непринуж-

денной беседы, рассуждений и обмена мнениями по вопросам композиции, конструкций, каких-то эстетических нюансов. В то время дипломирование проходило в большой отдельной аудитории, куда собирались не только выпускники, но и младшие курсы, которые «рабствовали» на подрамниках старших товарищей. Это была освященная традицией и почти узаконенная форма абсолютно бескорыстной помощи дипломникам. Так что картины заключительного этапа учебы архитекторов разворачивались на глазах всего факультета.

Кульминацией этого удивительного типа рабочих взаимоотношений Петрова и студента был просмотр почти полностью готовых подрамников диплома Лаврентьева. Как раз накануне стало известно, что Олегу Борисовичу присвоили звание заслуженного архитектора УССР, для того времени – явление уникальное. И все студенчество еще более пристально следило за деятельностью Петрова. Возле подрамников Лаврентьева, как всегда изысканно оформленных, собралось человек десять. И хотя чертежи еще полностью не были закончены, никаких существенных замечаний Петров не делал. От него исходили лишь отдельные пожелания и советы. Это было уже общение коллег.

Олег Борисович не ошибся. Сергей Лаврентьев вырос в настоящего мастера, став одним из самых заметных и ярких архитекторов Днепропетровщины. И очень жаль, что в 2009 году безвременно оборвалась жизнь этого талантливой ученика профессора Петрова, во многом развивавшего и продолжавшего творческую линию своего учителя.

БАНКЕТ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН

Конец 1970 – начало 1980 годов ознаменовались серьезными потрясениями в идеологических основах страны. События в Польше: забастовки польских докеров, объявление чрезвычайного положения в стране, Лех Валенса, новый профсоюз «Солидарность»... Бунт на корабле «Социализм» тогда еще не казался фатальным явлением, но для

многих послужил сигналом к переосмыслению многих жизненных установок. В студенческой среде это в первую очередь отразилось на героизации, до того скрывавшихся и не афишировавшихся склонностей к фарцовке, спекуляции, банальному воровству. Среди студентов-архитекторов наметился отход от коллективистских традиций и резкий крен в сторону воинствующего индивидуализма. Все чаще ранее само собой разумеющаяся товарищеская помощь стала больше приобретать черты коммерческих сделок. А группироваться между собой стали в два лагеря – тех, кто безоговорочно принимал надвигающиеся реалии рыночных отношений, и тех, кто продолжал отстаивать традиции бескорыстного студенческого братства.

Одной из важнейших примет уходящего времени на факультете были товарищеские прощальные банкеты, совместно проводимые студентами и преподавателями. А также подготовка «дембельских альбомов» по группам. Нельзя сказать, что эти мероприятия были абсолютно обязательными и регулярными. Но легенды о лучших примерах в студенческой среде были живы. Во многом, желая удержаться на высоком уровне своих предшественников, «нерыночники» нашей группы решили тоже организовать нечто подобное. Но очень скоро стало ясно, что дезинтеграционные процессы на курсе зашли слишком далеко и подвинуть все группы на совместное мероприятие невозможно. Так что все усилия сосредоточили на своей 1023-й группе.

Состав приглашаемых преподавателей пришлось определять в бурных дебатах. Широкого представительства не получилось. Пригласить согласились лишь двоих: Олега Борисовича Петрова и Наталью Дмитриевну Шишкину. «Рыночники», а их оказалось большинство, не желали никакого примирения с уходящим социалистическим прошлым, которое для них олицетворяли большинство преподавателей. Куда проще определилось место и условия проведения самого банкета. Здесь сторонники светлого капиталистического будущего, хорошо продвинутые в этом вопросе, нашли весьма удачный вариант – ресторан гостиницы «Днепропетровск».

Особо был доволен приглашением на банкет Олег Борисович. Для него это был не просто факт признания его особых заслуг. Это было наглядное и осязаемое продолжение лучших факультетских традиций, у истоков которых он находился. Это была дань коллективистской идеологии, влияние которой к огорчению Петрова за последние годы серьезно ослабло.

На банкет Олег Борисович пришел в приподнятом праздничном настроении. Держал себя раскованно и непринужденно. Произносил остроумные тосты, шутил и танцевал. Его дружеское поведение, возможность прямого неформального общения с живой легендой украинской архитектуры придали застолью особый шарм и некий сакральный смысл, не совсем характерный для традиционных студенческих капустников.

Олег Борисович сидел рядом со мной и строго следил за тем, чтобы, как и у него, рюмки допивались до дна. Когда и как покинул праздник Петров, никто не заметил. Но думаю, сделал он это вовремя. А мы, заряженные оптимизмом и житейской мудростью замечательного человека, долго еще вспоминали уже ушедшее в прошлое студенчество и нашего строгого, но такого своего и родного Учителя.

Однако капитализм свое все же взял. Следующее подобное мероприятие прошло только через 17 лет – в 1998 году и частично, как традиция возродилось в последние два года. Возможно, уже в двадцать первом веке петровские начинания получат второе дыхание?

УТРЕННЯЯ ПОДЗАРЯДКА

Трудно даются занятия в 8 часов утра. Но особенно сложно начинать с архитектурного проектирования. Тем не менее, если в занятиях принимал участие Олег Борисович Петров, практически всегда вся группа собиралась вовремя. Сделать это было непросто, особенно если надо было подготовить какое-то отдельное задание. Но все очень старались, поскольку знали, что нерадивых ждет крепкая взбучка.

После обязательной переключки, которую, как правило, делал кто-то из коллег Петрова, начинался допрос с пристрастием. Каждый раз причина была своя. То не вовремя сданный реферат, или его отсутствие, то невыполненный эскиз, а иногда просто неуместный зевок невыспавшегося студента. Как правило, провинившихся было два-три человека и они получали по полной программе. Олег Борисович распекал недолго, минут пять, но очень ярко своим жестким с хрипотцой голосом, злобно сверкая глазами из-за стекол очков. Аудитория затихала, даже отличники и любимчики Петрова. Мало ли что, могло достаться и избранным. Во всяком случае, такое складывалось впечатление от петровских экзекуций.

После обычно Петров уходил из аудитории, оставляя студентов на коллег. А мы, студенты, радуясь, что кого-то сегодня пронесло, строили версии по поводу причины гнева «старика». И так сгоряча делились впечатлениями «провинившиеся стрелочники».

– Ну «дед» сегодня разбушевался...

– Опять Петруша утром не позавтракал...

– Наверное, батарейка в слуховом аппарате села ... или что-то в этом роде.

Будучи студентом, я особенно не задумывался о причинах, порой, малообоснованного гнева Петрова. И только уже работая его ассистентом, обратил внимание на то, что подобные разборки происходили только по утрам. На занятиях, которые начинались позже, ничего подобного не наблюдалось. А окончательно секрет открылся, когда однажды, после очередного «прочухана» Петрова, мы с ним вместе зашли на кафедру. И я был поражен быстрому изменению настроения профессора.

В мгновения ока Петров преобразился в доброжелательного и спокойного человека, который без каких-то сильных эмоций абсолютно благожелательно общался с коллегами. Оказывается, все Петровские «гневы небесные» – это авторские театральные интермедии опытного педагога и психолога. Он, как никто другой, знал, насколько

порой непросто включиться в активную творческую работу, особенно студентам, и особенно в понедельник в 8 часов утра, да еще ребятам из общежития.

Чтобы быстрее и эффективнее заработала группа, нужна была зарядка мыслительной деятельности. Вот он и проводил ее по утрам. Правда, в интерпретации Олега Борисовича она была больше похожа на принудительную подзарядку.

ПРОСТО ПЕТРОВ

За глаза студенчество в пылу эмоций называло Олега Борисовича Петрова по-разному. От безобидно-ласкательного «Петруша» до злого «квазимода» или «старик». Каждый вкладывал в слова свой уровень, чаще всего обиды и раздражения, вызванные, как им казалось, несправедливостями Петрова. Конечно, когда восьмой раз переписываешь контрольную, какие еще могут идеи возникнуть в голове хронически недосыпающего студента! Сказанные в минуты эмоционального накала слова на время овладевали массами. И студенты с язвительным удовольствием, порой, пользуясь плохим слухом Петрова, на всякие лады в разговорах использовали чьи-то злые придумки.

Но удивительное дело, надолго эти клички за Петровым не закреплялись. С уходом источника-катализатора частота использования прозвища неуклонно затухала. Как сорная трава все эти обидные для мастера слова выпалывались реальной каждодневной созидательной деятельностью Олега Борисовича. И в результате оставалось простое, ясное, чистое, как твердый кристалл, и емкое, как сама жизнь – ПЕТРОВ.

У самого Петрова было своеобразное отношение к именам. Наглядно это можно проследить на мне. Так, когда он своим хрипловатым голосом с различными интонациями, зависящими от меры содеянного, произносил: «Подолинный», дело пахло керосином. Надо ждать «прочухана». Если мягко звучало «Сергей Иванович», значит, меня ждало какое-то ответственное задание или срочное, неотложное

дело. Безличное обращение, с суровыми нотками реплика или распоряжение – звучали как суровый приговор. Что-то где-то я сделал не то и не так. Ну, а в тех случаях, когда слышал «Сергей» – это означало что все в порядке, я на верном пути и профессор доволен моей работой. И совсем редкое «Серёжа» воспринималось как высшая похвала, как награда, ну прямо как боевой орден.

Среди коллег тоже бывали разные варианты неформального имени Олега Борисовича – «шеф», «босс», «начальник». Но в преподавательской среде и у архитекторов-практиков этот «фольклор» не приживался вообще. Он исчислялся единичными случаями. Для всех поколений тех, кто знал Олега Борисовича, ничего более определенного и всеобъемлющего чем просто Петров, никогда не было и не будет.

НАША ПРАВДА

Уж и не помню причину, из-за которой проводилось партсобрание факультета, где прорабатывали Бориса Кузьмича Волкова. Наверное, что-то кому-то сказал обидное, может быть, какие-то неприятные мелочи взаимоотношений, накопившись, пролились через края чаши, чьего-то терпения. Народа, в том числе беспартийного, в поточной аудитории набралось много. Уже по привычке я сидел рядом с Петровым.

Он в известной позе «скучающего ожидания» – это значит, подперев левой рукой голову сидеть вполоборота к главному действию, меланхолично расковыривал какую-то щелочку на лицевой стороне парты не совсем чистым длинным ногтем указательного пальца правой руки. Собрание шло своим чередом: один за другим выступали обвинители, а Борис Кузьмич с места, своим скрипучим голосом время от времени их комментировал, еще более распаляя оппонентов. Председательствующий, чувствуя, что обсуждение приобретает незапланированную остроту, все пытался успокоить Кузьмича. Но тот, явно не замечая все более сгущающиеся над ним тучи народного гнева, продолжал гнуть свою правдоискательскую линию.

Председатель начал сворачивать первую часть собрания, поскольку стихийно возникшая дискуссия грозила перерасти в слишком суровые санкции. Уже начали звучать мысли о недопустимости членства в партии такого человека как Волков. В этот момент Петров меняет полулежащую позу на другую – «подготовка к прыжку». Подперев пока еще опущенную голову уже двумя руками, он перемещает ось своего тела перпендикулярно фронту лекционной кафедры, и как только предлагается перейти к выступлениям, тут же поднимает руку.

Знаково два раза откашлявшись, он начинает говорить своим хрипловатым баритоном. В целом, порицая Волкова за его несдержанность и грубость, он объясняет аудитории специфику поведения и особенности психологии художника. Суть его выступления сводилась к тому, что Борис Кузьмич – истинный художник и прекрасный скульптор, и именно это должно быть главным в оценке человека. А то отрицательное, что характеризует Волкова, надо понимать не как преднамеренное вредительство, а как проявление особенностей натуры и неизбежные издержки художнического мировосприятия. Таких людей в первую очередь следует оценивать не по бытовому поведению, а по конкретным творческим свершениям. А их у Волкова достаточно.

Закончив выступление, Петров выразительно посмотрел на меня: «Мол, вот в чем тут дело, учись всегда смотреть в корень». Да я и так всё понял. Ведь сколько раз Олег Борисович мне втолковывал, что в архитектурном проектировании главное сразу верно решить основную функцию, а потом, уже подчиняя ей, разрешать второстепенные задачи. Так же и в жизни, во взаимоотношениях с людьми. Тот хорош, кто сполна исполняет свое главное дело, Богом определенное предназначение. Ну, а остальное – уж как получается, ведь идеальных людей не бывает. И еще неизвестно, какие мысли и какие подлинные страсти бушуют в душе у тех, которые, в отличие от Волкова, не всегда говорят то, что думают и что переживают.

Аудитория притихла. Съехавшее на бытовой уровень проблем обсуждение, волей уважаемого всеми человека, переводится в более спокойное русло. Тональность последующих выступлений меняется на более доброжелательную. А главное, почувствовав поддержку, перестает со своего места подливать керосин в топку дискуссий сам Борис Кузьмич. Когда началось голосование по поводу вынесения взыскания намного менее сурового, чем вырисовывалось в начале собрания, Петров все равно проголосовал против, а я воздержался.

Потом долго ходил по коридорам с гордо поднятой головой, вспоминая свой «геройский» поступок – «противостояние большинству» и долго еще хранил в памяти то, как «мы с Петровым» отстаивали право художника на свою правду.

КОЗЫРЕК ОТ КОРБЮЗЬЕ

Сказать, что Петров любил участвовать в массовых мероприятиях – нельзя. Но в то же время, как дисциплинированный партиец и отставной офицер, он аккуратно посещал все обязательные собрания, митинги, различные парады. Он был интересный собеседник. Как правило, возле него сразу собирались коллеги, в том числе из других факультетов. Вот и в то дождливое осеннее утро (насколько я помню, народ собирался на парад 7 ноября) вокруг Петрова, стоявшего под козырьком главного входа, сосредоточилось несколько человек. Как всегда, в праздники одетый особо элегантно, с орденскими колодками, Олег Борисович выделялся на фоне не столь изысканно выглядевших коллег. Не будучи самым высоким, он возвышался над всеми, благодаря своей природной величавости. И, видимо, шевельнувшаяся у кого-то в душе зависть подтолкнула его на весьма язвительное замечание.

– Олег Борисович! Вон посмотрите, а козырек-то ваш подтекает!

Все посмотрели вверх. И действительно, по светлой свежескрашенной внутренней поверхности знаменитого петровского козырька темными бесформенными пятнами расплзалась дождевая во-

да. Сосредоточиваясь возле малоприметного выступа, она предательски методично капала под ноги стоявших возле архитектора людей. Петров тоже поднял голову, задумчиво всматриваясь в случившееся, так некстати, безобразно. Видимо, вспоминал детали чертежей, определяя – чья тут получилась ошибка: архитекторов или строителей.

Народ притих. Я тоже пялился в конструкцию, лихорадочно ища ответ на реплику, сейчас ехидно улыбающегося доктора наук. Петров молчал довольно долго. И буквально за миг до того, как свои комментарии и предположения начали б высказывать «знатоки» с технических кафедр, Петров с непоколебимой твердостью в голосе произнес: «У Корбюзье тоже подтекает!».

Я с благодарностью и восхищением посмотрел на своего Учителя. Вот молодец-то какой, как он классно осадил шутника!

Похоже, такому обороту обрадовались и окружавшие нас коллеги, почувствовав всю мелочность и малосущественность предмета разговора. Ну, а Шарль Ле Корбюзье, суровый портрет которого висит на кафедре, наверное, наконец-то улыбнулся, тоже порадовавшись за своего соратника по общему делу.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ ПЕТРОВА

Проверка учебных проектов на кафедре – это всегда некое священнодействие. Подводятся итоги весьма сложной, а порой и драматичной совместной работы студента и преподавателя. Оценка ставится ведь не только студенческой работе, но и педагогической, что бы там не говорили коллеги. Не без иронии, но с большой долей реального смысла, Евгений Борисович Яшунский сравнивал нашу работу с шахтерской. В конце перерыва он очень часто произносил:

– Ну, что, пошли в забой, коллеги.

Но это было позже, в беспокойные 1990-е, а в относительно благополучные, хотя и предгрозовые 1980-е все происходило традиционно по отработанному десятилетиями сценарию. У каждой специализации были свои особенности в оценке. Промышленники использовали,

так называемый, «крест». Эту методику проверки предложил Георгий Константинович Клопко. Отдельно оценивались четыре основополагающих аспекта проектирования: функция, конструкции, образ, качество графики. Кажущиеся объективность и простота заканчивались, когда надо было выставить одну общую оценку. Вот тут-то и начинались длинные дебаты, часто перерастающие в горячие споры-противостояния преподавателей. Оценка затягивалась допоздна.

Очень все просто было у градостроителей, где оценивание, как правило, возглавлял Александр Анатольевич Мирошниченко. Все происходило довольно быстро и без особых дискуссий. Заведомо лояльное отношение к студенческим работам значительно упрощало определение оценки по курсовым работам.

Своеобразно проходила оценка проектов по специализации «Жилые и общественные здания», которую возглавлял О.Б. Петров. Все начиналось с поиска карандаша, которым Петров выставял оценки на подрамниках. Чаще всего это был большущий эксклюзивный канцелярский прибор красного цвета. Когда он оказывался в руках Петрова – это служило сигналом старта процесса оценивания. Выставленные загодя проекты, участвовавшие в проектировании преподаватели, какое-то время рассматривали самостоятельно, изредка обмениваясь короткими репликами. Также молча и сосредоточенно осматривал проекты Петров. Следующие этапы оценивания начинались с сигнального поведения Петрова. Он останавливался возле какого-то им выбранного проекта, и следовала короткая фраза – команда.

– Приступаем к оценке!

Опять-таки молча, все всматривались в студенческое проектное решение. Через определенный, как правило, небольшой промежуток времени, следовала очередная сигнальная фраза.

– Ну, так что!? Что ставим?

И Петров вопросительно смотрел на следовавшего после него по рангу преподавателя. Это могли быть или М.А. Гура, или В.Е. Горбаносов, или С.В. Самодрыгин. Опрос завершался на мне, как

самом молодом. И после этого Петров молча рисовал оценку на подрамнике. Потом поворачивался к коллегам, как бы ища окончательно подтверждения «содеянному». Тут-то и происходило самое интересное. Ведь не всегда оценка, выставленная Петровым, согласовывалась с тем, что предлагали коллеги. Часто вовсе не совпадала, и начинались возражения. Но если так происходило, он говорил:

– У меня, как у старшего, два голоса.

И потом безапелляционно, размашисто расписывался. Кряхтя и поругиваясь, остальные ставили свои подписи. Олег Борисович зорко следил за тем, чтобы свои автографы поставили все присутствующие. Правда, иногда он шел навстречу пожеланиям, добавляя или убирая «плюсик» или «минус», но не более того.

Какие-то дебаты происходили весьма редко. В том числе и потому, что с Петровым это было делать крайне трудно, если он этого не хотел. Он постоянно переспрашивал, прислушивался, в общем манкировал своей глухотой. В то же время сам делал язвительные замечания и задавал каверзные вопросы, при этом, не очень-то вслушиваясь в ответы.

Особо курьезные ситуации происходили, когда в проверке участвовали четверо преподавателей. Работая под началом Петрова, я полностью воспринял и принял его методику в работе со студенческими проектами и критерии их оценки. Естественно, мои предложения практически всегда полностью совпадали с тем, что ставил Петров. Это касалось и тех работ, которые выполнялись в параллельных группах. Так вот, поскольку Петров выставял оценку сразу после того, как свое мнение высказывал я, то часто складывалось впечатление, что именно мое мнение и являлось окончательным решением. И если эта оценка не совпадала с позицией доцентов, то тут уж их возмущению не было границ.

– Как так, Олег Борисович!? Почему вы слушаете то, что вам говорит ассистент? Нас, опытных педагогов, вы игнорируете, а делаете то, что подсказывает начинающий архитектор.

А Петров, уже выставив искомую цифру на проекте, поворачивался к коллегам и не без лукавства говорил:

– А я тоже считаю, что надо ставить именно эту оценку.

Ему явно нравилось, что он воспитал специалиста, который в архитектуре исповедует его шкалу ценностей. В общем, такой вот своеобразный демократический централизм получался у Олега Борисовича.

САПЕР-ШУМАХЕР

Есть в архиве Петрова фотография, выходящая за рамки нашего обыденного представления о нем. Лукаво улыбающийся, дочерна загоревший, повязанный цветастым платком на пиратский манер на затылке, который бы сейчас назвали «бандана».

Ну, прямо-таки рокер-байкер, только-только слезший со своего «коня» по имени Харлей-Девидсон. Таким веселым и озорным мы его видели редко, ведь Петрову рано довелось повзрослеть. В свои неполные 27 он уже воевал. Не до развлечений было в его молодости и тем более в зрелые годы. Но, тем не менее, иногда в нем просыпался мальчишка-непоседа, не догулявший свое в юности.

Однажды Петров пригласил меня помочь что-то перевезти. Тогда ему было уже около семидесяти. Я с удивлением узнал, что у него есть машина, и он сам с нею управляет. Сев за руль своей голубой «копеечки», Петров на глазах преобразился. Из человека довольно глубокого пенсионного возраста он превратился в того молодого озорника с загадочного фото.

Максимально допустимая скорость набиралась практически с места. Остановки осуществлялись резко, в нескольких сантиметрах от бампера передней машины и на последних долях секунды желтого света светофора. Правда, все другие правила соблюдались добросовестно. Уже немолодой человек демонстрировал чудеса реакции, хладнокровия и глазомера.

Сейчас бы о нем сказали:

– Ну, блин, Шумахер...

Хотя точнее было бы так:

– Сапер-шумахер.

За рулем авто он вел себя, как и в жизни – смело и раскованно. Не утруждал себя догматами времени, а, наоборот, очень тонко чувствовал новые веяния и находил свое достойное место в любых ситуациях изменяющегося мира. Пройдя минными полями жизни, он, как удачливый сапер сохранил не только себя, но и отвоевал право на свободную творческую жизнь сотням, а, может быть, и тысячам своих учеников.

ХИРУРГ ПЕТРОВ

Обычно у людей известных, ярких, бескомпромиссных, достигших больших высот в своем деле, всегда хватает недоброжелателей. Удивительно, но у Олега Борисовича Петрова, ставшего легендарным еще при жизни, очевидных, да и неочевидных недругов не было. И это при том, что особой тактичностью он не отличался. Мог быть несдержанным, резким, а порой и просто грубым. Чаще всего, не колеблясь, говорил то, что думал. А ведь это всегда чревато обидами и недопониманием.

Но, тем не менее, ни среди коллег – педагогов, ни среди архитекторов, ни среди студентов на него никто серьезно в обиду не был и камня за пазухой не держал. Не берусь ответить, почему так гладко складывались отношения с коллегами, а вот суть студенческой лояльности я, кажется, понял. Не сразу, а после нескольких лет совместной педагогической работы.

Ведя занятия в паре с Петровым, я внимательно всматривался, как он выстраивает свои консультации, пытаюсь понять предпосылки его сверхрезультативной работы, когда далеко не самые сильные студенты выходили на высокий уровень, не говоря уже об отличниках. Важной особенностью его работы было то, что он старался, как можно глубже понять замысел студента. Причем делал это даже тогда, ко-

гда с моей точки зрения и зацепиться-то было не за что – так какие-то нелепые «почеркушки». Чаще всего в таких случаях я, как и другие коллеги, просто рисовали свои предложения, так как их считали нужными.

Иногда я видел, как он сердится, не то на себя, не то на студента-слабака, когда не удавалось уловить хоть какой-то смысл в его каракулях. Однако Петров упорно вел поиск, пытаюсь, оттолкнувшись, пусть от слабых, но авторских идей, вырулить работу на столбовую дорогу архитектурных решений. И в эти минуты он напоминал мне добросовестного хирурга, пытающегося спасти тяжелобольного пациента. Вот только боролся он не за жизнь физическую, а за жизнь творческую. За веру студента в свои возможности. Ведь одно дело разрабатывать учебный проект на основе преподавательских идей, и совсем другой настрой получается, когда основой становятся пусть еще незрелые, но твои собственные фантазии.

В редких случаях, почувствовав полное безразличие к учебе, Петров с некой презрительной брезгливостью рисовал что-то свое. Однако это выглядело как смертный приговор: профнепригоден. Такие ребята долго в группе не задерживались. Уходили тихо и незаметно.

За суровостью, а порой нарочитой грубостью скрывалась отцовская забота о творческом будущем своих питомцев. И только уж совсем толстокожие, или уж совсем не архитектурные, не творческие личности этого не понимали. Вот эта петровская педагогическая самоотверженность подкупала и многократно перекрывала случавшиеся тяготы и лишения в работе с Олегом Борисовичем, делала его неуязвимым для завистников и легендарным для студенчества.

«ПЕТРОДВОРЕЦ»

Работая в ДИСИ, О.Б. Петров много занимался и реальным проектированием, строил для города и области. Он блестяще совмещал труд педагога и архитектора-практика. Активное участие принимал в

деятельности Союза архитекторов. В этот период им создается много интересных проектов, часть из которых реализуется. В этом ряду особое место занимает летний кинотеатр в парке имени Лазаря Глобы.

Это здание часто встречается на открытках и в картинах художников. Вокруг него всегда много людей, а на его фоне любят фотографироваться жители и гости города. Возле него назначают свидания и устраивают выставки, а днем проводятся праздничные концерты и встречи. Его кто-то метко и остроумно назвал «Петродворцом».

Летний кинотеатр – возможно лучшая работа мастера последних лет его творчества. Он стал одним из символов нашего города, отразив надежды и неудачи архитектора Петрова, да, наверное, и всего архитектурного цеха Днепропетровска. Только как недоразумение можно воспринять название кинотеатра – «Строитель». Ведь именно строители с их, тогда крайне ограниченными техническими и технологическими возможностями, не позволили в полной мере реализовать проект в жизнь.

Экзотичное для нашей страны того времени конструктивное решение стало камнем преткновения для строителей. Но через пути технологического косноязычия, наперекор всему все-таки пробился чудесный по выразительности образ взлетающего с поверхности озера гигантского лебедя. Зодчему удалось почти невозможное. Вместе со своим творением оторваться от грешной нашей земли и взлететь в небо, к облакам, в бесконечность.

ВЕСЕННИЕ ЗАМОРОЗКИ

Учебный 1993-94 год начинался обычно. Так же, как всегда, загоревшим и посвежевшим пришел на кафедру Олег Борисович Петров. После трудных для него, особенно в последние годы, учебных семестров Петров за лето возрождался, как Феникс из пепла. Он перенес несколько сильных сердечных приступов. Возможно, это были инфаркты, точно не знаю, в то время учился в аспирантуре в Москве. Однако болезни на Петрове, во всяком случае на его интеллектуальных воз-

можностях, никак не сказались. Он по-прежнему успешно читал лекции, вел курсовые, работал в ГЭКе, хлтя...

На нашей кафедре сложилась традиция, когда дипломники руководителей определяют себе сами, записываясь к тому или иному преподавателю. Впервые за время обучения именно студент выбирал себе преподавателя. Так вот, вернувшись на кафедру после трех лет отсутствия, я увидел для себя неожиданное. Если раньше к Петрову записывались в два-три раза больше дипломников, чем было возможно, то теперь едва набиралось номинальное число. Куда больше желающих «толпились» теперь перед фамилией М.А. Гуры. Чувствовал, Петрова эта ситуация напрягает, тем более, что отличники к нему записывались все реже.

Однако в том учебном году с этим вопросом у Петрова все было благополучно. К нему на дипломирование записались симпатичные, работающие, способные студентки. И он активно и с удовольствием подолгу их консультировал. Казалось, все было, как всегда, но к концу зимы Олег Борисович стал вдруг резко сдавать. В первую очередь это сказалось на характере консультаций.

В «дипломку» он приходил регулярно, садился перед подрамниками и непривычно долго всматривался в чертежи. Похоже, он не столько размышлял о проекте, сколько просто отдыхал. Потом делал несколько малозначительных замечаний или предложений и переходил к другим проектам, то же подолгу отдыхая перед тем, как собственно поговорить о работе.

Дипломники, привыкшие к другому уровню участия Петрова в проектировании, ближе к лету забеспокоились. Начали привлекать меня к консультациям по своим работам. И, видимо, Олег Борисович это каким-то образом заметил. И однажды на своем столе я обнаружил записку на клочке ватмана:

– С.И.! Убедительно прошу вас в мое отсутствие моих дипломников не консультировать. И внизу его красивая лаконичная размашистая подпись.

До глубины души меня потрясло это его «прошу вас». Получилось почти как вызов на дуэль. Это был еще один урок от мастера. Напоминание о его сильной нестигаемой бескомпромиссной и честолюбивой натуре истинного большого художника. Он верил в себя, в свои возможности до конца, хотя, очевидно, и понимал, что жизненные силы и отпущенное ему Богом время на исходе.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 94-го

Работая долгие годы рядом с Петровым, осознавая всю уникальность и неординарность его личности, вольно или невольно сопоставлял его с известными историческими фигурами. Корбюзье... Что ж, сходство есть. Но француз никогда не воевал и наверняка не знает, как устраивать понтонную переправу. Возможно, кто-то найдет сходство с Мис ван дер Роэ, чей портрет тоже висит у нас на кафедре... Но куда больше он мне напоминал Сталина, о котором еще задолго до хрущевских «разоблачений» подробно рассказывали мои родители и родственники – свидетели и участники многих эпохальных событий того периода. В то время много велось дискуссий о Сталине и сталинизме, но Петров особой активности в них не проявлял, лишь бросил однажды фразу:

– В Победе – огромная заслуга Сталина.

Да косвенно выразил свое отношение к теме, обозвав главного хулителя Сталина Никиту Хрущева дураком. Было в нем, как и в Сталине, нечто эпическое, вневременное. Его легко представить соратником вождя, да он, по сути, таким и был. А вот рядом с Хрущевым Петрова поставить невозможно и его полулегендарное противостояние с «Мыкытой» тому яркое подтверждение. Но это все было давно. А в то жаркое лето 1994 года Олег Борисович ходил трудно, из последних сил.

В конце весны всем уже было видно – Олег Борисович не тот. Устал наш нестигаемый воин. Заведующий кафедрой Александр Анатольевич Мирошниченко предлагает освободить его от работы в

ГЭЖе, или, если надо, готов предоставить ему отпуск. Но Олег Борисович категорически отказывался от всяких послаблений. Да, возможно, взятая вовремя пауза отодвинула бы роковую черту, но не тот человек Петров, чтобы оставить незавершенным дело. И он остался на посту, отсидел в комиссии крайне утомительную для него неделю.

Завершилась работа ГЭЖа, защитилась на «отлично» последняя из дипломниц Петрова. Дело было сделано, Олег Борисович выглядел крайне уставшим, его даже слегка пошатывало. Видя такое положение, Мирошниченко предлагает Петрову, чтобы я проводил его домой. Но тот вновь категорически отказывается. Буднично прощается с теми, кто был на кафедре, и, решительно толкнув характерным движением дверь, уходит.

При всей обыденности происходящего что-то дрогнуло у меня в душе. И я, держа дистанцию в несколько метров, последовал за ним. Олег Борисович шел медленно, сосредоточенно, почти не поднимая головы. Тяжело опираясь на перила, спустился по лестнице и, слегка шаркая, пересек свой светлый праздничный вестибюль, прошел тамбур и вышел на знаменитое главное крыльцо под не менее знаковым козырьком.

– Ну вот, сейчас он остановится, оглянется и так привычно подзовет меня к себе. Но нет, не оглянулся. А все также сосредоточенно, сутулясь еще сильнее, но при этом как-то гордо и величаво стал спускаться по ступенькам, потом по тротуару вниз, домой, на свою Бородиновскую и, как, оказалось через неделю, ушел уже безвозвратно.

ВРЕМЯ АТЛАНТОВ

Лихие 90-е – время беспробудной бедности, ошарашившей большую часть страны, которая наивно рассчитывала на противоположный эффект от обретенной независимости. Значительная часть благ, которые раньше воспринимались естественной и неотъемлемой частью жизни, стали недоступными. В том числе и многие элементы ритуала погребения усопших.

Большую часть хлопот по похоронам Олега Борисовича Петрова взял на себя институт. Но в вопросе о месте захоронения даже авторитет уважаемого государственного учреждения не помог. Чтобы получить место на центральном участке Сурско-Литовского кладбища, нужно было заплатить баснословную по тем временам сумму. Ни институт, ни тем более семья Петровых пойти на это не могли.

Нужно было срочно искать иные пути. И Мирошниченко обращается с просьбой помочь в этом деле к Олегу Семеновичу Чмоне – наш коллега тогда был вхож в коридоры власти. Быстро составляется письмо-прошение и Олег Семенович отправляется в высшие инстанции за разрешением на привилегированное захоронение знаменитого горожанина. Отказать напору Чмоны, когда он отстаивает правое дело, было невозможно.

Добившись места, оперативно начали решать вопрос с копкой могилы. Для экономии средств, предлагается на эту работу организовать студентов во главе со мной. Ну что ж, кому как не ассистенту профессора организовывать последнее пристанище любимому учителю. Ребята подобрались толковые и работящие, особо выделялся Леша Литвин, который собственно и собрал эту бригаду из жильцов общежития. Хотя был жаркий солнечный день, да и дело было непривычным, но работа была выполнена быстро и в точном соответствии с указаниями кладбищенских работников.

Гроб с телом в день похорон с утра разместили в вестибюле института. В хлопотах похоронных дел я не заметил, как подошли минуты прощания. И перед тем, как спуститься вниз, выглянул в окно и ахнул. Все пространство перед институтом и прилегающие перекрестки были плотно заполнены людьми. Такого скопления пришедших проводить умершего в последний путь в нашем городе я ни до, ни после не видел.

Откуда, почему пришло такое большое количество народа? Неужели это все, кто встречался в своей жизни с Петровым? Но ведь такого не может быть! Кто они, почему пришли в этот жаркий летний

день к стенам вуза? А может, народ почувствовал, что хоронят не только замечательного архитектора Петрова, но само героическое, легендарное время? Время великих побед и людей-атлантов?!

ЭПИЛОГ

Считается, что архитектурная история Екатеринослава – Днепропетровска берет начало с проектов генпланов города, которые выполнили действительные члены Российской Императорской Академии художеств Иван Старов и Вильям Гесте. Столичный размах замыслов мастеров классицизма нашел свое продолжение в постройках Д.В. Скоробогатова, А.Н. Бекетова, А.Н. Гинзбурга, А.Л. Красносельского, В.В. Самодрыги, Г.П. Швецко-Винецкого, мэтров из мастерской И.В. Жолтовского.

Великая Отечественная война, годы восстановления разрушенного выдвинули своих героев, тех, кто восстанавливал из руин наш город и страну. Это: Б.И. Белозерский, Л.Р. Ветвицкий, В.Е. Горбонос, А.Н. Душкин, И.Р. Заиченко, В.А. Зув, В.И. Мартынов, А.П. Меркулов, В.В. Самодрыга, Т.Я. Чуянов, М.Б. Шнеерсон, Д.И. Щербаков. И в этом ряду зодчих Великой страны – победительницы особое место занимает могучая личность архитектора и педагога Олега Борисовича Петрова, заслуженного архитектора Украины, Почетного члена Академии архитектуры Украины, профессора кафедры архитектурного проектирования ДИСИ (ПГАСА).

Именно педагогическая деятельность выделила его из плеяды выдающихся архитекторов Днепропетровска второй половины XX века и поставила О.Б. Петрова в один ряд с архитекторами, отцами-основателями нашего города.

ВІКТОР ХАРЧЕНКО

народився у Дніпропетровську. Закінчив ДІБІ у 1954 році. Відтоді безперервно працюю у цьому закладі: асистент (1954–1962), аспірант (1962–1965), старший викладач, доцент кафедри технології металів (1966–1970), проректор з навчальної роботи (1971–1991), професор кафедри технології металів (нині кафедра матеріалознавства та обробки матеріалів, з 1991 року до теперішнього часу). Кандидат технічних наук, професор, наукова діяльність пов'язана з дослідженнями регульованих газових пальників, поверхневих термічних, переважно плазмових технологій. Академічний радник Міжнародної інженерної академії.

Пишаюсь головною подією своєї біографії – тим, що все моє життя пов'язане з ДІБІ і ПДАБА, з моєю Alma Mater. Мій інститут, моя академія – моє натхнення у роботі, у творчості, у житті. Я – одноліток і однодумець академії.

ЗІ СПОГАДІВ РОВЕСНИКА АКАДЕМІЇ

ТОДІ ... В 41-му

Дивна річ – людська пам'ять... У зрілому віці людина іноді пригадує події, що відбувалися дуже давно, а про події, які відбувалися значно пізніше, чомусь не пам'ятає або згадує дуже туманно.

Я, наприклад, пам'ятаю, як ми у дитинстві ховали «костура» нашого прадіда Андрія. І, як він, злязючи з печі крєктав і бурчав: «Куди ці песиголовці (а „песиголовці“ це мої двоюрідні брати Шурка і Льюня) заділи мого костура? От я вам зараз дам...». А ми тільки і будь-де ховались, боячись оцього «дам». Тоді мені йшов п'ятий рік.

А от, як я опинився у піонерському таборі на початку липня 1941 року, коли мені уже йшов одинадцятий рік, зовсім не пам'ятаю. Я чомусь про це не задумувався і не поцікавився у мами про цю подію, коли вона ще була жива.

Так от, я на той час був у піонерському таборі, нібито в селі Новоселівка під Новомосковськом і проживали ми всі у приміщенні церкви, яка, мабуть, була перетворена в клуб. У ті роки церкви, що їх позачиняли, використовувались, як склади, або пристосовувались під клуби. Правду кажучи, значно пізніше, відпочиваючи в Новоселівському лісі на березі річки Самарчук, коли ми з товаришем в Новоселівці розшукували вкрадені у нас хлопчиками рибальські снасті, я у якоїсь мешканки цього села поцікавився, де та церква, в якій мені довелося жити в 1941 році. І отримав відповідь: у них у селі церкви немає. Тож чи мене знов пам'ять підвела, а може і та жінка про колишню церкву не знала.

Так от, пам'ятаю, що церква була дерев'яна. А в залі для прихожан стояли ліжка, де спали дівчатка, і за завісою, на підвищенні, де було, мабуть, обладнано сцену, спали хлопчики. Звичайно, такого облаштування табору, у відповідності з сучасними вимогами санепідслужб, не було і мови, і порівнювати було б недоречно.

Почну ще раз спочатку. Стояла тепла ясна сонячна погода і ми раненько полягали спати, бо кіно нам привозили один чи два рази, а

про телевізори ми навіть не могли подумати, що таке диво може бути. Це було за межами нашого уявлення.

Оскільки ми рано лягли спати, то не дивно, що іноді прокидались серед ночі і перешіптувались з сусідом по ліжку. Цей хлопчик також був сином одного з працівників заводу «Світлофор», де на той час працював і мій батько.

Так от, прокинувшись, ми почули, що на дворі весь час гримить і часто по даху лупотить град. І так продовжувалось якийсь час. Це нас схвилювало: бо ж єдиною втіхою для нас було купання в річці, а дощова погода могла позбавити цього, чи не єдиного, задоволення.

Вранці, коли сурмач просурмив «Бери ложку, бери хлеб и садися за обед!» (так наспівували під цю простеньку мелодію), що означало «підйом», ми вибігали на «зарядку». І ... яка то радість була для нас, що ніякого дощу немає. На вулиці світить яскраве сонце, а на небі – ні хмаринки. То ж купання на річці буде! Правда, виникав інтерес: а чому ж надворі жодної хоча б маленької калюжі? Адже вночі так гриміло і був град. Потім пішла чутка, яку згодом підтвердила і піонервожата чи вихователька: ніякого дощу і грому вночі не було, був наліт німецької авіації на Дніпропетровськ. В якості грому нами сприймались вперше почуті постріли зенітних гармат, а «град» – то удари осколків снарядів, що падали на дах нашої церкви. Це були перші гарматні постріли і перші вибухи снарядів під час війни, які пізніше багаторазово мені довелося чути, спостерігати і відчувати на собі.

Закінчуючи так би мовити цю передмову до мого сприйняття війни, знов мушу сказати, що я також не пам'ятаю, як ми від'їздили і повертались додому з піонертабору. Мабуть, це було зроблено поспіхом і без будь-якої урочистості, яку я потім неодноразово спостерігав, зустрічаючи з піонерських таборів своїх дітей і онуків.

Потім я неодноразово згадував піонерський табір. Коли майже місяць ми сиділи у «щілині» (так ми всі називали Г-подібної форми бліндаж, споруджений на подвір'ї для захисту від бомбардування фашистів) і їли лише розмочені сухарі та відварене сало. Тоді я пригаду-

вав, як я відмовлявся їсти молоду картоплю, политу вершками, як імітував нудоту, коли вихователька примушувала ту картопельку їсти. А пахощі гречаної каші з маслом я відчував фізично! І думав: «От би зараз сюди в, „щілину“, хоч одну оту духмяну відварну молоду картоплинку з вершками, або грудочку гречаної каші, яка має такий п'яний запах!», – нажаль, це було нездійсненою мрією...

Пізніше, коли я уже був вдома, мені пригадується нічна біганина до «щілини», коли ота чорна тарілка-репродуктор оголошувала сигнал повітряної тривоги. На той час уже почалась інтенсивна евакуація заводів і працівників з сім'ями, які тоді зазвичай казали: «На Урал». Мій батько займався демонтажем верстатів і устаткування, що відправлялось у місце евакуації заводу «Світлофор». Батько казав, що ми виїдемо з останнім ешелоном і щоб всі завжди були вдома і були напоготові. Для цього «напоготові» мати з доріжок, які у нас називались «простилками», пошила великі мішки, куди було складено все необхідне для евакуації і чи то зашите, чи зав'язане.

Ближче до часу можливого від'їзду ці мішки виносились щодня до хвіртки і ми з братом по черзі сторожували, сидячи на них.

Так от – про ці мішки. Коли оголошувалась «тривога», батько і мати хапали ці мішки з собою в «щілину», щоб їх (мішки) під час нашої відсутності хто-небудь не «позичив». І недарма кажуть, що фізичні можливості людини, значно більші від тих, які він проявляє в звичайних ситуаціях. А в екстремальних ситуаціях? А в екстремальних ситуаціях мати іноді хапала по мішку під обидві руки і бігла до сховища! А коли оголошували відбій тривоги, вона ледь-ледь могла підняти один мішок і дивувалась, як вона їх могла «доперти».

Трохи пізніше, коли ми почали звикати до нальотів німецьких бомбардувальників, вилазили із сховища у двір і спостерігали, як промені прожекторів нишпорять по небу, вишукуючи літаків ворога. Іноді такий літак потрапляв у перехрестя тих променів, виблискуючи крилами, і ми кричали: – «Спіймали! Спіймали!». Та, на жаль, не доводилось спостерігати, щоб снаряди наших зенітників влучили: чи той

був дуже високо, чи нашим артилеристам бракувало уміння при обстрілах. А порушник летів собі далі. А ми вдень бігали по вулиці і шукали осколки від артилерійських снарядів і заздрили тим, кому траплявся такий «трофей». Такий «трофей» першим зачепив мого батька.

Тут доречно буде сказати, що одного дня батько (це було на початку серпня 1941 року) прийшов додому раніш від звичайного і сповістив: «Міст підірвано і ешелонів більше не буде» і ми евакуюватись не зможемо. І потягли важелезні мішки до хати. Так ми залишилися стрічати війну в Дніпропетровську.

«Щілину» в нашому дворі було викопано посеред двору ближче до саду між свинюшником і будкою (будка – це щось подібне до літньої частини сараю, вибілена, з глиняною підлогою, де мати вечорами мила і в'язала овочі в пучки для продажу – редиску, цибулю, моркву, зелень тощо). Вибачаюсь, але я буду вживати назви так, як це робили щодня, а не за літературним словником.

Так от, наша «щілина» була посеред двору, а у наших сусідів – Кравців – далі від їхнього двору в огороді під вишневим гайком. Цедесь метрів за 35-40 від садиби. І коли фронт почав наближатись до міста, ми чомусь сім'ями знаходились більше в сховищі у Кравців. До речі, у нас в районі на вулиці майже всі двори мали свої прозвища. Наші сусіди ліворуч – Номировичі були «Кравці», праворуч, Сторублі – «Кулики», навпроти, Кіктенки – «Бурячки». Мої брати, де проживав дядько, прозивались не Харченки, а «Гури», тож одного з них прозивали «Шурка Гура» на відміну від Шурки – «Пшоняника». А далі – «Пацюки», «Бери», «Пухирі», «Кози», «Польщаки», «Дуї», «Пімпуси» та інші. До речі, мій батько і моя мати до одруження мали однакове прізвище – Харченко. То ж моїй матері своє прізвище після одруження міняти не довелось. Але по-вуличному величали їх так: Дашка Гурівська, а Іван Кравців.

Тепер знову повернемося до серпня 1941 року. На вулиці тепло, у «щілині» сиро, а під вишнями – і тепло, і холодно. Ми – це я з

братом Володею і сусідські Льоша і Коля. Льоша і Володя – 1926 року народження, Коля – 1928, а я – 1930. Не пам'ятаю, де були наші матері, а мій батько розіслав якусь ряднину біля «щілини» і дрімав, лежачи на животі. Ніякого близького обстрілу не було і тільки, десь далеко, на рівні селища Нове Ключко спостерігались розриви – хмаринки шрапнельних снарядів. Раптом ми почули якийсь зойк мого батька. Він припіднявся і щось щупає своє стегно. Потім прибрав руку, і ми побачили на ній кров. Але то не була серйозна рана. А поруч на ряднині валявся «винуватець» – маленький осколок від снаряда. Оскільки він падав здалеку і падав не з великою швидкістю, у нього вистачило сили пробити тканину штанів і злегка подряпати шкіру. То ми й казали потім батькові, що він був перший з нашого двору, хто був поранений на війні.

Описуючи події передвоєнних часів і ті, які я спостерігав під час війни, я буду максимально можливо описувати так, як їх сприймав особисто, і ніяких літературних джерел залучати не буду. Може, це не всі сприймуть схвально, може, комусь щось не сподобається, але я особисто не сприймаю спогади з посиланням на щось або з домислами. Я не сприймаю, наприклад, спогади лейтенанта про воєнні події, в яких вони описуються так, ніби автор був, як мінімум, командиром дивізії.

Перш ніж оповідати про події воєнного часу, хочу трохи зупинитись на днях, що передували початку війни, на нашому сприйнятті тих подій.

Всі ми, від малого до великого, виховувались з почуттям необхідності бути готовим боронити Батьківщину від ворога, який десь стоїть, і так і хоче перейти наш кордон. Ми всі дружно співали:

Если завтра война,
Если враг нападёт,
Если грозная сила нагрянет,
Как один человек,
Весь советский народ
За Отчизну любимую встанет.

І ми, хлопчаки, та й не тільки хлопчаки, ці настрої сприймали цілком серйозно. Нас постійно налаштовували бути готовими до війни з ворогами. Ми всі дружно здавали норми ГТО (Готов к труду и обороне), БГТО (Будь готов к труду и обороне) і «Ворошиловский стрелок». Для нас було великою подією, коли летів аероплан і розкидав листівки на кшталт таких: «Вступайте в ряды ОСАВИАХИМ» чи в ряди МОПР (мались на увазі «Общество содействия авиации и химзащите» та «Международная организация помощи рабочим»). А ми бігали дворами, городами, не дивлячись на тини і межі, і щосили кричали: – «Гарапані хвишки, гарапані хвишки!!», що повинно було означати «аэропланские афишки».

А на яких фільмах ми виховувались?: «Граница на замке», «Джунльбарс», «На границе», «Чапаев», «Козак Голота», «Щорс», «Мы из Кронштадта» і багато інших. І головна ідея всіх цих фільмів була така:

Нас не трогай, мы – не тронем.
А затронешь – спуску не дадим.
И в воде мы не утонем,
И в огне мы не сгорим!
(ця пісня із фільму «Козак Голота»).

А пісень ми співали переважно про війну:

«Каховка» –
Мы мирные люди,
Но наш бронепоезд стоит
На запасном пути.

«По долинам и по взгорьям...», «В степи под Херсоном...» або «Матрос Железняк», «Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону», «Броня крепка и танки наши быстры...» –

Когда нас в бой
Пошлет товарищ Сталин,
И первый Маршал в бой нас поведет.

І як підсумок всіх пісень про війну, всіх фільмів звучало:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров –
Если завтра война, если враг нападет,
Будь сегодня к походу готов!

А далі:

И на вражьей земле мы врага разобьем
Малокровным могучим ударом.

Тому не дивно, що тоді, коли фашисти заглиблювались у нашу територію, все частіше було чути: «Як же так сталося, що ми готувались до війни, про її невідворотність постійно нам казали і що «броня крепка и танки наши быстры», а війна для нас стала несподіванкою, а ворог широким кроком наступає?». А потім ще й таке. Радіо каже: «Бої ідуть під Перемишлем, під Житомиром», а ми, особливо увечері, уже чуємо артилерійську канонаду і бачимо далекі сполохи чи то пострілів, чи то вибухів.

І раптом – німці десь під Дніпропетровськом.

А перший поштовх до думки, що ворог скоро буде в Дніпропетровську, дали два офіцери, які, проходячи по вулиці мимо бабів, які сиділи на лавці біля Кравців, вигукнули: «Що ви оце сидите? Ідьте до хлібозаводу (на вулиці Ростовській), там повно сухарів. Забирайте, бо все те дістанеться німцям». І рванув наш люд туди. Хлібозавод дійсно уже ніхто не охороняв. Там було повно паперових мішків з сухарями, заготовленими, мабуть, для Червоної Армії. Кажуть, що там були і цукор, і борошно. Але вони дістались першим «відвідувачам».

Побіг туди і мій брат Володя. Він і приніс два таких мішки з сухарями. Але цей «похід» для нього ледь не закінчився трагічно. Коли він був за п'ять дворів від нашого двору, біля Гурів, у цей час німці почали артобстріл і снаряд влучив у цоколь гурівської будки. Тільки завдяки тому, що вона стояла на узвишші, а брат встиг упасти під цю гірку, його не вбило, а тільки злегка приглушило. Володі від батька добре тоді дісталось «на горіхи»! за ініціативу. «Хай вони пощезнуть, ті сухарі, кричав батько. – Не хватало ще, щоб тебе через них убило!»

Повинен визнати, що ті сухарі, принесені Володею, протягом того часу, коли ми сиділи в «щілині» (близько місяця) були чи не єдиним нашим харчем. До речі, наша квартирантка (хата у нас була на дві

половини через сіни) кацапочка Нацка умудрилась притаскати собі одинадцять мішків отих сухарів.

Потім сусіди бігали на завод «Петроль». Взагалі, це була артіль, яка виготовляла натуральну оліфу, сировиною для якої використовувалась соняшникова олія. Хтось цю величезну цистерну запалив і олія в ній горіла і кипіла. То якийсь із наших бійців у кількох місцях прострелив цей резервуар і люди набирали у відра пересмажену олію. Мама вже при німцях купувала цю олію. Хоч вона була і пересмажена, але для повторного смаження була придатна, хоч і віддавала шмаленим.

У цей час безвладдя люди ходили по заводах чи фабриках і відшукували якісь речі чи інструменти, що знадобились би в господарстві під час окупації. Проти Нижньодніпровського вокзалу був якийсь механічний цех. Звісно, що верстати було вивезено, але я, грішним ділом, приніс звідти два чи три шліфувальних круги, які в подальшому дуже знадобилися.

Все це відбувалось день чи два на тлі безвладдя і відчутних обстрілів німецької артилерії. Та незабаром фашисти перейшли через Дніпро і ми опинились у прифронтовій зоні.

МОЯ ПЕРША ВИРОБНИЧА ПРАКТИКА

Тут йдеться про моє перше керівництво виробничою практикою. Я працював на той час асистентом кафедри технології металів (тепер це кафедра матеріалознавства та обробки матеріалів) один рік. За плечима я мав досвід проходження практики двічі на заводі імені Артема (після II курсу і на переддипломній).

Мені було доручено влітку 1955 року керівництво практикою на заводі «Красный экскаватор» (м. Київ), на заводі дорожніх машин (м. Коростень) і на заводі «Строммашина» (м. Могильов, БРСР). Ці міста дістались мені тому, що вони були на одному географічному напрямі.

До Києва ми пливли на теплоході «Богдан Хмельницький». На той час на лінії Київ-Херсон це був найбільш комфортабельний теплохід. Його було збудовано в Угорщині і подаровано Україні на честь 300-річчя возз'єднання України і Росії. Я вжив займенник «ми», маючи на увазі не студентів, а мою дружину, з якою ми одружились на початку того ж таки 1955 року. Так що ця подорож замінила нам і весільну. Теплохід, на який ми піднялись, весь сяяв чистотою, полірованими горіховими стінками і новісінькими килимовими доріжками. Нам дісталась затишна двомісна каюта поруч із рестораном, на відвідини якого у нас, звичайно ж, грошей не було, але дещо ми в ньому замовляли. Від Дніпропетровська до Києва наш теплохід йшов, здається, добу, тоді як колісні («лапти») – дві доби.

Згідно з планом в перший день я відвідую завод «Красный экскаватор», видаю студентам (4 особи) індивідуальне завдання. Другого дня виїжджаю до Коростеня, з Коростеня – до Могильова і знов повертаюсь до Києва (дружина зупинилась у Києві і знайомилась з визначними місцями і театрами міста).

Більш пам'ятним залишилось перебування у Коростені. Може тому, що там була більш численна група студентів (9 осіб), а можливо і тому, що на заводі, де проходила практика, начальником механічного цеху був мій інститутський товариш Коля Коврига. На той час студенти-практиканти ДБІ всім складом увійшли до футбольної команди заводу і зразу ж повели перед у обласних змаганнях. Пам'ятаю, коли я з ними йшов по місту, так місцеві хлопчики кричали: «А це іде воротар, а той хавбек чи нападник». Мені студенти одразу розповіли про пам'ятні місця міста: річку Вуж, Ольжину купальню на ній і не обійшли стороною ресторан на скелях. Річка Вуж протікала в кам'яному руслі, а вода в ній дуже була м'яка.

На заводі була приємна зустріч з Колею Ковригою (а потім і у нього вдома). Я помітив, що мій товариш користується повагою і авторитетом серед робітників цеху.

Про зростання свого авторитету Микола розповів цікаву історію. Коли він, після закінчення ДІБІ, згідно з направленням, прибув на завод, його призначили начальником цеху. До цього часу цю посаду займав практик. У ті роки було урядом прийнято рішення, що таку посаду повинен обіймати спеціаліст з дипломом інженера. Коростень (Іскоростень, яке спалила княгиня Ольга, помстившись за свого чоловіка) – невелике місто (тоді мало близько 50 тисяч жителів). На заводі більшість керівних посад – від майстра до головного інженера – у той час займали працівники, які були пов’язані родинними узами: то брат, то кум, то сват. І звичайно, призначення молодого інженера, як кажуть, прийняли «в штики». Періодично робили щось, щоб принизити «вискочку».

Одного разу приходять майстер і говорить, що чомусь «барахлить» поздовжньо-стругальний верстат: стіл в один бік іде, а назад не повертається. Пішов я (каже Микола), заглянув, а підказати нічого не можу. Пам’ятаю, що у цих верстатах якась реверсивна система, чи то двигун-генератор, чи якась інша. Коли стіл вручну повернув у попереднє положення, він знову пішов і зупинився. Час підходив до обідньої перерви. «Перерва, подивимось після обіду», – сказав Микола. А сам швидко – в технічну бібліотеку, бере «Хаймовича» (ми вчили обробку різанням за його підручником «Металлорежущие станки»), – відкриваю розділ «Строгальные станки», але в чому причина, зрозуміти не можу. Сиджу і думаю. Коли раптом стук у двері, заходить молодий робітник і каже: «Я – слюсар-ремонтник, гадаю, що в одному з кінців верстата наклеєний папір на контакти перемикача руху. Тільки, прошу Вас, Ви ж мене не „продайте“».

Після перерви Микола запитав у стругальника, чи знайшли причину неполадки. Той сказав, що ні. Тоді Микола заглянув у щит управління, подививсь на запобіжники, покопався ще в чомусь, а потім сказав робітникам: «Штовхніть стіл назад і вимкніть струм». Підійшов до верстата і побачив, що в кінці прямуючих, на мідних контактах перемикача справді за допомогою мастила приліплені дві смужеч-

ки папіросного паперу. Микола артистичним жестом відчепив ці смужки і сказав «Пускайте!». І верстат запрацював, а стругальника Микола запросив до свого кабінету.

Вказавши йому на стілець, сказав: «Сідай і напиши, за чиєю вказівкою ти скоїв диверсію? Ти знаєш, скільки за час простою ти мав простругати прямуючих міноукладника?». На цьому верстаті справді виконувалось замовлення Міноборони СРСР, а КДБ ще діяв за берієвськими мірками. То ж слова про диверсію робітника злякали добряче. Він почав вибачатись, просити нікуди не повідомляти, бо то що було – просто жарт. З'явилися і сльози. «От про все це, – кажу, розповідає далі Микола, – ти і пиши, а там з'ясують, який це жарт!». Коли він пішов, я того папера, що він написав, сховав у сейф, а потім – розірвав. І ніяких згадок про цей інцидент.

Після цього пішла чутка, що молодий фахівець добре розбирається у верстатах, і його авторитет через те, що не «продав» підлеглого різко зріс.

Отаку історію розповів мені Коля Коврига, чудовий випускник нашого вузу.

Я виписав кожному студенту завдання і знову відбув до Києва. З числа тих студентів-практикантів мені запам'ятався Едік Делокас. Мабуть, через незвичне прізвище. Значно пізніше, коли я вже працював проректором, на одній із зустрічей випускників-механіків Левко Делокас (брат Едуарда і теж наш випускник), розказав, що Едуард працював начальником Північно-Кавказького ГУШОСДОРу та, на жаль, він рано помер.

Після цього доводилось керувати практиками у Луганську, Туапсе, Миколаєві, Херсоні і, звичайно ж, у Дніпропетровську, уже маючи значний досвід у цій роботі. Але перша практика назавжди залишилась першою, з її героями та подіями.

ТАТЬЯНА ШПАКОВСКАЯ

родилась в городе Кировграде Свердловской области (Россия). Окончила Днепропетровский государственный университет (филолог, литературовед). Более 35-ти лет моя жизнь была связана с театрами нашего города. С 1972 по 2008 год работала в должности заведующей литературной частью в Украинском музыкально-драматическом театре имени Т.Г. Шевченко, в Театре русской драмы имени М. Горького, в Театре юного зрителя и филармонии, а также – заместителем директора по творческой работе в Днепропетровском театре оперы и балета. Автор 10 книг, среди них – энциклопедия «Театры Днепропетровщины», в которой проведены исследования по развитию профессионального театра в Днепропетровске в течение 100 лет.

Написала и опубликовала более 1000 материалов в союзных, украинских, областных и городских СМИ. Публикации посвящены вопросам театрального, музыкального, изобразительного искусств. Во главу своих художественных исканий всегда ставила человека во всем многообразии и красочности его жизни. Поэтому жанры творческого портрета, искусствоведческой летописи были близки мне всегда и интересны.

Работая с 2008 года в качестве помощника ректора ПГАСА по связям с общественностью, занимаюсь разноплановой творческой деятельностью. Участвую в издании печатных работ ученых акаде-

мии, наборов художественных открыток «Краєвиди України», альбома открыток «Екатеринослав-Днепропетровск», сборника литературных произведений студентов и аспирантов «Без меж і відстаней» (2009), пропагандирую наш ВУЗ в выпусках специальных календарей (2009, 2010), а также организуя передачи на телевидении. Участвую в приглашении журналистов и освещении на разных телеканалах многочисленных мероприятий: пресс-конференций, презентаций, заседаний Ученого совета, кинофильма к 80-летию со дня основания академии, разноплановой международной деятельности.

Продолжаю летопись ПГАСА, публикуя на страницах киевских, днепропетровских СМИ, а также в газете «Молодий будівельник» статьи, репортажи, информации о многообразной насыщенной жизни академии. Три мои статьи опубликованы в сборниках научных трудов «Стародубовские чтения» (2009, 2010), в вестнике «Новини Придніпров'я».

И сегодня по-прежнему в основе моих интересов находится творческая личность. Теперь это чаще всего – педагог, ученый, их неординарность и своеобразие. Поэтому с удовольствием обращалась в течение двух с половиной лет к изучению работы в ДИСИ и ПГАСА профессоров И.Н. Гаврилова, Н.М. Ершовой, В.И. Ершова, Е.А. Егорова. Подготовленные мною статьи приняты к публикации в 7, 8, 9 томах «Современной Энциклопедии Украины» НАН Украины. Я – член Национального союза театральных деятелей Украины и Национального союза журналистов.

ВОСПИТАНИЕ ДОБРОМ И КРАСОТОЙ

Сегодня теле- и радиожурналисты, а еще политики, писатели, режиссеры, художники занимаются поисками положительного героя, героя своего, то есть нашего времени. И все сетуют: увы, кажется близко, вот он, а потом что-то не так или совсем не так... Если обратиться к далекому прошлому («Герой нашего времени» М. Лермонтова, XIX век) или к недавней истории («Если бы я был директором» рубрика «Литературной газеты», 1980-е годы), то можно убедиться в том, что позитивный герой нужен всегда. А вот кто он? Какой он? Поиски продолжаются и сегодня.

Герой моего очерка, наверное, никогда не задумывается над этим вопросом. Он просто живет в своем времени. Живет, отдавая всего себя избранному делу. Владимир Иванович Большаков – доктор технических наук, профессор, ректор Приднепровской государственной академии строительства и архитектуры, на своем посту – более двадцати лет. Он – человек внушительных размеров, внешне неспешный. В его движениях нет излишней суеты. Говорит ровным, спокойным голосом. И весь он такой вальяжный, выдержанный и чуть-чуть напоминает героя другого века, например XIX. Но все это внешнее благодушие, не меняясь по форме, совершенно отлично по содержанию. Владимир Иванович владеет и очень умело владеет своим временем. Он умеет, когда надо, превратить двадцать четыре часа в сутках в тридцать шесть часов.

После большого насыщенного трудового дня, после просмотра нескольких вечерних выпусков телевизионных новостей на разных каналах в кабинете Владимира Ивановича загорается свет настольной лампы. В вечерней тишине рождаются идеи новых монографий и учебников, решения задач для работ его аспирантов и докторантов. А еще он не просто читает свежие газеты и журналы, а обязательно заглядывает в произведения любимых авторов XIX и XX веков. Ночные

чтения – это не привычка, а сущая необходимость, его духовная подпитка.

А дальше начинается в 8.30 утра обычный рабочий день. С десятками встреч, с разбором почты, с решением многочисленных текущих дел, в которых проректоры, деканы, заведующие кафедрами, докторанты, аспиранты, студенты, представители многочисленных служб области, города и академии задают бесконечное количество вопросов. Они тут же получают ответы. И не просто ответы, а руководства к действию. При этом два мобильных и два городских телефона тоже не дают Владимиру Ивановичу «успокоиться».

Да, конечно, быть ректором одного из ведущих ВУЗов строительной отрасли Украины нелегко. И ответственность, и поиск, и выдержка, и умение принимать решения, и их выполнять непременно – все это присуще В.И. Большакову, ученому, педагогу, организатору и руководителю. Но ведь эти качества в той или иной мере характерны многим руководителям, скажете Вы, наш читатель, и будете правы. А в чем же необычность героя нашего очерка?

Она, эта необычность, в ауре, я бы сказала, в своеобразном большаковском обаянии. Думается, что древний афоризм «всему под солнцем есть свое место» точно характеризует многообразие жизненной палитры В.И. Большакова. Он не просто владеет временем, а как-то загадочно умеет его распределять. У него, действительно, всему находится место: научным исследованиям, работе с докторантами и аспирантами. Он первым узнает из Бюллетеня ВАК Украины об изменениях в оформлении библиографии к научным работам. Он много часов посвящает поискам новых форм учебного процесса. Особенная забота ректора – дипломное проектирование. Общая актуальнейшая тема: реконструкция так называемых пятиэтажек-«хрущовок». И дипломные проекты сегодняшних выпускников ПГАСА дают ответы на многочисленные вопросы: как сделать пятиэтажки новым и даже элитным жильем.

Еще один жгучий вопрос – пробные вступительные экзамены и независимое тестирование. С февраля под руководством ректора проходят «круглые» столы, пресс-конференции, где специалисты академии анализируют, размышляют, пытаются вникнуть и устранить возникающие вопросы и противоречия. Ректор считает совершенно нормальным постоянный поиск новых форм в системе образования. Часто сравнивает эти процессы с зарубежными аналогами. Здесь у него большой и разнообразный опыт долгосрочного плодотворного сотрудничества с учебными заведениями Великобритании (собственная стажировка), Франции, а теперь еще Швеции и Германии.

Но главная особенность его характера, как говорят теперь, его креативности – постоянное стремление к познанию красоты во всех ее проявлениях. Он много лет собирает книги, домашняя библиотека насчитывает несколько тысяч экземпляров. Самое счастливое время для него – походы в книжные магазины. Его привлекают книги по искусству, все жанры художественной литературы. Еще он собирает марки, старинные монеты, награды, каглинское литье. Особое место в коллекции занимают открытки с видами Екатеринослава XIX – начала XX веков. Его мечта – создать в Днепропетровске музей частных коллекций.

Когда-то А. Герцен написал: «Кто смог пережить, тот обязан помнить». Следуя семейным традициям (его дяди Кирилл и Анатолий Стародубовы увлекались историей Екатеринослава – Днепропетровска), профессор В.И. Большаков не только живет в своем времени, но и многое помнит. Он старается передать свои знания по истории Днепропетровщины молодым ее жителям. В соавторстве с Г.И. Гуляевым и В.С. Морозом написал и издал полемические очерки «А так ли это было?», а еще – двухтомник по истории Екатеринослава. В соавторстве с Г.И. Гуляевым выпустил альбом открыток «Екатеринослав – Днепропетровск: XIX – XX век». Альбом сразу привлек внимание прессы, а главное – читателей разных поколений. А еще его благодарная память ученика заставляет издавать книги, писать статьи,

проводить конференции о деятельности своих учителей: академика К.Ф. Стародубова, профессоров М.М. Жердина, Л.И. Тушинского, К.П. Бунина, Я.В. Гречного и многих других. Презентации таких изданий в зале Ученого совета ПГАСА превращаются в замечательно красивые праздники духовности. Здесь звучат романсы строителя и композитора М. Жердина. Здесь читают свои первые произведения юные поэты из литературной студии академии. Исполняет свои песни доцент В.И. Пантелеенко.

Почетные гости этих своеобразных островов духовности: мэр города И.И. Куличенко, профессор НМетАУ С.И. Пинчук, профессор НГУ В.Е. Пушкин, народный артист Украины, художественный руководитель театра русской драмы Ж.А. Мельников, артисты театра А. Мишин, Н. Амутных, солистка оперы А. Гаркуша, концертмейстер Г. Прудченко, музыканты инструментальных ансамблей «Престиж» и «Гармония» Днепропетровской филармонии в своих выступлениях отмечают оригинальность, содержательность и, главное, острую необходимость таких презентаций.

Художественные горизонты студентов архитектурного факультета ректор расширяет, издавая комплекты открыток «Краевиди України». Встречаясь со студентами, ректор дарит им комплекты открыток со словами: «Посмотрите, какой красивой, чистой и прекрасной выглядела наша земля в произведениях художников XIX – XX веков. Мы должны знать историю нашей страны и тогда сегодняшний день станет яснее и понятнее».

Ректор считает необходимым и поощряет студенческое творчество, живо интересуется театральными делами. В академии – три сценических коллектива: французский театр, английский театр и театр миниатюр, который неоднократно удачно выступал на международном студенческом фестивале «Рампа». А еще в строительной академии есть команда КВН, проводятся концерты «Студенческой весны». В текущем году ПГАСА получила гран-при этого смотра-конкурса. «Формировать энергию молодых важно сегодня на красивом и доб-

ром», – считает В.И. Большаков. Он никогда не устает сам создавать, искать, изучать. На его рабочем столе сегодня лежат рядом фолианты о музеях Парижа, сборники стихов любимых поэтов, исторические очерки и новая редакция монографии «Упрочнение строительных сталей». Своим молодым коллегам он советует: «Чтобы написать хорошую статью, необходимы хорошая бумага и красивая ручка. Тогда импульсы разума и сердца соединяются. И у вас все получится». Не взирая ни на что, он свято верит в это. И потому его обычный день наполнен необычными делами.

В осуществлении этих дел он всегда может опереться на свою команду. Ведь быть лидером – это еще уметь увлечь, объединить, сделать единомышленниками своих коллег. Его проректорский корпус состоит из шести человек. Профессор Н.В. Савицкий успешно работает над увеличением рядов кандидатов и докторов технических наук. Профессор А.П. Приходько, аксакал ПГАСА, ее выпускник, мудрый и все понимающий, занимается воспитательной работой. Недавно влившаяся по инициативе ректора профессор Н.И. Верхоглядова направляет в нужное русло беспокойное хозяйство – учебный процесс ВУЗа. Профессор Б.Н. Дикарев вот уже более двадцати лет развивает международные связи академии с ВУЗами Европы. Еще один ветеран ПГАСА, активный, энергичный, с острым чувством юмора проректор по административно-хозяйственной работе С.Л. Шостак. И, наконец, молодой активный, спортивный проректор по экономике, доцент И.В. Рыжков. Все они во главе с ректором не только профессионалы своего дела, они еще при всей непохожести и яркой индивидуальности объединены одним стремлением: каждый день, каждый час думать, искать, работать, как теперь модно говорить, над улучшением одного брэнда – «Приднепровской государственной академии строительства и архитектуры», которая отмечает свой юбилей, 80-летие со дня основания, 23 ноября 2010 года.

БЕСКОМПРОМИССНЫЙ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ

Ректор академии проф. В.И. Большаков в своих интервью, в выступлениях на конференциях, заседаниях Ученого совета, на разноплановых встречах со студентами не устает выделять два приоритетных направления в развитии современной высшей школы Украины. По мнению Владимира Ивановича, педагогика, учебный процесс, с одной стороны, и активное ведение научно-исследовательской работы с другой – эти два направления в деятельности любого вуза должны быть прочно взаимосвязаны. И лишь их постоянное синхронное взаимообогащение может привести к хорошему результату в подготовке настоящего специалиста. Поэтому, обращаясь к студентам, профессор Большаков все время рекомендует им заниматься наукой. Ректор настаивает: «Уже со второго-третьего курсов определите для себя, что вас интересует. Выберите кафедру, руководителя, и после учебных занятий начинайте работать в лаборатории. Ваша жизнь сразу станет интересной, наполненной. В ней появятся смысл и глубокое содержание».

Этой предлагаемой ректором схеме точно соответствует жизнь самого молодого д.т.н., профессора ПГАСА Владислава Валентиновича Данишевского. Следуя семейной традиции, он в 1991 поступил, а в 1996 году закончил учебу в ПГАСА. Маленький Влад еще в детстве хорошо освоил аудитории и коридоры ДИСИ, когда приходил на работу к папе, доценту кафедры теплотехники и газоснабжения Валентину Петровичу Данишевскому. Да и мама, Алла Николаевна, окончила ДИСИ, и работала в управлении строительства и архитектуры Днепропетровской облгосадминистрации.

Так что с определением профессии и вуза у Влада сомнений не было. ДИСИ и только ДИСИ. Его студенческая жизнь была захватывающе интересной. Почти сразу он увлекся научной работой. Под руководством профессора И.В. Андрианова окунулся в исследования в области механики твердого тела. За время учебы студент Данишев-

ский подготовил пять публикаций по результатам своих исследований. Выступил на двух международных конгрессах в Москве (1994 и 1996) Его работа была награждена международным студенческим грантом Международной Соросовской программы поддержки образования в области точных наук.

Успехи студента были замечены и после окончания учебы, в 1996 году его оставили на кафедре отопления и вентиляции в качестве стажера-преподавателя. А затем осенью этого же года Владислав успешно сдал экзамены и стал аспирантом. Его научным руководителем был профессор И.В. Андрианов. Работая увлеченно и интенсивно, В.В. Данишевский досрочно написал и защитил в 1999 году кандидатскую диссертацию. А в 2000 году стал доцентом своей кафедры. К этому времени у молодого преподавателя и ученого было уже опубликовано 28 научных работ, причем 9 из них уже после защиты диссертации.

География его выступлений на международных конференциях и семинарах постоянно расширялась. Продолжая активную научную деятельность, В. Данишевский выступал с докладами в Латвии, Германии, Польше, Франции, России, Люксембурге. Его работы были отмечены стипендией, а затем и грантом НАТО. Он побывал на стажировке во Франции и Германии. При этом Владислав Валентинович активно участвовал в жизни родной академии, избирался председателем совета молодых ученых, членом профкома. В 1999 году получил премию Президиума НАН Украины за лучшую серию научных работ молодых ученых. А затем продолжил свои изыскания и поступил в докторантуру.

Его научные акценты сместились в область металловедения. Научным консультантом по докторской диссертации В.В. Данишевского стал профессор В.И. Большаков. Под его руководством в 2008 году Владислав Валентинович успешно защитил в 34 года докторскую диссертацию. Увлеченность профессией, необыкновенная работоспособность, целеустремленность, собранность и организованность помогли

Владиславу Валентиновичу Данишевскому достичь огромных успехов.

Но он по-прежнему не останавливается ни на минуту. Читает лекции, работает с аспирантом Е. Кушнеревым, активно занимается с магистрами, разрабатывая тематику – энергосберегающие системы отопления и теплоснабжения. А еще он в этом году сделал интересный доклад на английском языке на конференции, которую организовала кафедра иностранных языков (заведующая кафедрой Н.И. Шашкина).

Его статьи опубликованы в материалах конференции «Стародубовские чтения», а также еще в нескольких отечественных и зарубежных научных журналах. Сегодня он занят подготовкой международной конференции на базе ПГАСА с участием ученых из Германии. Не сомневаясь и не растрчиваясь на мелочи, В.В. Данишевский каждый день и час делает своё любимое дело и потому живет увлеченно, со вкусом, полноценно, заражая студентов, коллег, родителей, жену и даже маленькую дочку своим негромким, но стойким оптимизмом.

ЮБИЛЯРУ НА ПАМЯТЬ

Дорогу осилит идущий. Думается, что это широкоизвестное изречение из собрания древнеиндийских гимнов «Ригведа» может служить эпиграфом к биографии доктора технических наук, профессора, заведующей кафедрой Прикладной математики Нины Михайловны Ершовой. Ковер жизни этого человека выткан из часов напряженной многолетней работы сначала по обретению знаний (школа, институт), затем по глубокому их освоению и развитию (аспирантура и докторантура), а теперь по передаче студентам, аспирантам, молодым коллегам-преподавателям своих обретенных научных накоплений.

Для Нины Михайловны Ершовой элемент поиска всегда был главным стимулом. Еще во времена учебы в сельской школе в Карагандинской области юная Нина (тогда Абрамова) старалась каждый день, на каждом уроке узнать, понять, досконально изучить все, что говорилось учителями. Она окончила школу с серебряной медалью, а

затем – Институт инженеров железнодорожного транспорта в Ростове-на-Дону. Как вспоминает Нина Михайловна, успехами в учебе она обязана в первую очередь своей маме. Эта мужественная и мудрая женщина, после гибели мужа на фронте в 1942 году, одна воспитывала двух дочерей. Вернувшись с колхозного поля после тяжелого трудового дня, она не уставала повторять: «Отличная учеба для вас, доченьки, – главный путь в жизни».

Следуя заветам мамы, Нина Михайловна Ершова настойчиво, проявляя чудеса терпения и выдержки, идет сложной дорогой ученого и педагога. Ее сегодняшний багаж состоит из успешно защищенных кандидатской и докторской диссертаций, 160-ти опубликованных научных трудов, 30-ти разработанных курсов лекций, прочитанных в 14-ти ВУЗах. В сорока семилетней трудовой деятельности Нины Михайловны особое место принадлежит Приднепровской академии строительства и архитектуры.

С 1981 по 1987 год Н.М. Ершова работала доцентом на кафедре Прикладной математики ДИСИ. Ее лекции были интересными и содержательными, поскольку она стремилась разнообразить форму подачи изучаемого материала, вовлекая студентов в процесс совместного поиска. Параллельно с педагогической деятельностью Нина Михайловна вела научные исследования, писала докторскую диссертацию. Невзирая на большую занятость, она успевала активно участвовать в общественной жизни института, была парторгом кафедры, успешно занималась профсоюзной работой, в 1983–1987 годах на общественных началах исполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой. По словам Нины Михайловны, это было замечательное время в ее жизни: все удавалось, все складывалось.

Для завершения исследований по докторской диссертации Нине Михайловне потребовалось уехать в Белоруссию. Здесь, в Белорусском государственном институте инженеров железнодорожного транспорта, она в 1989 году защитила докторскую диссертацию, в 1990 году ей было присвоено звание профессора, в 1994 году она ста-

ла заведующей кафедры «Вагоны и вагонное хозяйство». Проработав в этом качестве до 1998 года, Нина Михайловна, следуя своей беспоконной научной звезде, перешла на работу в Государственную летную академию Украины (г. Кировоград), где до 2000 года заведовала кафедрой Технической механики.

Но где бы Н.М. Ершова не работала, ей все время вспоминался счастливый период жизни в Днепропетровске, в ДИСИ. И, приехав летом 2000 года в отпуск, она узнала об объявлении конкурса на замещение вакантной должности заведующего кафедрой Прикладной математики. Не сомневаясь и не раздумывая, подала документы для участия в конкурсе. Ее в этом намерении активно поддержали ректор Приднепровской академии строительства и архитектуры, профессор В.И. Большаков и проректор, профессор А.П. Приходько.

Она вернулась на родную кафедру. Теперь вся ее жизнь без остатка принадлежит работе в академии. За 9 лет кафедра Прикладной математики увеличилась с 12 сотрудников до 20, из которых 17 представляют профессорско-преподавательский состав. Нина Михайловна постоянно стремится не только к совершенствованию научно-педагогического процесса на кафедре, но и мечтает о новых глобальных изменениях.

Мечты Н.М. Ершовой совпадают с генеральной линией развития ПГАСА, которую проводит ректор В.И. Большаков. На всех заседаниях Ученого совета Владимир Иванович говорит о необходимости открытия новых специальностей в академии. И Нина Михайловна со своими коллегами: кандидатом технических наук Е.В. Запорожец и Ю.А. Гнатовской разрабатывают документацию для открытия бакалаврата «Компьютерные науки». Эта специальность позволит кафедре Прикладной математики стать выпускающей. Нина Михайловна мечтает общаться со своими студентами не только на первых курсах, но и до выпуска их из академии с дипломами престижной, востребованной в обществе профессии.

В день юбилея, с наступлением возраста мудрости и научной зрелости, хочется пожелать Нине Михайловне Ершовой здоровья, успехов и талантливых учеников.

ЭССЕ О СУДЬБЕ

Судьбу и конем не объедешь. Это выражение я часто слышала в детстве от моей бабушки – Елены Ефимовны Логиновой. Она родилась в конце позапрошлого века. Детство и юность ее прошли, как она потом всегда говорила, в Питере. Оттуда она уехала с моим дедом, офицером, выпускником военного медицинского училища на войну (Первую мировую). Бабушка прожила очень нелегкую долгую жизнь. В ее устах слово «судьба» не носило фатального оттенка, а скорее звучало несомненно и определенно: «У каждого своя судьба».

Второй раз я совсем недавно столкнулась с выражением «от судьбы не убежишь» в диалоге с моим отцом – Жендринским Андреем Павловичем. Он более 45-ти лет проработал в Днепропетровском горном институте и без работы на кафедре не мыслил своего существования. А я, окончив аспирантуру в Днепропетровском государственном университете, не осталась на кафедре, а с огромным энтузиазмом перешла на работу в Днепропетровский украинский театр имени Т.Г. Шевченко в качестве заведующей литературной частью. Отец, узнав об этом, сказал эту, теперь определяющую для меня фразу: «От судьбы не убежишь, в институт ты все равно вернешься».

Судьбоносные слова моих родственников я вспомнила через 40 лет, совсем недавно и удивилась их прозорливости. Несколько дней назад, разбирая газетный архив с моими публикациями разных лет, неожиданно наткнулась на свою статью в газете Днепропетровского строительного института «Молодий будівельник» 1982 года. В этой статье я рассказывала о репертуаре Днепропетровского театра оперы и балета (тогда я уже работала в этом театре) и приглашала студентов ДИСИ к нам на спектакли.

Сидя над газетой 1982 года, я сразу вспомнила, какой интересной тогда была та встреча театра и института. Студенты и преподаватели полностью заполнили зрительный зал, внимательно смотрели балет А. Адана «Жизель». А затем по доброй традиции того времени остались на так называемую зрительскую конференцию, во время которой проходило бурное, заинтересованное обсуждение увиденного. Я по долгу службы вела это обсуждение на сцене, отвечала на многочисленные вопросы о композиторе А. Адане, о наших артистах балета, о специфике их работы.

От этой встречи 1982 года мостик моей судьбы перекинулся в 2007 год, в зал Днепропетровской филармонии, где я вместе со студентами ПГАСА слушала концерт симфонической музыки в исполнении оркестра под руководством главного дирижера Натальи Пономарчук. А затем, выйдя после концерта и ожидая трамвай, я увидела совершенно потрясающую картину. Студенты плавно кружились в танце под звуки знаменитого вальса П.И. Чайковского из балета «Щелкунчик», только что прослушанного ими и записанного на несколько мобильных телефонов. Этот яркий эпизод я описала потом в книге, посвященной 70-летию творческой деятельности филармонии. Предисловие к ней написал профессор В.И. Большаков и я подарила авторский экземпляр библиотеке академии.

Но судьба и дальше настойчиво вела меня к ПГАСА. Работая в оперном, я неоднократно принимала участие в Днепропетровской областной научной библиотеке в совместных презентациях книг: моих, рассказывающих о деятельности днепропетровских театров, и А.Ф. Стародубова, В.И. Большакова, Г.И. Гуляева, А.К. Фоменко, посвященных истории нашего города. И, наконец, участвуя вместе с концертмейстером Г. Прудченко и солисткой оперы А. Гаркушей в презентации книги, изданной под общей редакцией В.И. Большакова, о М.М. Жербине, инженере-строителе и композиторе, в зале Ученого совета академии, я получила приглашение ректора работать его помощником по связям с общественностью.

Тут я и вспомнила о бабушке, папе и их предсказаниях: «Судьбу и конем не объедешь, будешь ты работать в ВУЗе». Сегодня я благодарна своей судьбе, что она сделала такой резкий поворот. Мне нравится утром, идя по коридору, встретить профессора С.И. Нейковского, который всегда остроумен, бодр и нацелен на работу. Мне нравится догонять проректора А.П. Приходько, который не идет, а летит, мчится, стремительно шагает в свой кабинет на втором этаже. А еще меня радует и поражает многоплановость встреч в секретариате Ученого совета с профессорами академии: с очень серьезным, собранным Г.Г. Кривчиком, мягкими интеллигентными Н.М. Ершовой, Е.А. Егоровым, В.Н. Деревянко, Л.А. Хмарой, А.В. Челноковым, Н.И. Гавриловым, Л.С. Савиным, В.И. Харченко, Ю.В. Орловской, В.В. Данишевским, С.А. Щербаком. С ними мы обсуждаем готовящиеся публикации в газете «Молодий будівельник». Да-да, в той же газете, что и в 1982 году – вот, она – судьба! А мои художественные интересы обогащаются разнообразной издательской работой под руководством ректора В.И. Большакова по выпуску книг, альбомов, календарей, наборов открыток, посвященных истории академии, нашей страны и родного города.

Время летит стремительно. Вот уже 3-й год работаю в академии. И каждый день дарит новые встречи, новые планы, сложные, но всегда выполнимые задачи. А в ночной тиши не перестаю удивляться своеобразием, многогранности студентов, аспирантов, преподавателей, всех сотрудников академии, знакомясь с их материалами для литературных сборников, которые выпускаются к 80-летию академии.

*ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГОСТИНАЯ
ДРАМАТУРГИЯ*

ЕКАТЕРИНА ПРОКОФЬЕВА

родилась в Днепропетровске. Начинала свою профессиональную биографию в ДИСИ, в библиотеку которого попала по распределению после окончания училища культуры. В шутку называю себя выходицей из ПГАСА. Потом были институт, аспирантура, защита диссертации, свыше пятидесяти научных работ, среди которых две монографии. Кандидат филологических наук, доцент, преподаю в Национальной металлургической академии Украины, в прошлом году закончила докторантуру в Днепропетровском национальном университете имени О. Гончара. Считаюсь специалистом в области изучения драматургии. Вот, решила попробовать каково это: создавать образы посредством диалогов и монологов. Тема моя пришла ко мне сама, идея тоже. Впрочем, ниже написано, как это происходило...

КАНОПА И...

Lesedrama-хронограф

Действующие лица:

Кошка Канопа (затем Канопа Рюриковна), называемая также Нопа, Пея, Пуся, Буся, Котей, Сябака, Зверий, Немножко Зайчик и пр. – звериная царевна, старшая сестра льва, царя зверей.

1-я Счастливая кошководелица Канопы Рюриковны, звериной царевны (дочь).

2-я Счастливая кошководелица Канопы Рюриковны, звериной царевны (мать).

Кот Пуша – звериный царевич, супруг Канопы Рюриковны.

Василиса Пушьевна – звериная царевна, старшая дочь Канопы и Пуши.

Мурка Пушьевна – звериная царевна, средняя дочь Канопы и Пуши.

Бастет (Бася) Пушьевна – звериная царевна, младшая дочь Канопы и Пуши.

Таурт (Тася) Тимофеевна – звериная царевна, дочь Бастет.

Счастливые Басевладельцы (муж и жена).

Сосед счастливых Басевладельцев.

Коллега по работе 1-й Счастливой кошководелицы Канопы Рюриковны.

Действие первое

Явление первое.

Конец сентября. Канопе между 1,5 и 2 месяцами.

Канопа и 1-я Счастливая кошководелица.

Подъезд большого дома, девятый этаж, лифт, вечер. Канопа (в образе сверхмаленького кошачьего) сидит, будущая 1-я Счастливая кошководелица выходит из квартиры.

1-я Счастливая кошководелица (увидев сверхмаленькое кошачье, берет его на руки). Это ж надо, какой ты у меня некрасивый, котенок.

Канопа (поет).

Радуйся, дорогой мой котовладелец!

Бог послал тебе счастье: котенка –
Меня.

Входят в квартиру.

Затемнение.

Явление второе.

Тогда же.

Те же и 2-я Счастливая кошковладелица.

В квартире. Кухня. 1-я Счастливая кошковладелица режет сосиску и ставит блюдо перед Канопой. Та пытается есть, но сосиска выпадает изо рта.

2-я Счастливая кошковладелица. Смотри, у него – «дырявый» рот.

Канопа (*обиженно*). Просто я такая маленькая, что всякий даже самый маленький кусочек для меня – велик.

1-я Счастливая кошковладелица (*опускается на корточки и подставляет ладонь под «дырявый» рот, поймав очередной выпавший кусочек, разделяет его на более мелкие части и вкладывает обратно*). Вроде, целый. Из зубиков – только клычки, тоненькие, прямо иголки.

Канопа (*подумав, для удобства кормления ее 1-й Счастливой кошковладелицей пересаживается на табуретку возле стола*). Только ты меня еще поглаживай (*подставляет голову*), это полезно для пищеварения.

1-я Счастливая кошковладелица охотно гладит подставленную голову.

Затемнение.

Явление третье.

На следующий день.

Те же.

Та же кухня утром. Канопа лежит посредине кухни в солнечном луче. 2-я Счастливая кошковладелица готовит завтрак.

1-я Счастливая кошковладелица (*входит. Канопа, увидев ее, радостно приветствует беззвучным открыванием рта*). Солнышка моя, ты меня узнала, ты меня приветствуешь!

2-я Счастливая кошковладелица. Ты знаешь, он ничего не говорит, только рот открывает. Может, у него горло передавлено?

1-я Счастливая кошковладелица (*наклоняется над Канопой, гладит*). Думаю, лишних слов не тратит. И так все понятно.

К а н о п а. В нашем роду вообще-то все немногословные. А когда выразительного кошачьего взгляда не достаточно, доходчиво растолковывают красноречивой когтистой лапой! (*Тянет лапочку, хочет показать, но оказывается, что еще не умеет выпускать когти.*)

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а (*берет вытянутую лапочку в свою ладонь*). Нопочка, а где же когти?

К а н о п а. Ну, это еще потренироваться надо! Обои там, ковры, диваны, что еще у нас есть?... Мало не покажется, не волнуйтесь.

Счастливые кошковладелицы задумываются.

Затемнение.

Явление четвертое.

Спустя три дня.

Канопа и 1-я Счастливая кошковладелица.

Осень усугубилась, в квартире стало прохладно.

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а (*надевает кроличий жилет мехом внутрь, подпоясывается, засовывает щуплое Канопелье тело себе за пазуху*). Иди сюда, моя чуда, тебе будет тепленько.

К а н о п а (*тут же выпрыгивает на пол, делает полшага, замирает в секундном размышлении, возвращается за пазуху кошковладелице*). Это должно быть мое решение, а не твое. (*Умачивается за пазухой удобнее.*)

Затемнение.

Явление пятое.

Недели через две.

Те же.

1-я Счастливая кошковладелица сидит в кресле и разговаривает по телефону. Канопа сидит на ковре перед телевизором и наблюдает снукер.*

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а (*в трубку*). Появился новый член семьи. День пришествия не записали, будем отмечать 30 сентября. (*Пауза.*) Маленький, помещается в две ладони. (*Пауза.*) Сначала думали, что кот, потом опознали, что кошка. (*Пауза.*) Канопа. (*Пауза.*) Пока мы считали ее котом, то знакомые говорили, что это – женское имя. Я отвечала: Антипа или там Никита – имена мужские, а Канопа, значит, – нет?.. Теперь почему-то говорят, что Канопа – имя мужское. Европа или Каллиопа – женские, а Канопа – мужское?.. (*Пауза.*)

* Разновидность бильярда, игра с шарами.

Канопа, увлеченная происходящим в телевизоре, подходит ближе, забирается на тумбочку, пристально изучает движение шаров.

Вообще, Канопа – дух-покровитель домашнего очага у индейцев кечуа. Тотемное божество, пола не имеет. Его в образе камня почитают: найдут каменюку неправильной формы, тащат в дом и почитают. *(Пауза.)* Мех серый, даже не серый, цвета сгоревшего табачного пепла. *(Пауза.)* Из тела торчат длинные волосинки. Прямо мягонький дикобразик. *(Пауза.)* Ноги большие, прыгучие, совершенно не пропорциональные телу. Если б уродилась человеком, была б знатная легкоатлетка: прыжки в высоту или в длину. *(Пауза.)* Ага, симбиоз Инессы Кравец и Стефки Костадиновой *(смеется)*.

Канопа поняла, что шары движутся внутрь телевизора. Решает, что они должны выкатиться со стороны противоположной экрану. Огибает телевизор, чтобы их ловить.

Думали: ласковая животная. Оказалось, что коготья выпускать не умела. *(Пауза.)* Вместо хвоста – шнурок от ботинка висит, длинный и черный. Мама недавно наступила не него и поймала себя на мысли: странный провод какой-то, откуда он тут взялся. *(Пауза.)*

Канопа, которая не дождалась выкатившегося шара, возвращается к экрану, проверяет: та ли передача. Убеждается, что та же, делает еще одну попытку поймать шар с «тыльной» стороны телевизора.

Говорит, что сама соскочила с криками, а Канопа продолжала спокойно лежать. *(Пауза.)*

К а н о п а *(разочарованная выходит из-за телевизора, интерес к снукеру явно потерян)*. М-да, прямо – «магия кина».

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а *(продолжает в трубку)*. Какая порода, сказать сложно: документов при ней не было, только блошки и усы в пыли. Я ее нашла, когда шла мусор выносить *(размышляет)* – значит, мусорная. *(Пауза.)*

Канопа, увидев вялую осеннюю муху, начинает за ней гоняться. Делает попытки сбить муху на лету лапой.

Явно домашняя. Когда ложится спать может не умываться, одна оставаться очень не любит. Вообще – публичная кошка, любит общество и чтобы на нее обращали внимание. *(Пауза.)* Когда прихожу: уже у дверей сидит, как собака. *(Пауза.)* Все время играет. По гороскопу Лев – Обезьяна. Будет активная до глубокой старости.

Муха садится на оконное стекло. Канопа делает безуспешные попытки прижать муху к стеклу, но все время выпускает ее между пальцев.

Ест только с руки, далеко не все. Можно проверять какого качества икра или сколько в колбасе мяса. *(Пауза.)* Конечно, разбирается: это ж эксперт-пищевик. У нее и ее предков опыт работы по специальности – десять тысяч лет. *(Пауза.)*

К а н о п а *(отчаявшись справиться с мухой, горестно)*. Мя!

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а *(не отрываясь от телефона, встает, берет мухобойку, оглушает муху, та падает на подоконник)*. Ну да, столько кошки прожили с человеком. Это раньше считалось: что только с тех пор, как появились государства и государственные зернохранилища *(возвращается в кресло)*.

Канопа, недолго пронаблюдав ползание прибитой полуживой мухи, съедает ее с явным удовольствием.

Недавно раскопали какую-то могилу на Крите, что ли: там счастливый котовод был похоронен вместе с кошкой. *(Пауза.)* Датировали десять тысяч лет.

К а н о п а *(забирается к 1-й Счастливой кошковладелице на колени, напевая народную кошачью песню «Котовода тело»)*.

Лучшая лежанка – тело котовода.

Лучшая защита, лучшая опора,

Лучшее подспорье в бытии кошачьем –

Котовода тело.

А как же иначе?

(умащивается, собирается вздремнуть).

Тело котовода обогреет в стужу,

Подсадит повыше, если будет нужно,

Щадя мои ножки, понесет на ручках...

(пение затихает, переходит в неразборчивое урчание).

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а *(в трубку)*.

Подкинули на девятый этаж. Подумали: дом большой кто-то возьмет. *(Пауза.)* Из помета такое вряд ли кто-то бы выбрал, на редкость некрасивый котенок. Морда – узкая, длинная, прямо собачья *(бережно оглаживает «собачью» морду)*. Шейка тоненькая. Это можно взять, только если подкидыш.

К а н о п а *(сквозь дрему)*. «Подкинули», «подкидыш»... Много ты в жизни понимаешь! Я тебя выиграла в лотерею. У Бога. Меня принесли для вручения приза *(сладко потягивается)*. Интересно, а что делают сейчас те, кто взял свои выигрыши деньгами?.. *(Окончательно засыпает.)*

Затемнение.

Явление шестое.
Спустя три дня.
Канопа одна.

Она, занимая активную жизненную позицию, нескучно проводит уже не первый час на большой площади из двух поставленных вместе кроватей: ищет другой выход из пододеяльника, проверяет, что находится под простыней, нападает на «мышь» из скомканной бумаги, просовывает в щель между кроватями стержень от шариковой ручки, прячет карандаш под подушку и т. д. Своими занятиями Канопа поглощена всецело, делает их добросовестно и с азартом. За окном показывается немаленькая воронья стая, слышно карканье и хлопанье крыльев.

Канопа (устремляя изумленный взгляд в сторону окна, замирает, все остальные занятия исчезают, неподвижно сидит все то время, пока летят вороны). Наверное, мое призвание – орнитология?..

Затемнение.

Явление седьмое.
Где-то через месяц.
Канопа и 1-я Счастливая кошковладелица.

Те же кровати. Ночь. На одной из них, прикрыв нос хвостом, уже значительно улучшившимся, а не инуроподобным, сладко спит Канопа. На другой не может заснуть ее 1-я Счастливая кошковладелица, переворачивается с бока на бок, мечется, ерзает, отгоняет мрачные мысли.

1-я Счастливая кошковладелица (погладив меховой бублик, вздыхает). Сама так спишь.

Канопа (подумав несколько минут, открывает глаза, встает, начинает прохаживаться по своей 1-й Счастливой кошковладелице, как по дороге, лижет ей лицо, уминает грудь, укладывается так, чтобы всей мордой прижаться к ее шее и подбородку. Поет).

Засыпай, мой любимый котовладелец.

Я спою тебе колыбельную песню.

Расскажу про наш славный кошачий род:

Про себя-умницу – кошечку домашнюю;

Про братца моего родного – котика камышового;

Про котика в пятнышках – леопардика;

Про котика с мощным торсом – снежного барсиньку;

Про котика с собачьей лапой – гепардушку;

Про котика Зоркие Глазки – рысика;

Про котика Чуткие Ушки – сервалушку;

Про котика в полосочку – тигрика;

Про котика с гривой – левушку –

Царя зверского, братца моего младшего...

1-я Счастливая кошководелица засыпает, Канона, поняв, что миссия выполнена, перекладывается ей под бок.

Затемнение.

Явление восьмое.

Еще спустя месяц.

Те же и 2-я Счастливая кошководелица.

Кухня. Обе счастливые кошководелицы сидят за столом, едят. Присакивает Канона и запрыгивает на табуретку между ними – тоже садится «к столу».

1-я Счастливая кошководелица (*расплывшись в улыбке*). Пришел мой зайчик.

2-я Счастливая кошководелица (*с интонацией отрицания*). Это – котик.

1-я Счастливая кошководелица (*дает Каноне морковь из супа, та ест*). Немножко зайчик.

2-я Счастливая кошководелица (*интонация отрицания усиливается*). По-моему, это – котик.

1-я Счастливая кошководелица (*дает Каноне капусту из супа, та ест*). Ну, немножко же зайчик.

2-я Счастливая кошководелица (*с давлением на слова*). Котик это.

Канона, завидев пучок укропа и петрушки, шевелит чуткими ноздрями, а потом направляет морду в ту сторону стола, откуда учуяла приятный запах. Запрыгивает на стол, вытаскивает из пучка петрушку, начинает жевать.

1-я Счастливая кошководелица (*с победным удовлетворением*). Я ж тебе говорю, что это – зайчик!

Канона (*перекидав всю петрушку на пол, катается в ней*). Может, я действительно, заяц?.. Того гляди – уши разрастутся...

Затемнение.

Явление девятое.

Еще спустя некоторое время.

Те же.

Комната со шкафом типа гардероб. Сначала никого. Шкаф закрыт. Затем изнутри приоткрывается его дверца, показываются чуткие кошачьи ноздри, потом голова. Канона оглядывается по сторонам, убеждается, что в комнате никого нет. Скрывается в шкаф. Появляется снова, держа в зубах солидный клубок ниток. Вылезает из шкафа, идет по комнате, выходит в коридор.

1-я Счастливая кошковладелица заворожено наблюдает за Канопой, которая за счет высоких ног несет клубок, значительно превышающий по размерам ее голову и составляющий примерно половину тела. За клубком тянется длинная нитка, затем недовязанный носок и воткнутые в него спицы.

2-я Счастливая кошковладелица (выбегает). Она опять утатила бабушкино вязание. Та его накрывала подушкой – Канопа находила, теперь забралась в шкаф (вынимает из Канопино рта клубок, сматывает нитку). Надо положить на место, пока бабушка не вернулась (уходит в комнату).

Канопа (разочарованно). Так значит.

1-я Счастливая кошковладелица. У них, у представителей звериного царского рода тяга к шарообразным предметам. Ты видела, как львов изображают, катающих шары? Это ж, вроде, – держава.

Канопа. О, как значит (подходит к стене, начинает точить когти об обои).

2-я Счастливая кошковладелица (из комнаты). Буся, у тебя есть «дралка»?

Канопа (продолжая увлеченно драть обои). У меня есть две «дралки»: синтетическая, как палас из магазина, и естественная – из дачной абрикосы.

2-я Счастливая кошковладелица (также). Буся, у тебя есть совесть?

Канопа (не меняя позы, явно наслаждается моментом). Ну, какая у меня может быть совесть, я же – кошка!

Затемнение.

Явление десятое.

Месяца через два.

Те же.

Счастливые кошковладелицы входят в комнату. Кажется, что в ней никого нет, однако затем они замечают хвост, свисающий между задернутыми занавесками.

1-я Счастливая кошковладелица (показывая на хвост). Я теперь частенько вижу такую картину. Даже сочинила танку в подражание японским мастерам.

Смотрю: свисает хвост кошачий.

Присматриваюсь: вовсе не кошачий хвост,

А хвостинька Канопочкин.

Хочу погладить хвостиньку,

Но ощущаю зубочки.

Размерчик, конечно, подкачал, но зато жизненность и психологическая достоверность, по-моему, переданы верно. Одна моя знакомая – кандидатица филологических наук и тоже знатная филинофилия – говорит, что очень жизненно: зубочки так и чувствуются. Сейчас тебе продемонстрирую (*направляется к хвосту*).

Хвост неожиданно начинает ходить из стороны в сторону, описывать угол в 300° и, подобно плетке, лупит по занавескам.

2-я Счастливая кошковладелица (*наблюдая движения хвоста*). Охотится.

1-я Счастливая кошковладелица (*заглядывает за занавеску*). Ну, чё там?

Каноп а (*показывая голубя, сидящего на карнизе*). Понимает, что я не могу его достать и дразнится! (*Бьет лапочкой по стеклу, голубь улетает.*) У, гадкая птица – крыса с крыльями!

Затемнение.

Явление одиннадцатое.

Еще спустя некоторое время (июнь).

Те же.

Каноп а катается по полу. Счастливые кошковладелицы стоят над ней, рассматривают.

2-я Счастливая кошковладелица. Слушай, она у нас ничем не отравилась? Смотри, как странно катается.

1-я Счастливая кошковладелица. Она уже два дня так катается. Но каких-то признаков нездоровья я не вижу.

Каноп а. Ну, так выдавайте меня замуж!

Обе Счастливые кошковладелицы вздыхают.

Затемнение.

Действие второе

Явление первое.

Апрель следующего года.

Каноп а, 1-я Счастливая кошковладелица, потом Пуша.

Прошло несколько месяцев, прежде чем были найдены котовладельцы, желающие, чтобы их любимец продолжил свой славный род, и кот, способный жениться. Коридор той же квартиры. Звонит телефон.

1-я Счастливая кошковладелица (*снимает трубку*). Да. Да. Да. Выхожу (*берет Канопину катоноску. Уходит*).

Привлеченная странными манипуляциями с котоноской из комнаты выходит Канопа. За прошедшее время она превратилась в большую красивую кошку. «Собачья» морда оделась в щеки, гигантские задние конечности – в брюки-юбку, тоненькая шейка – в бармы, шнуроподобный хвост сделался особенно выдающимся местом – солиднейшим опахалом, которым можно укрываться в холода, как пледом. Все когда-то щуплое тельце покрылось равномерным густым и длинным мехом, приятного серебристо-серого, а местами молочного цвета, в который так и хочется запустить пятерню.

К а н о п а (*настороженно смотрит на входную дверь*). Чё случилось-то? (*Садится в отдалении от двери, но так, чтобы держать ее в поле зрения.*)

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а (*входит, ставит на пол котоноску, открывает крышку*). Нопа, смотри: жених твой – Пуша, звериный царевич, как и ты.

Из котоноски показывается черная голова, которая начинает озираться по сторонам. Канопа подходит к Пуше, чтобы его поприветствовать путем «носик-носик». Но тот неожиданно отклоняет голову и Канопин нос попадает ему в ухо.

П у ш а. Ой! (*Выпрыгивает из котоноски, убегает в комнату, забивается там под кресло*).

Оказывается, что кот огромный, толстый, с длинным, совершенно черным мехом, только возле уха и на боку у него – несколько беленьких шерстинок, как будто кто-то мазнул Пушу корректором.

К а н о п а (*в недоумении провожает Пушу взглядом*). Чё за жених пошел? Это я не понравилась или он жениться раздумал?

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а. Ну, что ты, Нопочка! Как ты можешь не понравиться! Ты такая красавица!

К а н о п а. Трус что ли? Тогда зачем ему жениться?

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а. Просто Пуша должен освоиться, завязать с тобой отношения. А пока ему тут все не знакомо.

К а н о п а. Ладно. Пока он освоится, ты меня покорми – психологически пореабилитируй. А то я изпереживалась вся.

*Канопа и 1-я Счастливая кошковладелица идут на кухню.
Затемнение.*

Явление второе.

Через два дня.

Канопа и Пуша.

Канопа вбегает на кухню, за ней – Пуша. Канопа быстро и с видимой легкостью запрыгивает на табурет, оттуда – на стиральную машину, оттуда –

на холодильник. Грузный Пуша следует за ней. Заметны его усилия, чтобы не отстать.

К а н о п а (*Пуше, взгромоздившемуся на холодильник*). А я тебе разрешала сюда забираться?

П у ш а (*безропотно спускается с холодильника на стиральную машину, затем ложится на табуретку, пожирает Канопу влюбленным взглядом, постанывает*). У, у, у.

*Канопа поворачивается к нему боком, демонстративно ложится спать.
Затемнение.*

Явление третье.
Следующий день.
Те же.

Повторяется ситуация вчерашнего дня. Канопа проделывает тот же путь и устраивается на холодильнике.

П у ш а (*наученный вчерашним опытом, прыгает на табуретку, оттуда на стиральную машину, там поднимается на задние лапы, ставит передние на холодильник*). А можно, я тут, рядом с тобой, на самый краешек лягу?

К а н о п а. Если на самый краешек, то можно.

Счастливый Пуша взбирается на холодильник, ложится. Обнаруживает, что это еще «не самый» разрешенный ему «краешек». Отодвигается на пару сантиметров. Устраивается так, чтобы расположить на холодильнике только тело (в прямом смысле слова), а пушистые его меха свисают вниз.

Затемнение.

Явление четвертое.

Спустя три с половиной месяца.

**Канопа, Василиса Пушьевна, Мурка Пушьевна, Бастет Пушьевна,
1-я Счастливая кошководелица, 2-я Счастливая кошководелица.**

Ясный летний день. Большая комната. Василиса и Мурка перетягивают друг у друга оторванный клочок обоев. Канопа, притомившаяся от жары и своего беспокойного потомства, спит, привалившись спиной к креслу. Бастет лазит по этому креслу вверх-вниз. Счастливые кошководелицы входят с компьютером, собираются сесть за стол.

1-я Счастливая кошководелица. Давай здесь – с нашими девочками.

2-я Счастливая кошководелица. Да, когда их заберут, нам будет скучно. Что мы будем делать?

1-я Счастливая кошковладелица. Позовем Пушу, который трогательно мостится на холодильнике, – пусть новых наделает (*включает компьютер, садится*).

Василиса (*бьет крошечной лапкой по крошечной Муркиной морде и отнимает клочок обоев*). Так, ну перетягивание выиграла. Давай в догонялки.

Василиса и Мурка начинают бегать вокруг сложенной гладильной доски.

1-я Счастливая кошковладелица (*увидев их занятие*). У взрослых котов самый распространенный несчастный случай – попадание в дымоход, у котят – падение гладильной доски (*встает, убирает доску*).

Бастет все это время пытается прыгнуть с кресла. Она подходит к краю сиденья, заглядывает вниз, изготавливается к прыжку и... отступает. Хотя высота кресла не представляет для Бастет серьезного препятствия, ей кажется, что безопаснее прыгнуть на спящую Канопу. Она подходит к тому краю кресла, возле которого спит Канопа. Опять изготавливается к прыжку.

Бастет (*смотрит на спящую Канопу, раздумывает*). Это маме не понравится. Она ругаться будет, наверное (*отходит в глубь кресла*).

Мурка (*брызгая на Василису водой из ведра*). Давай к водным видам перейдем.

Василиса, самая бойкая из троих, ростом самая маленькая. Она с большим трудом тянется к поверхности воды.

1-я Счастливая кошковладелица (*подходит и подставляет ей под задние ноги книгу*). Не отставай. Ты же старшая сестра.

Василиса, не подав виду, что что-то изменилось, с наслаждением запускает кисти передних лап в воду и начинает обрызгивать Мурку. Бастет придумывает выход. Она, после недолгой возни на краю кресла, повисает на передних лапах над Канопой, еще ничего не подозревающей, и делает вид, что срывается.

Бастет (*приземлившись на Канопу*). Ой!

Канопа (*разбуженная, хватает Бастет за шиворот, гневно*). Так, дочка?! (*Собирается ее воспитывать*.)

Бастет. Мама, я же упала.

Канопа (*поднимает голову, смотрит на высоту, с которой спикировала Бастет, оценивает опасность*). Доченька, ты не ударилась? Ты не испугалась? (*Облизывает Бастет*.) Ты осторожней, ты береги себя! (*Продолжает облизывать*.)

Б а с т е т (*про себя*). Хорошо, наверное, что я младшенькая...
Затемнение.

Явление пятое.

Полтора года спустя. Ноябрь.

Бастет, Счастливые Басевладельцы, Сосед Счастливых
Басевладельцев.

Бастет у себя дома. Это большая пушистая кошка, черная с рыжими и белыми пятнами, формами тела очень похожая на свою мать. При первичном знакомстве с ней можно подумать, что это Канопа надела другое меховое пальто.

Б а с т е т (*сидит на лоджии и призывно орет в стену, смежную с лоджией соседской квартиры*). Мау, мау, мау.

С соседской лоджии слышны ответные крики «Мау».

Счастливым Басевладельцем. По-моему, там кто-то есть.

Счастливая Басевладелица. Надо бы прояснить ситуацию.

Они выходят из квартиры, звонят в квартиру соседей. Сосед Счастливых Басевладельцев открывает дверь.

Счастливым Басевладельцем (*соседу*). Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, кто орет с вашей стороны?

Сосед Счастливых Басевладельцев. И вам не болеть! С нашей стороны орет кот Тимофей.

Счастливая Басевладелица (*тихо мужу*). Ну, конечно, как с нашей стороны так Бастет, а как с их – так Тимофей.

Счастливым Басевладельцем (*тихо жене*). Так оно всегда и бывает. (*Соседу.*) А кот Тимофей свои слова может доказать делом?

Сосед Счастливых Басевладельцев. Запросто.

Счастливые Басевладельцы (*вместе*). Тогда давайте – будем родниться!

Затемнение.

Явление шестое.

Через два месяца.

Канопа и ее Счастливые кошковладелицы.

Канопа – матерая, пышно мехая кошка – лежит у батареи, принимает тепловую ванну, время от времени прислушивается к разговору.

1-я Счастливая кошководелица. С нашей Басей случилось два случая. Во-первых, она родила дочку. Так что у нас под батареей – бабулька (*кивает в сторону Каноны*). Спрашивали, как назвать, чтоб не хуже, чем у матери было. Я посоветовала – Таурт*, ласково Тася. Опять же, во-первых, она оказалась кошкой редкой породы.

2-я Счастливая кошководелица. Это как? В смысле породы?

1-я Счастливая кошководелица. Когда счастливые Басевладельцы приходили к нам знакомиться я им показывала журнал «Наука и жизнь». Там была статья про кошек бухарской породы. Они (кошки эти) были чрезвычайно распространены в Российской империи после присоединения Бухарского ханства (в конце девятнадцатого – начале двадцатого века). Причем в основном их держал так называемый средний класс и, когда его частично истребили, а частично он перебрался за границу, то большинство бухарских кошек оказалось на улице и на помойке. И сегодня, говорилось в статье, на помойке можно встретить кошку, которая будет соответствовать всем требованиям этой породы. Там были фото кошек двух окрасов. Одна – точно как Канопа, другая – как Бася. Я им статью для смеха показала, но они ее взяли и отксерили, а потом заламинировали. И теперь знакомым на вопрос: какой породы у вас ваша необычная кошка – не норвежская ли лесная? – отвечают: что Вы! это кошка – редкой бухарской породы и показывают заламинированную статью. А на вопрос: вы ее на выставке купили? – отвечают: что Вы! мы ее с большим трудом достали через знакомых!

2-я Счастливая кошководелица. Так значит ее мать – тоже редкой породы кошка. Буся – ты кошка очень редкой помойной породы!

1-я Счастливая кошководелица. Бухарской. Я вот думаю, может, неудобно называть ее просто Нопа. Все-таки, вон, за ней уже третье поколение. Это, наверное, Канопа Котовна?

К а н о п а (*потягиваясь, прижимает ноги к батарее*). Точнее, Канопа Рюриковна, родоначальница славного котячьего рода.

Затемнение.

* Бастет (или Баст) – древнеегипетская богиня радости и веселья, ее почитали в образе кошки и изображали в виде женщины с головой кошки. Таурт – древнеегипетская богиня домашнего очага, семьи, женщин, которые хотят иметь детей или ждут ребенка, ее почитали в образе бегемотицы и изображали в виде беременной бегемотицы, иногда с ногами львицы (скульптурные изображения, как ни странно, очень изящные).

Явление седьмое.

Через месяц.

Бастет Пушьевна и Таурт Тимофеевна (Тася).

Тася только что вылезла из логова, где провела первый месяц своей жизни, и намерена осваивать большой, открывшийся ей мир.

Б а с т е т (*облизывает Тасю*). Доченька, только ты будь осторожней. Знаешь сколько кругом опасностей! С моей старшей сестрой Муркой, когда мы еще жили с мамой, был случай: она зашла за шкаф, а «задний ход» давать не умела. И там стоит, выйти не может. Пришлось счастливым кошковладелицам нашей матери ночью вынимать все вещи из шкафа, снимать антресоль и отодвигать шкаф. Правда, через два дня мы научились давать задний ход.

Т а с я. Мама, а что такое – старшая сестра?

Затемнение.

Явление восьмое.

Через какое-то время. Конец зимы или ранняя весна.

1-я Счастливая кошковладелица и Коллега по работе

1-й Счастливой кошковладелицы.

На работе. 1-я Счастливая кошковладелица входит. На ней странная, но довольно интересная одежда – гигантское пончо с рукавами и капюшоном, по периметру подшитое длинным мехом.

К о л л е г а п о р а б о т е (*рассматривая наряд, одобрительно*). Здорово! А что это за мех?

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а. Продали как песок. Но подозреваю, что кошка.

К о л л е г а п о р а б о т е. Та ну, где ты видела кошку с мехом такой длины?

1-я С ч а с т л и в а я к о ш к о в л а д е л и ц а. Каждое божье утро, когда я открываю глаза, первое, что я вижу – это кошку с мехом такой длины!

Смеются.

Затемнение.

Явление девятое.

Спустя непродолжительное время. Весна усилилась.

Канопа и ее Счастливые кошковладелицы.

Счастливые кошковладелицы убирают квартиру. 1-я Счастливая кошковладелица выходит из комнаты с пылесосом. Канопа, заметно поиззящневшая, идет ей на встречу, в пропылесосенную уже комнату.

2-я Счастливая кошковладелица. Можешь возвращаться с пылесосом. Сейчас с нее опять насыплется.

1-я Счастливая кошковладелица. Канопа Рюриковна сняла шубу, кафтан, бармы, сапоги, снимает брюки-юбку и останется в сексуальной пижаме. Я по этому поводу опять написала подражание японским мастерам:

Весна.

Сколько вылезло меха из кошки.

Я никогда не видел столько на кошке.

Знающие люди говорят: «хокку не хилое».

Канопа. Любителям философской лирики поясняю отдельно: в этом году будет очень жаркое лето.

Затемнение.

Явление десятое.

В то же время или раньше (типичная ситуация)

Те же.

1-я Счастливая кошковладелица сидит за компьютером, пишет. Включена настольная лампа. Канопа лежит под лампой и боком касается компьютера. Заметно, что они обе уже давно в этих позах.

2-я Счастливая кошковладелица (*входит*). Буся, чего ты от нее не отходишь? Она ванну принимает – ты в раковине лежишь. Она идет есть – ты идешь за ней. Тебе жарко, а ты все равно – под лампой? Ты что – ее хвост? (*Дочке.*) А ты чего пишешь-то?

1-я Счастливая кошковладелица (*отвечает сразу на все вопросы*). Она меня любит. Всё ту же диссертацию.

Канопа (*умильно смотрит на 1-ю Счастливую кошковладелицу, встает, подходит к ней, трется мордой об ее очки*). Любит, оно – конечно, только сильно хочется пойти на повышение. Ты меня скоро профессорской кошкой сделаешь?!

Затемнение.

Явление одиннадцатое

Те же.

Канопа лежит – отдыхает, растянув свое гигантское тело.

1-я Счастливая кошковладелица (*входит с сантиметром в руках, к 2-й Счастливой кошковладелице*). Сейчас будем измерять Канопу по моему методу. Я беру ее под мышки, мордой к себе, у нее задние ноги свисают. Ты подкрадываешься сзади

и прикладываешь сантиметр к ее носу, фиксируешь, затем аккуратно пропускаешь по ее голове, телу и до начала хвостиньки, тоже фиксируешь. Сейчас произведем филиномертию, узнаем ее истинный рост (*берет Канопу на руки, как сказала*).

2-я Счастливая кошковладелица подбирается с сантиметром к Канопе, висящей у 1-й Счастливой кошковладелицы в руках.

Канопу (неожиданно для них обеих складывает неудобно висящие задние ноги на талию 1-й Счастливой кошковладелицы и затягивает кошачью народную песню).

Котовод прекрасный, добрый
Меня любит, меня холит,
Меня носит, меня нежит,
Меня кормит, меня поит,
Меня гладит, меня пестит,
Меня чешет, меня моет...

2-я Счастливая кошковладелица (скептически). Тебя помоешь, как же (пытается измерять).

1-я Счастливая кошковладелица (трясет животом, делая безуспешную попытку скинуть кошачьи ноги). У нас сил хватает только тебя намочить; и ты, мокрая, грязная и сильно обиженная убегаешь.

Канопу (тянется всем своим телом к телу 1-й Счастливой кошковладелицы). А ты не мочи меня насильно. Я, когда надо языком и лапами умываюсь. И к концу лета большая грязь сама отваливается вместе с отработанными мехами.

2-я Счастливая кошковладелица. Ну, в сложенном виде – 56 сантиметров, наверное, а так – 70 сантиметров будет. М-да, где ж жениха-то теперь брать?.. Это какой-то камышовый кот нужен.

1-я Счастливая кошковладелица. Рысь нам нужен кистеухий.

Счастливые кошковладелицы вздыхают.

Канопу (наконец, дотягивается куда хотела и прижимается к 1-й Счастливой кошковладелице). А из песни слово не выкинешь, тем более из народной. Фольклор – народное знание о смыслоплетении, архетип, так сказать. О! (Обхватывает шею 1-й Счастливой кошковладелицы передними лапами.) У меня, точно, потенциал кошки профессорской! (Довольная собой, тихо напевает.)

Затемнение.

Явление двенадцатое
(пока заключительное, но не последнее).
Те же.

1-я Счастливая кошковладелица входит в квартиру. Канопа встречает ее у двери, сразу забирается на руки.

1-я Счастливая кошковладелица. Нопа, ты моя родная, ты меня встречаешь! Какого я тебе жениха присмотрела! Черный, мохнатый, очень благородный – прямо абиссинский принц! В паспорте шесть поколений предков прописаны. Ему счастливые котоводы даже помогают на табуреточку взбираться, потому что он же не один взбирается, а с генеалогическим деревом. А какой у него хвост! Просто грандиозный!

2-я Счастливая кошковладелица (*смотрит на хвост, свисающий из-под рук 1-й Счастливой кошковладелицы, скептически*). Ну не больше же, чем у Канопы?

1-я Счастливая кошковладелица. Больше в разы.

2-я Счастливая кошковладелица. Так не бывает.

1-я Счастливая кошковладелица. У них порода такая. Он мейн-кун.

2-я Счастливая кошковладелица. Точно кот? Не песец?

Канопа (*лизет 1-ю Счастливую кошковладелицу*). А ты сейчас от него пришла? Ничего так пахнет!

1-я Счастливая кошковладелица. Нопочка, он тоже меня обнюхал, мои вещи и улегся на мою сумку.

Канопа. И когда ж я его увижу?

1-я Счастливая кошковладелица. Он еще частично растет. У него уже очень большая голова, большие ноги, хвост и тэдэ, но длина тела еще уступает твоей. У них такая порода – они к трем-пяти годам полностью вырастают.

Канопа (*продолжает лизать 1-ю Счастливую кошковладелицу*). Ну, какие мои годы! Подождем! Только давай поедим сначала!

1-я Счастливая кошковладелица несет Канопу на кухню.

Затемнение.

Все выведенные в Lesedrama персонажи являются подлинными лицами и мордами. Они изображены под настоящими именами и в своих социальных ролях. Все описанные ситуации происходили в действительности именно с этими героями. С ними случается и много другого, не менее интересного, что не всегда удается отразить при посредничестве слова. Часто нужны иные художественные средства – кисть и краски, фотообъектив, видеокамера. Так же драматургическая форма, избранная для воссоздания яркого облика Каноны Рюриковны и ее окружения, и не всегда была оправдана по причине скудости кошачьего диалекта звериного языка. Однако в жанре хронографа есть не только ретроспектива, но и перспектива. Она открывает перед всеми лицами и мордами этой истории новые возможности для реализации своих жизнетворческих потенциалов.

В.И. Большаков «В содружестве с Евтерпой и Сешет».....	5
Поэзия. Художественная проза.....	9
Максим Бородин.....	10
Вячеслав Внуков.....	18
Иван Гаврилов.....	28
Владимир Гилев.....	44
Виктор Колохов.....	56
Ирина Лушинская.....	70
Геннадий Львов.....	84
Марина Недогибченко (Яланська).....	92
Наталья Ротт.....	106
Марина Складановская.....	116
Олег Чалый.....	124
Владимир Шабатько.....	134
Публицистическая проза. Мемуары.....	145
Сергей Подолинный.....	146
Віктор Харченко.....	170
Татьяна Шпаковская.....	182
Литературная гостиная. Драматургия.....	197
Екатерина Прокофьева.....	198

Літературно-художнє видання

П'ятнадцятий

поверх...

Літературні твори співробітників ПДАБА

Українською та російською мовами

авторське редагування

Відповідальна за випуск Т.А. Шпаковська

Дизайн обкладинки С.Б. Пономарьов

На першій сторінці обкладинки – будівля ПДАБА

На четвертій сторінці обкладинки –
муза Євтерпа з флейтою (мармуровий фриз) та богиня Сешет (малюнок)

Здано на складання 30. 08. 10. Підписано до друку 30. 10. 10.
Формат 60x90 1\16. Папір офсетний. Гарнітура літературна. Друк офсетний.
Умовн. друк. арк. 7, 29 Умовн. фарб.-відб. 7, 29. Обл.-відавн. арк. 10, 06.
Наклад 200 прим.

Придніпровська державна академія будівництва та архітектури
вул. Чернишевського, 24а
м. Дніпропетровськ, 49005

Віддруковано у друкарні видавництва «СВІДЛЕР А.Л.»
49041, м. Дніпропетровськ, а/с 2493, тел./факс +38 (056) 776-39-16
<http://svidler.dp.ua>